

АЛЕКСАНДР АВВАКУМОВ

АЛЛИГАТОР

ИЗДАНИЕ
ОЗВЕЩАЮЩЕ

КАЗАНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Министерство внутренних дел Татарстана, названное в народе «Черным озером», — место, где рушились легенды о негибваемости преступных авторитетов и улетучивались понятия воровской дружбы. Там, на «Черном озере» преступников настигала казавшаяся им эфемерной неотвратимость наказания.

Автор произведения переносит читателя в далекие «кровавые» 90-е годы прошлого столетия.

В сюжете лежат реальные события тех времен, когда бандитская пуля, была основным аргументом в решении всех коммерческих споров. Герои произведения и многие описываемые события вымышлены. Возможное сходство героев с реальными людьми, носит случайный характер.

Уважаемые читатели!

Перед вами, не просто детектив, а скорее всего автобиографическая повесть. Александр Аввакумов более пятнадцати лет проработал в уголовном розыске. Прошел путь от рядового оперативника до заместителя начальника Управления уголовного розыска министерства внутренних дел Республики Татарстан. За его плечами сотни раскрытых преступлений: краж, грабежей, разбойных нападений, убийств.

На чтобы мне хотелось обратить ваше внимание, это на то, что автор пытается показать нам работу сотрудников уголовного розыска не с привычной глянцевої стороны, к которой все мы так привыкли, а со стороны совершенно неизвестной широкому читателю. Автор, словно специально приоткрывает нам совсем непривычную сторону этой работы, что делает это произведение более интересным и привлекательным.

В основе его произведений лежат реальные преступления, совершенные преступниками в начале 90-х годов прошлого столетия. Все эти преступления были довольно громкими по тем временам и невольно привлекали к себе интерес огромной группы людей. Автор, исходя из своих соображений, специально зашифровал адреса, изменил имена оперативников и преступников. В некоторых случаях, при работе над своими произведениями, он вполне надумано драматизирует и обостряет отдельные моменты, как совершения преступления, так и их раскрытия. Однако, этот прием применяемый автором, не только не снижает интерес к произведениям, но и заметно улучшает их художественную линию.

Думаю, что читатель невольно заметит, что главный герой его произведения Абрамов в первую очередь — человек, тонкий психолог, а уж только затем сотрудник уголовного розыска. Его терпение, вдумчивость и умение строить разговор с преступниками позволяют ему расположить к себе человека так, что тот невольно становится добровольным участником процесса раскрытия преступления.

Мы, не без волнения, отслеживаем жизненный и служебный путь Абрамова. Однако, автор не пытается сделать из своего героя идеального человека. Его жизненный путь не устлан розами и не так гладок, как хотелось бы нам. Как и у всех талантливых людей, у нашего героя есть не только друзья, но и враги и завистники.

Я думаю, что данные произведения, лишний раз напомнят нам всем о тех людях, кто полностью посвятил свою жизнь борьбе с преступностью, кто отдал свое здоровье, а некоторые и жизнь этому не легкому делу.

*Председатель Совета ветеранов Управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Республики Татарстан
Александр Сорокин.*

Историческая справка

Алексей Васильевич Суклетин — советский серийный убийца и каннибал, с 1979 по 1985 год убивший и съевший вместе со своими поделщиками Мадиной Шакировой и Анатолием Никитиным, как минимум, 7 девочек и женщин.

Работал сторожем в садоводческом обществе «Каенлык» в поселке Васильево,

пригороде Казани. Помимо убийств, занимался вместе с Шакировой и Никитиным вымогательствами, из-за чего и был пойман. Во время обыска в доме заподозрен в убийствах. Арестован летом 1985 года, расстрелян в 1987 по приговору Верховного суда Татарстана. Шакировой и Никитину присудили по 15 лет тюремного заключения.

При раскопках в саду Суклетина собрали четыре мешка человеческих костей, а в его сторожке нашли вещи жертв и вещественные доказательства (например, полведра топлёного человеческого сала). Иногда Шакирова продавала соседям человеческое мясо под видом парной свиной вырезки.

Жертвы

1. Екатерина Осетрова, 22 года. Убита в ноябре 1979 года. Была оглушена ударом по голове молотком, обмотанным тряпкой, затем ей перерезали горло. Часть трупа Суклетин употребил в пищу вместе с Шакировой.
2. Татьяна Илларионова. Убита 13 января 1980 года.
3. Резеда Галимова, 15 лет. Убита в феврале 1980 года.
4. Надежда Ситявина. Убита в марте 1980 года.
5. Наталья Школьникова. Убита в мае 1980 года.
6. Валентина Еликова, 11 лет. Изнасилована и убита в июле 1980 года.
7. Лилия Федорова, 23 года. Изнасилована и убита 12 марта 1985 года.

(Евгений Додолев, опубликовано в журнале «Смена», номер № 1491, июнь 1989).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Это тебя, — произнес начальник отделения розыска и протянул мне трубку телефона. Я вопросительно посмотрел на него. Но он молча передал мне трубку.

— Абрамов, — произнес я в трубку. — Слушаю.

— Зайди ко мне, есть серьезный разговор, — произнес начальник управления уголовного розыска МВД Костин.

Я положил трубку и вопросительно посмотрел на своего начальника.

— Что смотришь? Тебя приглашают, а не меня. Так что давай, топай. Начальство не любит ждать.

Я встал из-за стола и молча направился в кабинет начальника управления. Осторожно постучав в обшитую дерматином дверь, вошел в кабинет.

— Здравия желаю, Юрий Васильевич. Прибыл по вашему приказу, — произнес я.

— Абрамов, давай завязывай с этими армейскими делами. Здесь не армия. Работаешь в управлении два года и все привыкнуть не можешь.

— Простите, больше такого не повторится, — произнес я.

Он устало улыбнулся.

— Давай, Виктор, присаживайся, есть серьезный разговор.

Я сел за стол и приготовился слушать. Он встал из-за стола и подошел к окну. Приоткрыв штору, он молча посмотрел в окно и, задернув штору, повернулся ко мне лицом.

— Вот, что Виктор. Меня очень беспокоит рост количества пропавших женщин в городе Казани. Я хочу поручить тебе провести детальную проверку всех этих розыскных дел, заведенных по факту их исчезновения. Дела на мужчин можешь не изучать.

Закончив говорить, он внимательно посмотрел на меня.

— Вопросы есть?

— Юрий Васильевич, насколько я владею статистикой, количество пропавших без вести женщин находится на уровне прошлых лет. Вы же знаете, сейчас лето и людей тянет на природу.

— Ты меня не понял, Абрамов. Я хочу, чтобы ты разобрался в причинах исчезновения. Если это сезонный рост, Бог с ним. Однако причины, побуждающие женщину бросить своего ребенка и исчезнуть, наверняка не связаны с наступившим летом. Так, что разберись и подготовь для меня обзор по всем этим исчезновениям.

— Можно еще один вопрос? Может, мы просто запросим подобную справку из УВД города? Пусть поработают немного.

— Мне их справка не нужна. Я просто знаю, что они в ней напишут. Мне нужна объективная справка, с выводами и предложениями. Понял?

Я молча кивнул головой.

— Каковы сроки, Юрий Васильевич?

— Чем быстрее, тем лучше. А так — месяц.

— Что мне сказать своему начальнику отделения?

— Ничего. Я сам ему скажу об этом задании. Если больше вопросов нет, тогда можешь идти, я тебя больше не задерживаю.

Я встал из-за стола и молча направился к двери. Идя по коридору, я размышлял о порученном мне задании. Я хорошо знал Костина, поэтому вполне серьезно относился ко

всем его поручениям. Если он, что-то поручал кому-то, то это было вызвано каким-то его вторым и пока не совсем понятным мне чувством.

Я открыл дверь и вошел в свой кабинет. Сев за стол, я открыл журнал регистрации розыскных дел и стал выписывать фамилии пропавших женщин и номера розыскных дел.

— Что, опять новое задание? — ехидно спросил меня начальник отделения.

— Угадали, — коротко ответил я ему.

— Я так и думал, — произнес он. — Жалко, что у нас в управлении нет должности офицера по особым поручениям начальника управления, ты бы точно занял эту должность.

— Вы не мне это говорите, а ему. Может быть, мне посоветовать ему подобные вопросы предварительно обговаривать с вами?

Он замолчал и, достав из ящика стола газету, углубился в чтение.

* * *

Сергеев Алексей Васильевич, 1943 года рождения, сидел на скамейке в привокзальном скверике и читал оставленную кем-то газету. До отправления электрички Казань — Нижние Вязовые оставалось чуть больше часа. Он достал из кармана пиджака пачку «Авроры» и вынул из нее сигарету. Похлопав себя по карманам, достал коробку спичек и прикурил. Выпустив струю голубоватого дыма в небо, про себя отметил, что не припомнит такой жары в самом начале мая.

Неожиданно его внимание привлекла молодая женщина двадцати трех — двадцати пяти лет, которая вела за руку плачущего ребенка. Ребенок не хотел идти и упирался своими ножками в асфальт.

— Ты почему не слушаешь свою маму? — грозно обратился он к ребенку. — Ты посмотри только какая красивая она у тебя. Мне стыдно за тебя!

Мальчик замолчал и испуганно посмотрел на незнакомого дядю, а затем перевел свой взгляд на мать. Женщина подняла его на руки и посадила его на другой конец скамейки.

— Спасибо вам, а то я просто не знала, как остановить его плач, — произнесла женщина, вытирая лицо ребенка носовым платком.

Она с интересом посмотрела на незнакомца, отмечая про себя его неплохие физические данные. Что греха таить, Бог сполна наделил его всем этим. Рост Сергеева был где-то под метр восемьдесят пять, он был широк в плечах, с развитой мускулатурой. Грудные мышцы рельефно выпирали из-под его рубашки. Лицо его было не столь симпатично, но и не столь некрасиво. А вот темные каштановые волосы и лучезарная белоснежная улыбка делали его лицо довольно привлекательным и интересным. Он хорошо знал, что нравится женщинам и часто использовал это в своих целях.

Он с нескрываемым интересом посмотрел на женщину. Почувствовав на себе его пристальный взгляд, она невольно засуетилась и покраснела оттого, что не знала, как себя вести под этим взглядом.

— Мужчина, вы что меня так рассматриваете? На мне нет узоров!

— Это кто вам сказал об этом? — сказал он и улыбнулся. — Вам никогда не говорили, что вы очень красивая женщина?

От этих слов она еще больше смутилась и покраснела.

— Вот видите, вы покраснели. Значит я прав, что вам про это еще никто не говорил.

Женщина подхватила ребенка и направилась в сторону пригородной платформы. Сергеев снова достал сигареты и закурил. Прикрыв глаза от солнца, он посмотрел в сторону удаляющейся от него женщины, отмечая про себя ее несомненные достоинства — красивую фигуру и длинные стройные ноги.

Он невольно вспомнил свое детство. В семье, где он рос, были практически одни женщины. Отец после его рождения оставил семью и ушел жить к соседке, с которой крутил любовный роман последние три года. Мать и три его сестры, карабкались в этой жизни, как могли. Он часто донашивал старые вещи, которые приносила откуда-то его мать. С этого времени он просто возненавидел женщин в лице круглой, словно шар, соседки. Ему тогда казалось, что все его трудности исходят именно от окружавших его женщин. Сестры заставляли его убирать квартиру, таскать из колонки воду, колоть дрова и выполнять другую тяжелую по дому работу.

Лишь поздно вечером, оказавшись в своей постели, он предавался своим сокровенным мечтам о том, как он отомстит им, когда вырастет. Он часто рисовал в своем детском воображении кровавые акты возмездия. Он словно наяву слышал их болезненные крики о помощи и видел кровь, обильно текущую по их телам.

В 1960 году, когда ему исполнилось семнадцать лет, его посадили за зверское изнасилование одноклассницы. Тогда он впервые в своей юной жизни почувствовал свое физическое превосходство над ней. Выбор его был не случаен. Он ненавидел ее с самого первого класса, когда молодая учительница посадила его с ней за одну парту.

— Мила, я очень тебя прошу, подтяни, пожалуйста, Сергеева. Ты же видишь, что он не вылезает из двоек.

Мила посмотрела на него сверху вниз, выказывая тем самым свое превосходство над ним. Этим взглядом она уже тогда подписала себе этот приговор. Все школьные годы он только и мечтал отомстить ей за эту обиду. Часто, ложась спать, он строил планы этой мести, которую впоследствии полностью и воплотил в жизнь. Он до сих пор помнил, как кричала она под ним, как он без жалости бил ее по лицу и другим частям тела. Он не убил ее только потому, что просто не успел это сделать. Кто-то из соседей услышал ее крики и вызвал милицию. Тогда ему дали семь лет.

* * *

Он как сейчас помнит эту камеру и двенадцать пар мужских глаз, встретивших его при входе в камеру. Он улыбнулся им, представился и направился к свободной койке.

— Так это ты, значит, вскрываешь «лохматые сейфы»? — спросил его один из осужденных.

Сергеев снова улыбнулся и бросил свой матрас на койку.

— Ну, раз так говорят, то, значит, это я — ответил он.

— Давай рассказывай, что ты сделал с этой девчонкой? — произнес все тот же мужчина.

— А вы что, не знаете, что делают с бабами? Может, эта не воровская хата, и здесь чалятся не воры и блатные, а целомудренные монахи?

Он вовремя успел вернуться. Чей-то запущенный в его голову башмак лишь коснулся его головы.

— Мужики, вы что творите?

— Мужики лес валят. Здесь нет мужиков, — сказал кто-то за его спиной.

— Вы что творите, как будто сами лучше меня, — стал оправдываться он.

— Нам здесь «лохматые взломщики» не нужны. Ломись, парень, отсюда, пока мы тебя не «опустили ниже плинтуса» — произнес все тот же мужчина. — Мне запахло дышать одним воздухом с тобой.

Сергеев подошел к дверям камеры и начал в нее стучать. Дверь с грохотом открылась и в дверях возникла массивная фигура контролера.

— Чего стучишь? Что тебе нужно?

— Переведите меня, пожалуйста, в другую камеру, — попросил Сергеев.

— Ты что, забыл где находишься? Это тебе не гостиница! Здесь номера не выбирают, — ответил контролер.

— Но они мне угрожают, хотят меня «опустить», — чуть ли не со слезами на глазах произнес Алексей.

— Я им мешать не стану. Таких, как ты, не только «опускать» надо, но и убивать не грех, — сказал контролер и захлопнул дверь.

Сергеев обессилено сел за стол и с нескрываемой ненавистью посмотрел на сокамерников.

— Если кто из вас подойдет ко мне — убью, — произнес он.

Раздался дружный смех. Один из сокамерников соскочил с койки и, выставив перед собой заточку, пошел на него.

— Сейчас мы посмотрим, какая у этой твари кровь.

Вслед за ним с коек поднялись еще несколько человек...

Очнулся он под утро. Все тело его нестерпимо болело и каждое движение приносило физическую и моральную боль. Что лежит около параша, понял сразу. Сильный и противный запах выворачивал его нутро наизнанку.

— Вот и «петушок» очнулся, — произнес один из мужчин. — Однако почему-то не поет, не будит нас на завтрак. Эй, «петушок», прокукарекай подъем братве.

— Не буду.

— Что значит «не буду»? Ты знаешь, что бывает с теми «петухами», которые отказываются это делать? Все правильно, их забивают на суп. Так что, перед тем, как открыть свою пасть, педераст, немного подумай о последствиях.

Сергеев приготовился к тому, что сейчас может повториться то, что с ним сделали эти люди прошлым вечером. Он как затравленный зверь забился в угол. Немного подумав, встал на ноги и, взмахнув руками, как это делает петух своими крыльями, закукарекал. Осужденные схватились за животы, и тишину камеры потряс взрыв хохота.

— Запомни, «петушок», теперь будешь кукарекать каждый час. Пропустишь — ответишь.

Звякнула створка «кормушки». Дверца открылась, и в отверстии показалось сытое лицо «баландера».

— Давайте миски, завтрак, — выкрикнул он.

Сергеев хотел первым подставить свою миску под большой черпак, в котором была перловая каша с кусками какой-то рыбы, однако сильный удар в челюсть опрокинул его на бетонный пол.

— Куда лезешь, «петух гамбургский», ты у нас последний в этой очереди, — произнес

сокамерник. — Ты не удивляйся, это опущенный, — пояснил он баландеру.

— Все понятно, — ответил разносчик пищи.

Сергееву он положил половину положенной ему нормы. Алексей хотел было возмутиться, но вовремя одумался. Он злобно посмотрел на баландера и, промолчав, направился со своей миской к столу.

— Ты куда прешь? Здесь обедают честные арестанты. Твое место у параши, — сказал все тот же арестант. — Если подойдешь к столу, вмиг отоварим.

Алексей поплелся к параше и, устроившись рядом с унитазом, стал с жадностью поглощать пищу.

* * *

После обеда его вызвал оперативник. Сергеев вошел в кабинет и остановился у двери.

— Осужденный по статье сто семнадцать, часть два Сергеев Алексей Васильевич, — произнес он.

За столом сидел молодой старший лейтенант внутренней службы и с интересом смотрел на него.

— Я слышал, что тебя опустили блатные?

Сергеев замялся. Он просто не знал, сознаваться ему в этом или нет. Он еще не разобрался в этом арестантском мире и сейчас боялся, что ответом может навредить себе.

— Чего молчишь? Или потерял дар речи после вчерашнего? Ты, Сергеев, не расстраивайся, не ты первый, не ты последний, с кем поступают так. Просто твоя статья не в почете у местной арестантской братвы. Я не стану тебя уговаривать, так как деваться тебе просто некуда. Ты «обиженный», и теперь это пятно на тебе будет до конца твоих дней. На воле ты можешь еще стать каким-то авторитетом, но стоит тебе переступить порог хаты, ты добровольно должен лечь у параши. Если ты это забудешь, то тебе обязательно напомнят.

— Ну и как мне теперь жить все эти семь лет? Они же меня убьют!

— А ты сам подумай об этом. Если ты поднимешься в зону, то драть тебя там будут каждый божий день. А это значит, что мы, то есть администрация следственного изолятора, являемся твоими защитниками. Но мы защищать тебя просто так не намерены, для этого ты должен помогать нам.

— То есть вы мне предлагаете...

— Ты все правильно понял, Сергеев, — произнес старший лейтенант. — Красивой и хорошей жизни я не обещаю, но могу гарантировать тебе жизнь. Это тоже много значит для тебя, Сергеев. Если пожелаешь, могу перевести тебя в другую хату, но там произойдет то же самое, но еще более жестко.

— А если я откажусь?

— Сегодня откажешься, а завтра сам приползешь ко мне на коленях и со слезами на глазах будешь просить меня о защите. Ты сам знаешь — я могу тебе помочь, а могу и не расслышать твоей просьбы. Без меня ты через месяц залезешь в петлю. Шансов выжить без меня у тебя практически нет.

Уговаривал он Сергеева недолго. Предложил присесть за стол и протянул ему чистый лист бумаги.

— Пиши. Я, такой-то, обязуюсь добровольно помогать администрации следственного

изолятора, выявлять лиц, злостно нарушающих установленную законом дисциплину, сообщать об укрытых ими преступлениях. Написал? Пиши дальше — все свои сообщения буду подписывать псевдонимом... Придумай чего-нибудь сам.

Сергеев закончил писать и протянул ему обратно лист бумаги. Старший лейтенант прочитал и усмехнулся.

— А почему так грозно — Аллигатор?

— А потому, что я их ненавижу. Я бы их всех порвал на части и съел.

— Тогда все ясно. Запомни, Аллигатор, что сейчас твоя жизнь в твоих руках. Если проколешься, то они порежут тебя на маленькие кусочки и спустят их в унитаз.

— Я не маленький и все хорошо понимаю.

— Тогда попей чаю с конфетами и обратно в камеру. Если будут спрашивать, скажешь, что водили в санчасть.

— Понял, — коротко произнес он и налил в металлическую кружку крепкий чай. Он пил не спеша, смакуя сладкую и терпкую жидкость. Закончив пить, он отодвинул от себя кружку и поднялся со стула.

— Я все. Отведите меня в камеру.

Оперативник вызвал контролера и попросил отвести Сергеева в камеру.

* * *

Сергеев поднялся со скамейки и направился в сторону пригородной платформы. Протискиваясь сквозь толпу пассажиров, ожидавших электричку, он снова увидел уже знакомую ему женщину с ребенком.

— Извините, товарищи, позвольте пройти, — то и дело произносил он, протискиваясь в сторону женщины.

Когда до нее оставалось метра три, он вдруг увидел рядом с ней мужчину, который, жестикулируя, что-то говорил ей. Неожиданно он схватил ее за руку и потащил к выходу с платформы. Женщина пыталась вырваться, однако мужчина держал ее руку крепко и все ее попытки были тщетны.

Алексей схватил мужчину за руку и с силой сжал ее. Лицо мужчины побелело от боли, и он отпустил женскую руку.

— Ты кто такой? Ты что лезешь в чужую жизнь? — кричал он, стараясь освободиться из цепких рук Сергеева. — Я ее муж, а ты кто?

— Ты не муж, ты кобель. Если ты еще раз это сделаешь, я убью тебя. Ты понял меня или нет?

Наконец мужчине удалось вырвать свою руку. Он грубо выругался и, расталкивая людей руками, направился в сторону выхода с платформы.

— Спасибо. Я думала, что он меня сейчас потащит за собой.

— Кто он вам? Муж?

— Нет. Это бывший мой сожитель. Хочет вернуть меня, а я не хочу. Дважды в одну воду не входят.

— Сын-то от него? — поинтересовался Сергеев.

— Нет. Это мой сын.

Вдали показалась электричка. Пассажиры встрепенулись, и вся толпа хлынула к краю

платформы.

— Давайте я вам помогу, — предложил он женщине и, подхватив ее сумки, направился к вагону.

Женщина взяла на руки ребенка и устремилась следом. Они вошли в вагон и сели напротив друг друга.

— Вы куда едете? — поинтересовался он у нее.

— В Васильево. Там у меня живет мать. Сама я работаю в Раифском зверосовхозе. А вы откуда?

— Сам я живу в Казани. Вернее, мать живет в Казани. А работаю охранником в садовом обществе «Каенлык». Платят мало, зато свободного времени выше крыши.

— Я случайно увидела у вас наколку. Вы судимы?

Сергеев сделал вид, что смущен. Немного подумав, он наклонился поближе к ее лицу и тихо произнес:

— Вы угадали. Я действительно судим. Но я не уголовник, я диссидент, то есть политический заключенный. Про нас еще говорят, что мы «узники совести». Раньше я работал в одном из институтов Москвы, но после того, как меня арестовало КГБ, сами понимаете, меня лишили всего, в том числе и возможности преподавать в институте. После второго ареста мне предложили покинуть столицу нашей родины, и я перебрался в Казань, где живет моя мать.

Он замолчал и посмотрел на женщину, стараясь понять, какое впечатление произвел его рассказ. Женщина, не отрываясь, смотрела на него.

— Сами понимаете, мне пришлось оставить в Москве все. Семья отеклась от меня. Я оставил им все — квартиру, дачу в Подмосковье и с пустыми карманами приехал в Казань. Попытался устроиться на нормальную работу, но мне везде отказывали. Пришлось вот пойти сторожем в садовое общество.

Достав сигареты из кармана пиджака, Сергеев поднялся с сиденья.

— Если вы не возражаете, я пойду покурю.

Выйдя в тамбур, он закурил и посмотрел в окно вагона. Впервые в своей жизни он не испытывал отрицательных чувств к женщине. Он невольно вспомнил этот неподдельный интерес к нему, к его придуманной биографии и ему вдруг стало смешно. Чтобы скрыть улыбку, он отвернулся от стоящего напротив мужчины и снова посмотрел в окно. Электричка, замедлив ход, остановилась. Он выглянул из открытой двери вагона. Поезд стоял на станции Юдино.

* * *

Теперь он знал, как зовут его попутчицу. Ею оказалась двадцатитрехлетняя Мадина Шарипова.

— Вы такой грамотный человек, наверное, пришлось вам много поехать по Советскому Союзу? — спросила его она.

Он посмотрел в потолок, словно вспоминая что-то.

— Вы знаете, Мадина, мне проще вам рассказать о том, где я не был. По крайней мере, начиная с мыса Золотой Рог и кончая Калининградом, я посетил все крупные города. Хабаровск, Находка, Комсомольск-на-Амуре, Омск, Томск — он продолжал перечислять

города, о которых узнал из книг тюремной библиотеки. — Приходилось бывать в Париже, Берлине, Риме. Короче, в Европе.

— Да, красивая у вас была жизнь. А я вот окончила школу, родила, а затем соседка меня устроила в зверосовхоз, в котором работала сама. Нигде я не была и ничего такого не видела. Я даже в Казань выезжаю редко.

Мимо их вагона со свистом и грохотом пронесся пассажирский поезд. Она проводила его мечтательным взглядом и снова повернулась к Алексею.

— Кажется, приехали.

И словно в подтверждение его слов состав стал сбрасывать скорость, а затем дернулся и остановился.

— Я вам помогу.

Подхватив ее сумки с продуктами, он поспешил к выходу из вагона. Вслед за ним из вагона вышла Мадина, неся на руках спящего мальчика.

— Если вы не против, я бы помог вам донести эти сумки до дома, — галантно предложил он ей.

Румянец, выступивший у нее на щеках, сделал ее лицо еще привлекательней.

— Я согласна.

Они пошли рядом, бросая друг на друга взгляды.

— Алексей, расскажите мне еще что-нибудь о себе, — попросила она его.

— Можно, я вас буду называть на «ты»? Так проще и более доверительно.

Она молча кивнула головой.

— Ты знаешь, Мадина, мне однажды пришлось побывать в Австралии. Что меня там больше всего поразило, так это то, что там до сих пор едят человеческое мясо.

— Как так? — удивленно произнесла она.

— Не все конечно, но многие. Говорят, что вкус человеческого мяса чем-то напоминает вкус молодого тельца. Многие верят, что тот, кто хоть раз в этой жизни попробует человеческого мяса, приобретет иммунитет от многих серьезных заболеваний, таких как рак, болезни сердца и других.

— Не может быть... — испуганно произнесла она.

— Почему не может быть? Просто основная масса людей этого не знает. Ты только представь, что сейчас началось бы, если бы люди узнали об этом. Люди бросались бы друг на друга, убивали, а затем пожирали себе подобных. Ты знаешь, мне всегда было интересно, смог бы я это сделать или нет?

— Леша, мне стало страшно от вашего рассказа.

— Страшно? Это потому, что ты представила себе, что это тебя едят разные там люди. А ты представь себе совершенно другую картину, что это ты ешь их, а не они тебя.

Она посмотрела на него, и ей в этот момент показалось, что он уже пробовал человеческое мясо.

— Ты что так на меня смотришь, Мадина? Я еще никого не съел, но мне этого ужасно хочется, — сказал он и громко рассмеялся.

— Вот мы и дома.

Они остановившись у калитки небольшого деревянного дома.

Дверь дома открылась и на пороге появилась женщина.

— Наконец-то приехала! Что ты так долго делала в Казани? — стала она спрашивать у нее. — А это кто? Твой новый кобель?

— Мама, как тебе не стыдно! Человек просто решил мне немного помочь.

— Знаю я таких помощников. Сначала сумки донесут, а потом под юбку полезут.

Сергеев улыбнулся словам матери Мадины и, поставив сумки у калитки, направился вдоль улицы.

* * *

Я уже третий день сидел безвылазно в кабинете и изучал розыскные дела. Открыв одно из них, я увидел указания по делу, которые дал старший оперуполномоченный нашего отделения Козин.

— Валерий Михайлович, вы изучали розыскное дело на Милованову Ксению Андреевну?

Он оторвал свой взгляд от бумаг и посмотрел на меня.

— Да, изучал, — ответил он. — Я даже, насколько я помню, дал по нему указания. А что?

— Просто я сейчас изучаю это дело и хотел бы спросить у тебя, чем ты руководствовался, давая подобные указания. Судя по твоим указаниям, ты считаешь, что женщина могла просто так оставить ребенка у своей матери и ничего ей не сказав, куда-то уехать из города.

— А ты считаешь, что с ней что-то произошло?

— Пока затрудняюсь сказать что-то конкретное, но с твоими выводами по этому делу я не согласен.

— Это твое дело, и поверь мне, что мне абсолютно безразлично твое личное мнение по этому вопросу. Ты пока не начальник и не пытайся изображать из себя очень умного человека.

— Ты, что Валера? Прости меня, но я не хотел тебя обидеть. Я думал, что мы с тобой как-то обсудим эту проблему и совместно набросаем алгоритм наших действий.

Он ухмыльнулся.

— Ты на меня не переваливай свои проблемы. Это тебе, а не мне поручил Костин изучить эти дела. Вот ты и изучай. Время покажет, кто из нас прав.

— Все ясно, Валерий Михайлович, — ответил я.

Несмотря на данные указания, оперативник, осуществлявший розыск Миловановой, полностью их проигнорировал. Подшив в дело пару ни к чему не обязывающих ориентировок, он практически свернул работу по ее розыску. Я посмотрел на часы. До окончания рабочего дня оставалось еще сорок минут. Я встал из-за стола и сложив все свои документы в сейф, направился к выходу из кабинета.

— Ты куда? — спросил меня начальник отделения.

— Хочу заехать к матери Миловановой и поговорить с ней о дочери. Мы вот здесь копыя ломаем с Козиным, а она вдруг дома. Оперативник был у матери всего один раз, после ее заявления. А с этого момента прошло более двух месяцев.

— Слушай, Абрамов. Я что-то не понимаю тебя? Есть оперативник в Кировском ОВД есть целое отделение по розыску в УВД Казани, а ты едешь сам опрашивать мать. Тебе что, делать больше нечего?

— Что толку, что они опрашивали мать. В этом объяснении ничего нет. Вот я с ней и

поговору. А вдруг она мне расскажет что-то новое. Может, ее кто-то видел после исчезновения. Мало ли что?

— Ну, давай, вали. Если тебе нравится копаться в этом грязном белье, я тебе запретить этого не могу. Просто может выйти не совсем тактично. Ты что-то нароешь, а как быть другим, которые не сделали или не увидели это? Ты об этом подумай как-нибудь на досуге.

— Хорошо, я обязательно подумаю, — сказал я и вышел из кабинета.

* * *

— Здравствуйте, я из уголовного розыска. Можно с вами поговорить? — представился Абрамов.

— Что случилось, сынок? Неужели дочку нашли? — взволновано спросила женщина лет шестидесяти, пропуская его в квартиру.

Квартира, в которой ютилась семья Миловановых, была метров шестнадцать. Несмотря на то, что в квартире проживало четыре человека, комната сверкала чистотой. Абрамов снял обувь у порога и прошел в комнату.

— Вот сюда садись, — пригласила хозяйка.

Он присел на краешек дивана и, взглянув на хозяйку, которая примостилась на стуле, спросил:

— Анна Васильевна! Я сейчас занимаюсь розыском вашей дочери Ксении и хотел бы у вас поинтересоваться обстоятельствами ее исчезновения. Перед тем, как пойти к вам на встречу, я прочитал ваше объяснение. Если сказать честно, то оно меня не устроило, и я решил переговорить непосредственно с вами. Если вам не трудно, то расскажите мне все о вашей дочери. Меня интересует, с кем она встречалась в последнее время, адреса проживания ваших родственников и ее подруг.

Женщина заплакала, а затем, смахнув подолом фартука слезы, стала рассказывать.

— Ксения росла послушной девочкой. Она мечтала после окончания школы поступить в университет, хотела стать юристом. Мы с мужем всячески помогали ей, но поступить сразу ей не удалось. Проработав год на пороховом заводе, она снова попыталась поступить, но и в этот раз она не поступила, а вернее не прошла по конкурсу. Там, в университете, она познакомилась с пареньком. Гуляли они недолго, его вскоре забрали в армию. После армии он куда-то завербовался и уехал. Ксения не стала его связывать по рукам, она даже не написала ему, что родила от него девочку. После рождения ребенка она замкнулась в себе. Стала целыми днями сидеть дома. Как ни пытались подруги вытащить ее из дома, все бесполезно. Мы с отцом только качали головой, не зная, что с ней делать. Она все свое время проводила с дочкой.

Недели за две как уйти ей из дома, она вернулась домой из магазина сама не своя. Ее словно подменили. Она стала совершенно другой. Пошла в парикмахерскую, сделала себе новую прическу, покрасила волосы. Она по секрету рассказала мне, что познакомилась с мужчиной. Он бывший преподаватель. Сам москвич, но приехал и живет пока здесь у матери, в Казани.

Она дважды встречалась с ним, а в день исчезновения ей кто-то позвонил по телефону. Она стала быстро собираться и чуть ли не бегом выскочила из квартиры. Единственно, что она сказала мне, что придет домой часов в восемь вечера. Я тогда подумала, что она

побежала на встречу с этим мужчиной и не стала ее особо расспрашивать. Хочу особо отметить, что дочь мне никогда не врала. Если она говорила, что придет домой в восемь часов, то всегда возвращалась к этому времени. Но в тот день она впервые не пришла домой. Мы с мужем стали беспокоиться. Он стал обзванивать все больницы, но ее нигде не было. На следующий день, мы пошли с ним в милицию, но у нас заявление не приняли. Дежурный офицер тогда посмеялся над нами и велел прийти нам дня через три, если дочь не вернется домой.

Мы все эти три дня искали ее по больницам, муж каждый день ездил в морг, но дочери по-прежнему нигде не было. Я целыми днями сидела дома с внучкой и все ждала, что она позвонит домой и объяснит причины своего поведения, но звонка от нее я так и не дождалась. Через три дня мы снова пошли в милицию. С нами переговорил оперативник, забрал у нас заявление. Мы рассказали ему, как она была одета в день исчезновения, а также указали все ее особые приметы. После этого к нам больше никто не приходил и не звонил.

Она замолчала и с надеждой посмотрела на меня.

— Анна Васильевна! Может, кто-то ее видел после того как она ушла из дома?

— Ее видела одна моя знакомая. И видела она ее на пригородном вокзале. Ей тогда показалось, что Ксения как-будто кого-то ждала.

— А она не могла ошибиться? Может, она обозналась?

— Нет, она не могла обзнаться. Она ее хорошо знала. Да и одежду она описала довольно подробно.

— Вы хотите сказать именно ту одежду, в которой ушла ваша дочь?

— Вы правильно поняли.

— Скажите, а в какое время она ее видела?

— Говорит, около трех часов дня.

— Спасибо, — поблагодарил я ее и стал собираться.

— Виктор Николаевич! Скажите, она жива? Ведь прошло около года, как она пропала.

Я промолчал. Мне не хотелось обнадеживать мать Ксении, но и высказать то, о чем я думал, я просто не мог.

— Анна Васильевна, если мне будет нужна ваша помощь, могу я к вам обратиться? Давайте будем надеяться на лучшее. Если до сих пор не обнаружен труп вашей дочки, это говорит о том, что у нас еще есть надежда разыскать ее. Я вам могу привести десятки подобных случаев, когда люди просто не хотели сообщать о своем местонахождении своим родным и близким по различным причинам.

— Спасибо вам, Виктор Николаевич, что вы вселили в мое больное сердце какую-то уверенность. Вы не поверите, но мне стало намного легче после общения с вами. А в отношении помощи — можете обращаться в любое удобное для вас время, ведь вы разыскиваете мою дочь. Чем могу, тем и помогу, — сказала она, поднимаясь со стула.

Я вышел из квартиры и направился к ближайшей остановке троллейбуса.

* * *

Я пришел на работу в начале восьмого утра. Поднявшись к себе на этаж, я открыл ключом кабинет и занял свое рабочее место. Открыв сейф, я вынул из него два десятка розыскных дел и положил перед собой. Из всех этих изученных дел, я отобрал всего шесть.

Все эти дела были заведены на молодых женщин, возраст которых колебался от двадцати до двадцати пяти лет. Все эти дела объединяло одно — все эти женщины никогда не высказывали желания уйти из дома. После их исчезновения родные находили дома их документы, что лишний раз говорило о том, что эти женщины не могли куда-то уехать, не взяв с собой необходимых документов и денег.

Я разложил перед собой фотографии пропавших женщин. Как ни странно, все исчезнувшие женщины внешне были довольно интересны, но еще более интересным был факт, что все они были блондинками, пусть и крашенными, но блондинками.

— Чего любишься? Бабу себе выбираешь? — услышал я голос своего начальника отделения у себя за спиной.

— Угадали. Сижу и выбираю, — ответил я. — А какая женщина вам больше нравится?

Он взял в руки фотографии и стал их внимательно рассматривать.

— Мне больше нравится вот эта. Смотри, какая колоритная у нее внешность. Ей бы в артистки податься, запросто могла бы сделать там карьеру.

— Вкус у вас неплохой, товарищ подполковник.

— Когда она пропала?

— В ноябре прошлого года.

— А другие?

— Все остальные в этом году. Я вчера был у матери Миловановой. Она мне рассказала, что дочь в день исчезновения видели на железнодорожном вокзале, а если точнее, то на платформе пригородной электрички «Казань — Нижние Вязовые».

— Я что-то не понял тебя. Поясни.

— Не могу. Пока у меня одни лишь догадки и версии. Хочу отработать всех пропавших без вести. Мне кажется, что между ними существует какая-то связь, которую нужно выявить.

— Слушай, Абрамов. Не старайся быть умнее других. Я не верю, что во всех этих исчезновениях существует закономерность. Ты только посмотри, даты этих исчезновений разные. Одна пропала весной прошлого года, другая летом, третья в феврале этого года. Сами пропавшие проживали в разных районах города и ничего их не связывало между собой. Они не были знакомы, не дружили и даже не подозревали, по всей вероятности, о существовании друг друга.

— Вы знаете, вот это я и хочу установить. То есть проверить и выяснить какую-то закономерность в их исчезновении. Например, Милованова Ксения, пропавшая в том году, перед своим исчезновением познакомилась с мужчиной, который рассказал ей, что ранее преподавал в каком-то московском вузе. Это пусть хоть и маленькая, но отправная точка в этом деле. Может и в исчезновении других женщин тоже виноват какой-то преподаватель?

— Дело твое. Когда собаке делать нечего, она начинает что-то лизать. Попробуй и ты найти то, что не нашли другие.

— Вы не правы. Все эти дела, заведены в разных районах города и заводи их абсолютно разные люди, которые не обращали внимания на такие тонкости. А я постараюсь найти в них то, что их объединяет.

— Давай, дерзай. Может тебе и удастся сделать то, о чем ты сейчас говоришь.

Он достал из кармана пиджака новые газеты, которые только что купил в киоске и, устроившись в кресле, приступил к изучению последних мировых новостей.

— Алексей, ты дома? — постучал в дверь участковый инспектор Гараев.

Сергеев открыл дверь. Судя по его лицу, он был явно не рад своему гостю. Он вчера неплохо посидел с местными садоводами, и сейчас голова у него просто раскалывалась с похмелья.

— Проходи, лейтенант, — произнес он, пропуская его к себе в дом.

Участковый бегло осмотрел его жилище и присел за стол.

— Неплохо живешь, Алексей Сергеевич. Смотрю, в доме все убрано и чисто. Мужчина не может так хорошо и опрятно содержать свой дом. Наверняка женщину нашел? Кстати, ты что это небрит?

Сергей провел ладонью по лицу и улыбнулся.

— Тот, кто хочет отрастить красивую бороду, всегда сначала кажется небритым, — ответил он и присел напротив участкового инспектора.

— Ну, что у тебя, Алексей, нового? Ты Савельевых хорошо знаешь? У них домик триста шестнадцать.

Сергеев немного подумал. Перед его глазами отчетливо встала эта вечно ругающаяся пара.

— Да, знаю. Они вечно чего-то делят между собой и никак не могут поделить. Такой вредной бабы я еще не видел. И как только этот мужик живет с ней? Я давно бы закопал ее где-нибудь в посадках. А что за вопрос у вас к ним?

— Да вот вчера вечером ко мне в опорный пункт пришла ее соседка с заявлением. Жалуется на нее. Говорит, что нет от них никакого спокойствия, ну хоть дачу продавай и съезжай отсюда. Давай сходим вместе, поговорим с ними.

— Не, товарищ лейтенант. Вы сами ходите, без меня. Это же ваша работа разбираться с ними, а не моя.

— Ты что, Алексей, не понимаешь? Это работа не только моя, но и твоя. Ты за что, брат, деньги получаешь? Могу сказать — за охрану порядка в своем садовом обществе. В твои обязанности входит профилактика различных правонарушений, в том числе и краж из садовых домиков. А это значит, что ты, как и я, должен следить за общественным порядком. Если ты не хочешь этого делать, то я поставлю перед руководством отдела вопрос о замене охранника Сергеева на другого охранника, который будет следить за порядком.

Алексей пристально посмотрел на участкового и понял, что тот не шутит.

— Подождите минутку, я сейчас быстро приведу себя в порядок и пойду с вами.

Он вышел из дома, быстро умылся водой из водопровода, заскочил в сарай, где в укромном уголке он хранил бутылку водки. Налив себе полстакана, он опрокинул его в себя. Выйдя из сарая, направился к дому, около которого его ждал участковый инспектор.

Они медленно шли вдоль аллеи.

— Алексей, — обратился к нему участковый инспектор. — Я вчера вечером просматривал твои материалы. Ты знаешь, я был порядком удивлен тем, как тебя приняли на эту работу. У тебя же две судимости, первая, если мне не изменяет память, за изнасилование, а вторая — за грабеж.

— Кто из нас в молодости не ошибался, — произнес Сергеев. — Как сказал Христос, пусть бросит в нее камень, кто безгрешен, и ни один камень не полетел в Марию Магдалину.

— А ты из себя ягненка не изображай. Я тебя, Сергеев, насквозь вижу. Ты не ягненок, ты зверь в овечьей шкуре. Ты, наверное, понял, к чему я веду. Теперь ты каждую неделю будешь приезжать ко мне в опорный пункт и докладывать мне лично о том, что происходит у тебя на участке. Кто пьянствует, кто строит себе новый дом, используя при этом незаконно приобретенные строительные материалы и так далее... Если конечно хочешь остаться на своей работе, — как бы подытожил участковый инспектор.

Наконец они подошли к домику Савельевых. Участковый постучал в дверь. Из-за двери показалась голова женщины с неприбранными волосами.

— Ведьма, — успел подумать про себя Сергеев, прежде чем с ней заговорил участковый инспектор.

— Савельева? — спросил он ее, и, не дождавись ответа от опешившей от неожиданности женщины, прошел в дом.

Следом за ним в дом вошел и Сергеев. Он выбрал место и, отодвинув в сторону грязную посуду, сел за стол. Участковый инспектор вместе с хозяйкой дома прошли в соседнюю комнату и стали о чем-то разговаривать. Прошло минут тридцать, прежде чем они вышли из комнаты.

— Вы знаете этого человека? — спросил он у Савельевой. — Это местный охранник, Сергеев Алексей Васильевич. С сегодняшнего дня он будет контролировать вас, и в случае нарушения вами общественного порядка сообщит мне. У меня рычагов воздействия на вас вполне достаточно. Я напишу вам на работу и попрошу ваше руководство разобраться с вами. Вы можете потерять не только тринадцатую зарплату, но и очередь на квартиру. Так что все в ваших руках, гражданка Савельева.

Они вышли из дома и направились в сторону дома Сергеева. Участковый инспектор попрощался с ним и отправился на соседний участок, разбираться по другому аналогичному заявлению.

Сергеев вернулся в дом и, не раздеваясь, лег на диван. Визит участкового напомнил ему, что он до сих пор находится под колпаком правоохранительных органов.

* * *

Он лежал на грязном бетонном полу, подложив под себя грязный матрас, и смотрел в потолок. Потолок, по всей вероятности, был побелен очень давно и сейчас на нем, словно на контурной карте, отчетливо проступали трещины, напоминающие очертания материков и островов. Отвратительно воняла параша, вызывая у него приступы тошноты.

— Сергеев, на выход, — крикнул контролер, открывая дверь камеры.

Он встал с пола и направился вслед за контролером по нескончаемому коридору, по обе стороны которого находились камеры с заключенными.

— Стоять, лицом к стене, — скомандовал контролер.

Он четко выполнил команду контролера. Тот открыл камеру и легким движением руки втокнул в нее Алексея. В камере за столом сидел майор внутренней службы. Его редкие седые волосы были зачесаны назад, через них просвечивала лысина.

— Садись, Аллигатор.

Сергеев вздрогнул и беспрекословно сел на прикрученный к полу стул. Он внимательно посмотрел на майора.

— Что скажешь? Какая ситуация в камере? Чего смотришь на меня? Работать нужно, а не спать.

— Чаю хочу, гражданин майор. Что-то плохо себя чувствую.

— Били? — спросил Сергеева майор.

— Нет, гладили и ласкали, гражданин майор. Переведите меня в другую хату.

— В другую хату, говоришь? А кто будет работать с этими? Меня очень интересует Муравьев. Мне кажется, что он кроется, берет на себя только кражи. Опера из МВД считают, что за его плечами около десятка разбоев и грабежей. Присмотрись к нему внимательней, это еще та рыба.

— Хорошо. Я все понял, гражданин майор. Вчера между собой шептались Равилов и Шпакин. Равилов рассказывал ему о налете на магазин «Реал». Говорит, что им пришлось там замочить продавщицу. Якобы пришел ее его дружок по кличке Гусь. Получилось так, что эта продавщица узнала его. Он встречался с дочерью ее соседки, и она его не раз встречала в своем подъезде. Вот ему и пришлось ее порезать.

— Молодец, Аллигатор. Вот тебе бумага, пиши все подробно.

Он нажал кнопку на столе, дверь открылась и в дверях показалась фигура контролера.

— Леша! Будь добр, принеси мне горячий чайник, печенье и конфеты.

Контролер исчез за дверью и вскоре появился с чайником и двумя пакетами. Он поставил чайник на стол, положил пакеты и молча вышел из помещения.

— Вот ты мне скажи, Аллигатор, вроде ты мужик толковый, грамотный, можешь людей правильно развести по своим местам, как тебя угораздило второй раз попасть в тюрьму? Я понял, что первый раз ты залетел еще несовершеннолетним, ну заиграли в тебе гены, захотелось женского тела, ну а второй-то раз, сесть за грабеж? По-моему это не совсем нормально.

— Я, гражданин майор, дал себе слово, еще при первой ходке, что отомщу Никитину за то, что он опустил меня. Я это слово и сдержал. Я встретил его поздно вечером, он был пьяным. Вот тогда я по полной программе и разобрался с ним. Я думаю, что он надолго запомнил этот день. Он меня в камере опустил, а я его на воле. Не нужно было отбирать у него деньги, может тогда и не попал бы сюда. Ведь он, гражданин майор, промолчал, что я его «обидел».

Майор улыбнулся.

— Значит, «опустил» ты его, Аллигатор? Злопамятный ты человек, страшный.

— А за что мне его нужно было жалеть? Это у вас человек человеку друг, а у нас жизнь и понятия о ней совершенно другие. Вы читали Дюма? Почему мы все восхищаемся Дантесом? А потому, что он смог отомстить всем своим обидчикам. Я тоже всем им отомщу.

— Да, Сергеев, ты неисправим. Теперь я хорошо понимаю, почему тебя называют Аллигатором. Тебе нравится риск, тебя возбуждает беспомощность твоих жертв, а вид крови тебя просто завораживает.

— Откуда вы про это знаете, гражданин майор?

— Из учебника о психиатрии. Там про таких как ты много написано.

Сергеев засмеялся и внимательно посмотрел на майора.

— Вы что, гражданин майор, считаете меня больным?

— А ты разве этого сам не замечаешь? Лечиться тебе нужно, Аллигатор, а иначе ты пожрешь всех, кто хоть покосится в твою сторону.

— Может вы и правы. Со стороны видней, гражданин майор. Не забудьте перевести

меня в другую камеру, я здесь мерзну на полу.

— Хорошо. Отработаешь нормально, переведу.

Сергеев медленно поднялся из-за стола, подошел к двери и повернулся лицом к стене. Через минуту он снова шел по этому нескончаемому тюремному коридору.

* * *

— Привет, Абрамов, — поздоровался со мной Козин. — Скажи, это ты Апхалимова вызвал к себе? Зачем он тебе нужен?

— По работе вызвал, нужен он мне, — сказал я, оторвавшись от чтения материалов розыскного дела.

— Он не придет. У них сегодня рейд, и он задействован в нем, — сказал он.

— А ты это откуда знаешь, Валерий Михайлович?

— Я его сегодня с утра видел. Вот он и попросил меня передать это тебе.

— Спасибо за информацию.

— Ты, похоже, немного расстроился?

— Да не совсем. Просто планировал вместе с ним посетить адрес Семшовой.

— Что, она тоже входит в твой список? Да укатила она на юг со своим новым мужиком. Насколько я помню, она об этом рассказывала кому-то из своих подруг. Муж-то у нее настоящий алкоголик, как напьется, начинает ее гонять по квартире.

— А может, он ее и убил? Его кто обрабатывал на причастность к исчезновению или нет?

— Я писал об этом, только не знаю, закрывали они его или нет.

— Интересный ты человек, Валерий Михайлович. Даешь указания, а их исполнение не контролируешь. Да кто просто так будет это делать, если с него никто не спрашивает исполнение.

— А что? Ты все это держишь на контроле? Я имею в виду, что пишешь?

— Да. Вот я специально завел тетрадь, куда вношу все сроки исполнения своих указаний. Подошел срок — будь добр, доложи об исполнении.

Он усмехнулся.

— Ничего, поработаешь с мое, бросишь это дело. Я тоже, помню, начинал свою работу здесь с контроля. Прошло года два, прежде чем я понял, что это никому не нужно. Ну не выполнит он твое указание, что ты ему сделаешь? Объявишь выговор? Уволишь? Что молчишь? У него свой начальник уголовного розыска, свой начальник отдела милиции. Вот они могут его наказать, но только не ты. А они, как правило, никогда не имеют к нему претензий. Вот круг и замкнулся. Главное для тебя, чтобы в деле были твои указания, чтобы ты мог всегда прикрыться ими. Я, мол, писал и рекомендовал провести эти мероприятия, а почему они не проводили, это спросите у них. Да, я виноват, что не проконтролировал их исполнение, но там у них есть начальник розыска, начальник отдела, в чьи непосредственные обязанности входит контроль.

Я не стал с ним спорить, ведь он был прав. Однако согласиться с подобной постановкой вопроса я тоже не мог.

— Ты не прав, Валерий Михайлович. Я с тобой не согласен. Ведь за каждым этим розыскным делом стоит судьба конкретного человека. И здесь важно только одно — найдем

мы его или нет.

Он снова усмехнулся и махнул на меня рукой.

— Поступай, как знаешь. Я посмотрю на тебя года через три. Сейчас ты просто находишься в состоянии эйфории. Да, ты смог раскрыть несколько громких убийств, замаскированных под безвестное исчезновение граждан. Ну и что дальше? Сколько людей уходят, а затем возвращаются обратно домой. Многие даже через год и более. Почему ты считаешь, что по всем ним мы должны пахать носом землю? Я вот с тобой в этом не согласен. Человек ушел, погулял и вернулся.

— Так вот в этом и заключается, по-моему, наша с тобой работа: чтобы отделить зерна от шелухи. Мы и должны выбрать из сотни дел тот десяток, где усматривается криминал в их исчезновении. Поэтому мы и должны давать подобные указания и контролировать их исполнение.

Он снова махнул в мою сторону рукой и прекратил никому не нужную, по его мнению, полемику.

* * *

Я ехал в троллейбусе четвертого маршрута и смотрел на разлившиеся воды Казанки. Воды в этом году было значительно больше, чем в прошлом, вода плотным кольцом окружила памятник погибшим при взятии Казани воинам, который в свое время стоял на берегу протекающей мимо него Казанки. Это уже потом, в середине пятидесятых годов, строители перекрыли старое русло реки и направили ее по новому руслу. О старом русле реки напоминает до сих пор сохранившийся мост, выходящий на улицу Гладилова.

Погода стояла великолепная, и я невольно задумался о предстоящих выходных. Дачи у меня не было, и мы с семьей часто выезжали на озеро Лебяжье, где можно было искупаться и хорошо отдохнуть на свежем воздухе.

Троллейбус остановился. Я вышел и, не торопясь, направился в сторону дома, где проживала пропавшая без вести Семшова Александра Викторовна. Дом оказался старым и покосившимся двухэтажным баракком. Я открыл входную дверь, и та так протяжно заскрипела, что мне стало даже жалко, что я ее потревожил. В доме пахло съестным и чем-то еще, кислым и противным. Судя по нумерации квартир, комната, в которой проживала Семшова, находилась на втором этаже. Я осторожно стал пониматься по скрипучей и покосившейся деревянной лестнице. Иногда мне казалось, что ступеньки не выдержат моего веса и проломаются подо мной. Вдруг из-под моих ног с визгом выскочила кошка и, чуть не сбив меня с ног, скрылась где-то внизу.

Я остановился около нужной мне двери. Судя по ее состоянию, ее несколько раз выбивали, а затем неумело устанавливали на прежнее место. Я прислушался, и, услышав за дверью мужской разговор, постучал в дверь. За дверью замолчали. Тогда я постучал второй раз, более сильно и настойчиво.

— Кто там? — услышал я из-за двери чей-то настороженный голос.

— Семшов, открывайте дверь, я из милиции.

— Как ваша фамилия? — спросил он меня.

— Моя фамилия Абрамов. Открывайте!

— Я вас не знаю. Откуда я знаю, что вы из милиции? А может вы бандит?

— Я последний раз вам говорю, открывайте дверь, или я ее просто вышибу. Вы поняли меня или нет?

Прошла еще минута, прежде чем он открыл. Я широко распахнул дверь и вошел в комнату. Кругом была грязь, валялись разбросанные по сторонам вещи. В нос ударил спертый воздух, насыщенный запахом пота, грязного тела и алкоголя.

— Ну и свинарник вы здесь устроили, гражданин Семшов. Свиньи и те живут в лучших условиях, чем вы.

Я вытащил из кармана удостоверение и сунул ему под нос, чтобы избежать лишних вопросов. В комнате, помимо хозяина, находились еще три человека — двое мужчин и одна женщина.

— А это кто? Друзья? — спросил я его.

Он молча кивнул головой.

— А что, не имеем права посидеть, пообщаться? — ехидно произнесла сидевшая за столом женщина.

— Заткнись — бросил я ей.

— Мужики! Вы что молчите? При вас этот ментяра оскорбляет порядочную женщину, а вы молчите?

— Я тебе сказал, заткнись, — повторил я. — Нечего здесь устраивать базар. А сейчас пошли вон из квартиры, я хочу поговорить с хозяином.

Компания медленно поднялась и, поглядывая искоса на меня, направилась к двери. Оставшись вдвоем с хозяином квартиры, я присел на краешек стула и задал, наверное, свой главный вопрос, из-за которого я сюда приехал.

— Семшов, а где ваша жена? Я имею в виду Александру Викторовну?

Он на замаялся, а затем совершенно спокойно заявил мне.

— Я не знаю, где она, она ушла от меня еще в прошлом году, летом. Как сейчас помню, утром она была дома, а когда я пришел с работы, ее уже не было. Куда она ушла, я не знаю.

— Ты мне не крути, Семшов, как это ты не знаешь, куда она ушла? Ты же в милицию не хотел даже обращаться, и только соседи заставили тебя это сделать. Почему ты не обращался в милицию? Ты что, знал, куда она ушла или ты убил ее и поэтому не хотел обращаться в милицию?

Он побелел. Руки его предательски задрожали. Заметив, что я обратил внимание на его руки, он спрятал их за спину.

— Почему вы так говорите? Я никого не убивал и не знаю, куда свалила моя жена. Она и раньше уходила от меня и неделями жила у своих знакомых.

— А вы ее искали? Ездили к ее знакомым или нет?

— Почему я должен ее искать? Я ее не выгонял из дома, она сама ушла. Может, нашла другого мужика и живет сейчас с ним? Вот и Райка говорила мне, что видела ее в Васильево, с каким-то мужиком.

— Это какая Райка, эта что ли?

— Да, она. Она ехала на электричке из Зеленого Дола и увидела ее на станции Васильево.

— А может она врет, и специально тебе это рассказала, чтобы ты не искал ее. Ты ей веришь?

Он молча кивнул головой.

— Она хоть и выпивоха, но не обманщица. Если она сказала, что видела, значит видела.

Мы с ней даже ездили туда, искали ее, но не нашли.

— А где вы ее там искали?

— Походили по поселку, заходили в магазины, показывали ее фотографию, но ее никто не признал.

— Давай, тащи сюда свою Райку. Я хочу поговорить с ней.

— А если она не пойдет?

— Скажи, что увезу в милицию и там закрою суток на трое по подозрению в совершении преступления.

Симшов вышел из комнаты. Пока его не было, я тщательно осмотрел всю комнату. Однако следов борьбы или крови я не заметил, так как с момента исчезновения Семшовой прошло около месяца.

Услышав приближающиеся шаги, я сел на стул и сделал вид, что пишу что-то в своем блокноте.

* * *

Дверь открылась и в проеме показалась Рая. Она, с опаской взглянув на меня, прошла в комнату.

— Семшов, иди, погуляй. Я сейчас поговорю, а затем займусь тобой.

Он быстро вышел из комнаты, оставив меня один на один с Раей.

— Как твоя фамилия? — спросил я ее.

— Зачем тебе моя фамилия? Я ничего противозаконного не сделала и ты не имеешь права в таком тоне разговаривать со мной, — возмутилась она и с вызовом посмотрела на меня.

— Я что-то не понял тебя. Ты что, краев не видишь? Так я их тебе сейчас нарисую! Ты, «промокашка» хренова, решила здесь права покачать? Я тебе сейчас устрою курс юридического воспитания. Начну его с камеры. Тебя это устраивает, сучка зыковская? Еще раз заикнешься о правах, я их тебе предоставлю в лице твоего адвоката или еще кого-то. Что замолчала?

Она явно не ожидала подобного давления с моей стороны. Ее поведение вполне соответствовало поведению человека, отбывавшего наказание в местах лишения свободы.

— Я еще раз спрашиваю, твоя фамилия? — я с угрозой посмотрел на нее.

— Ты пургу не гони, начальник. Ну, перегнула я. Мне показалось, что ты «кадет» и ничего не понимаешь в нашей жизни.

Я молча посмотрел на нее.

— Вот, что Рая. Я тебя за советскую власть не агитирую и ничего тебе лично не шью. Я просто хотел с тобой поговорить, но если ты сейчас не готова со мной говорить, давай будем говорить в другом месте. Сейчас ты бухаешь на воле, но я ее могу быстро заменить на неволю. Думаю, что тебе не нужно объяснять, как я это сделаю. Если ты этого хочешь, то я сейчас отвезу тебя на «Чернуху», там и посмотрим как все это будет выглядеть. Я тебе задним числом нарисую административный надзор и найду людей, которые подтвердят, что ты его все это время нарушала.

Похоже, она быстро поняла, что со мной все ее блатные дела не прокатываются. Она с испугом посмотрела на меня и еле слышно произнесла:

— Не нужно шуметь, спрашивай, начальник, я все расскажу, что знаю.

— Фамилия?

— Богомолова Рая. Замужняя.

— Насколько я понял, ты судима?

— Да. Девичья моя фамилия Измайлова, была судима по статье сто сорок четыре часть два, осуждена на три года Кировским районным судом. Отбывала срок в ИТК в поселке Пановка.

— Вот что, Рая. Передо мной рисоваться не стоит. Меня сейчас ты не интересуешь, меня больше интересует Семшова Александра. Я хочу знать, где она? Ты меня поняла?

— Я не дура и все хорошо понимаю. Ты зря думаешь, что к этому причастен ее муж. Ты же сам видишь, что он за человек. Он мухи боится. Если ты хочешь повесить на него убийство, то бесполезно. Ты сам знаешь, нет трупа, значит, нет и убийства. Могу положить две руки, не убивал он ее. Она, курва, бросила его и смоталась с молодым. Она давно хотела уйти от него. Она мне часто говорила, что он уже давно не мужик. Ей же всего двадцать пять, ты же, наверное, видел ее. Она вся текла при виде мужика. Вот и нашла, наверное, того, кто мог ее удовлетворить.

— Значит, ты считаешь, что он непричастен к ее исчезновению? Почему же он обратился в милицию лишь тогда, когда на этом настояли его соседи?

— Слушай меня. Он не при делах. Просто эта сучка нашла себе другого мужика. Я сама ее видела тогда, в прошлом году, после того как она ушла от него. Она прохаживалась с этим новым мужиком по перрону в Васильево. Интересный мужик, высокий, красивый. Но он мне не понравился. Взгляд какой-то затравленный. Похоже, он ранее судимый.

— А что ты ее не окликнула?

— Так я ее видела через окно вагона. Я ехала из Зеленого Дола, а она шла по перрону с каким-то мужиком. Такой солидный, видный мужик. Она держала его под руку и что-то говорила ему. Мне показалось, что они давно знают друг друга.

— Когда это было? — спросил я ее.

— Когда, когда? Да не помню я, какое это было число, летом прошлого года. Я приехала в Казань и стала рассказывать Семшову про его жену, а он мне говорит, что ее вторые сутки нет дома. Я еще тогда подумала, что она правильно сделала, что свалила от него. Меньше будет размахивать своими руками и гонять ее по дому.

— Насколько я слышал, вы ездили с Семшовым в Васильево и пытались разыскать там его жену?

— Мы поехали с ним примерно через неделю после того, как она ушла от него. Он взял с собой фотографию, и мы, как «путевые», стали там ходить по улицам и спрашивать у жителей, видели ли они эту женщину. Мы показывали эту фотографию на станции, в магазинах. Только один мужик сказал нам, что он видел эту женщину в каком-то садовом обществе, в каком, он точно не помнил.

Я быстро записал ее показания и протянул ей лист бумаги.

— Вот здесь напиши, что с твоих слов записано верно и тобой прочитано. Теперь подпишись вот здесь и поставь дату.

Она старательно вывела все слова, поставила дату и расписалась. Я сложил лист бумаги пополам и сунул в карман пиджака.

— Ну, что будем делать дальше, Рая? — спросил я ее.

— Это вына что намекаете? У вас, наверное, и без меня баб сколько хочешь, зачем я

вам?

— Ты меня не поняла. Я не в том смысле, о чем ты подумала. Я говорю о работе.

— Это о какой работе вы говорите? — удивленно спросила она меня.

В ее глазах мелькнул хитроватый огонек, таившийся где-то в уголках ее глаз.

— Рая, ты женщина тертая, судимая, и поэтому я не собираюсь читать тебе здесь лекции. Или мы с тобой договариваемся по этому вопросу, или нет. Если нет, я сейчас установлю тебе административный надзор, и ты через неделю уедешь обратно или в Пановку, или в Козловку. Тебя подобный вариант устраивает?

— Только не надо меня пугать, гражданин начальник. Я зоны не боюсь, но и просто так туда тоже не рвусь. Что вас конкретно интересует?

— Все, Рая, начиная с квартирных воров и кончая убийцами. Я больше чем уверен, что с тобой общаются люди, находящиеся в розыске. Вот все они меня и интересуют. Возьми этот листок, там записаны мои телефоны. Буду ждать твоего сигнала. Крутить со мной не советую. Дважды я повторять тебе прописные истины нашей с тобой дружбы не собираюсь.

Она взяла протянутый мной листочек бумаги, свернула и молча сунула его в лифчик.

— Не потеряй, — я направился к выходу.

— Не потеряю, начальник. Скажите, как вас зовут?

— Там все, Рая, написано — и фамилия, и имя, и номер телефона.

Выйдя на улицу, я с наслаждением вдохнул полной грудью чистый весенний воздух.

* * *

Дойдя до остановки троллейбуса, я посмотрел на часы. Они показывали начало седьмого вечера.

— Может, заскочить к Лебедевым? — спросил я сам себя.

Лебедевы жили на улице Степана Халтурина. Еще немного подумав, я зашагал в сторону их дома. Семья Лебедевых проживала в большом доме сталинской застройки. Открыв входную дверь подъезда, я очутился в большом прохладном коридоре. Посмотрев на нумерацию квартир, я направился вверх по лестнице.

Поднявшись на третий этаж, я остановился около массивной деревянной двери. Нажав кнопку звонка, я стал ожидать, когда мне откроют.

— Вы к кому, молодой человек? — услышал я у себя за спиной.

Я обернулся и увидел пожилую женщину, опирающуюся на трость. Волосы женщины были седыми, и в полумраке коридора казались покрытыми серебром.

— Гражданка, меня интересуют Лебедевы, а если быть точнее, Зинаида Петровна Лебедева.

— Ее нет дома, — произнесла женщина и оттеснив меня от двери, стала ее открывать.

— А кем вы будете Лебедевой Зинаиде? — спросил я ее.

— Бабушка я ее, — ответила женщина. — А вы откуда, молодой человек?

— Извините, что не представился. Моя фамилия Абрамов, я из уголовного розыска МВД.

— Если вы из МВД, то проходите в квартиру, — пригласила она и первой вошла в прихожую.

Она включила свет и направилась в комнату. Вслед за ней последовал и я. Комната

была большая. У одной из стен стоял коричневый кожаный диван. На комодке стояли слоники, модные в середине пятидесятых годов.

— Вы не стойте, присаживайтесь, где вам удобнее, — произнесла женщина. — Меня зовут Валентина Николаевна.

Я присел на диван и, достав из кармана пиджака свой блокнот, задал ей первый вопрос.

— Скажите, Валентина Николаевна, что предшествовало исчезновению вашей внучки? Может, вы поругались или еще какие-то веские причины? Вы сами подумайте, ведь люди просто так не уходят из дома и, тем более, не пропадают.

Она посмотрела на меня и, отвернувшись в сторону, смахнула с глаз набежавшую слезу.

— Знаете, молодой человек, это вечный конфликт между молодыми и старыми. Ей хотелось свободы, жить на широкую ногу. Она часто вступала со мной в спор, пытаясь доказать мне свою исключительность. Хотя мне, как и сейчас, непонятна эта ее исключительность. Она успешно окончила финансовый институт, устроилась на работу в торг. Появились деньги, новые друзья. Вышла замуж, но через полгода развелась. Потом снова вышла замуж и снова развелась. Затем пошли неприятности на работе. Управляющего торгом сняли и отдали под суд. В отношении главного бухгалтера возбудили уголовное дело за растрату. Зинаида вскоре уволилась с работы и стала пить. Сначала пила не часто, а затем стала пить чуть ли не каждый день. Вот с этого момента мы и стали сориться с ней. Как я ни пыталась ее поставить на правильные рельсы, она всегда съезжала в кювет.

За сутки до исчезновения она пришла домой выпивши. Я поинтересовалась у нее, что с ней произошло, так как она до этого не пила уже две недели. Мы снова с ней поругались. В тот вечер она мне рассказала, что познакомилась с одной женщиной из Васильево и якобы эта женщина пригласила ее к себе погостить.

Утром я ушла в магазин за продуктами, а когда пришла домой, то Зинаиды дома уже не было. Куда она ушла, я не знаю. В тот же вечер я пошла в милицию, но они даже слушать меня не стали. Говорят, что нагуляется и придет. Лишь на пятый день они приняли у меня заявление. Милиционер так, для проформы, поговорил со мной, что-то там записал к себе на листочек и велел мне идти домой. Вот я сейчас и думаю, не уехала ли моя Зинаида в это самое Васильево. Может, гостит там у своей подруги, а я все ночи напролет слезы лью по ней. Вы уж съездите туда, поищите мою внучку.

— Обязательно съезжу, Валентина Николаевна. Если она там, то я найду ее и привезу к вам.

— Спасибо, сынок, — тихо произнесла она и снова заплакала.

Я встал с дивана и направился к двери.

— Сынок! — остановила она меня.

Я остановился и вопросительно посмотрел на нее.

— Я тогда не сказала милиционеру о том, что у моей Зинаиды за правом ухом родимое пятно коричневого цвета размером в пятнадцатикопеечную монету.

— Хорошо. Спасибо вам за информацию, — поблагодарил я и вышел из квартиры.

Идя по улице, я не замечал идущих мне навстречу людей, спешащих домой после трудового дня. Достав из кармана сигарету, я, остановившись на минуту, закурил. Я пытался разложить полученную информацию «по полочкам». Однако как ни крути, все замыкалось на железной дороге, а если точнее, на поселке Васильево. Я решил не спешить и сказал себе, что отработаю еще три адреса пропавших без вести женщин, а уж потом буду делать какие-то выводы.

Сергеев проснулся от шума, который доносился с кухни. Он потянулся и, свесив ноги с кровати, стал искать голыми ногами домашние тапочки. Нашулав, он надел их на ноги и направился на кухню. Открыв дверь, он увидел Мадину, которая что-то готовила на кухне.

— Ты давно пришла? — спросил он ее.

— Минут сорок назад. Есть будешь? — поинтересовалась она у него.

Мадина уже вторую неделю жила в доме Сергеева. На той неделе ее уволили с работы за два прогула. Она не стала скандалить, молча забрала документы в отделе кадров, получила остатки зарплаты и поехала домой. По дороге домой она заехала в садовое общество «Каенлык», в котором работал охранником ее новый знакомый Алексей.

Она рассказала ему о своей проблеме и как бы между прочим сообщила ему о возможном скандале дома.

— А ты оставайся у меня. Живи, дом большой, места нам двоим хватит. Будешь заниматься хозяйством. Думаю, что с голоду мы с тобой не умрем.

Мадина сходила в магазин, купила литр водки, закуску и вернулась в дом, где ее ждал Сергеев. Она быстро собрала на стол, и они стали обедать. Через некоторое время, она почувствовала, что опьянела. Она стала много говорить, смеяться. Похоже, все это забавляло Алексея, он смеялся над ней, а затем, обняв ее за плечи, поцеловал в губы.

Она почувствовала, как у нее закружилась голова, и ей вдруг стало так хорошо и легко с этим человеком, что она сама стала его целовать, чувствуя, что начинает просто растворяться в его объятиях. Она не обратила никакого внимания на то, что пальцы Алексея уже расстегнули пуговицы ее кофты и начали нежно ласкать ее набухшие от неги соски. Она застонала от охватившего ее желания, глаза ее закатились, а дыхание стало частым и глубоким.

Алексей поднял ее на руки и понес на кровать. Она на какой-то миг почувствовала боль — это он заломил ей руки и привязал их к спинке металлической кровати. Ей нравилась необузданная грубая сила, с которой он овладевал ею. Она стонала от удовольствия и боли, которую испытывала во время близости. Она, словно заводная игрушка, все требовала и требовала этой боли и удовольствия. Когда он устал и лег рядом с ней, она впервые в своей жизни почувствовала всю прелесть секса. Лучше него у нее никого не было и возможно не будет больше никогда.

— Леша, развяжи мне руки, — тихо попросила она его. — Я принесу тебе воды. Я смотрю, ты сильно устал.

Он развязал ей руки. Она встала с постели и, виляя голыми ягодицами, направилась на кухню. Через минуту она вернулась, неся в руках ковш холодной воды. Он сделал несколько глотков и вернул ей ковш.

— Леша, мне нужно домой, — произнесла она.

— Я думаю, что тебе не стоит идти домой в таком состоянии. Может, ты пойдешь завтра, когда проспишься?

— Нет. Я хочу пойти сейчас. Мне все равно, в каком я состоянии, пьяная или трезвая. Я не школьница и мне глубоко наплевать, что подумают про меня соседи и мать. Я сама себе хозяйка и делаю то, что хочу.

Он смотрел на нее и впервые не испытывал к женщине никакого отвращения. Ему даже

показалось, что это единственный на свете человек, который может понять его. Он встал с кровати и тоже стал одеваться.

— погоди, я провожу тебя, — предложил он ей.

Они вышли из дома и, закрыв дверь на замок, направились в поселок.

* * *

Несмотря на позднее время, в доме Шариповых горел свет. Мадина открыла калитку и вошла во двор. Не успела она подойти к входной двери, как та открылась и на порог вышла мать.

— Ты это где шляешься? — с угрозой в голосе спросила мать.

— Зашла к знакомым, посидела немного, — ответила Мадина.

— Да от тебя за три версты водкой пахнет. Я тебе, шалава, покажу, как водку пить, — произнесла мать и, схватив первое, что ей попало под руку — лопату, ударила дочь по голове.

— Ты что делаешь, мама! — закричала на нее Мадина. — Ты же убьешь меня!

— Ну и пусть! Лучше вообще не иметь никакой дочери, чем иметь дочь-проститутку. Одного в подоле мне принесла, хочешь принести и второго? Мне соседка все рассказала. Я все знаю, знаю, что тебя как прогульщицу уволили с работы. Ты думаешь, что я кормить тебя буду. Хватит мне одного твоего сына!

Она снова замахнулась на нее лопатой, но в этот раз Мадина увернулась от удара и бросилась бежать к калитке. Мать, размахивая лопатой, и громко ругаясь, устремилась за ней.

Мадина успела выскочить на улицу, прежде чем очередной удар лопаты достиг ее спины.

— Проститутка! Чтобы больше ноги твоей не было в этом доме. Где пила, туда и иди! — неслось ей в спину.

Она свернула за угол и увидела Сергеева, который стоял на другой стороне улицы и, поджидая ее, курил. Она бросилась к нему на грудь и зарыдала. Он нежно погладил ее по голове и поцеловал в губы.

— Я же тебе говорил, чтобы ты сегодня не ходила домой? Я так и знал, что все этим и закончится. Ты не переживай, все будет нормально.

— Нет, Леша, ты мою мать не знаешь. Если она сказала, что меня больше не пустит на порог, значит, и не пустит. Жалко сына не увидела. Да ладно, ему с бабушкой будет лучше, чем со мной.

Она перестала плакать и прижалась к нему всем телом. Она вдруг снова почувствовала охватывающее ее желание близости.

— Я хочу тебя, — тихо произнесла она. — Пойдем быстрее к тебе, а то я изнасилую тебя по дороге к дому.

Алексей был удивлен таким перепадом настроения Мадины. Еще секунду назад она горевала о том, что мать выгнала ее из дома, и вдруг у нее возникает неприкрытое желание близости.

— Я согласен, — произнес он, улыбаясь ей в ответ.

— Чего согласен? — спросила она его.

— Чтобы ты меня изнасиловала. Я люблю грубость, люблю смотреть, как плачут люди. В этот момент я испытываю какое-то необъяснимое чувство превосходства над другими людьми. Ты знаешь, когда я отбывал свой первый срок, то я перечитал практически всю тюремную библиотеку. Я понял, почему Джек-Потрошитель убивал женщин.

— Почему?

— Ему нужно было самоутвердиться в обществе. Ему хотелось славы. Заметь, он не трогал их, он просто их убивал и от этого, похоже, испытывал сильнейший оргазм, который не испытывал от обычной близости с женщиной. Я тоже хочу все это испытать. Пройти весь его путь, ведь его так и не нашли. Он оказался намного умнее всех этих полицейских, вместе взятых.

— Леша, мне страшно, — прошептала она и прижалась к нему.

— Ты не бойся, я тебя не убью, если ты будешь молчать и делать все, что я тебе прикажу. Если тебе страшно, то можешь прямо сейчас уйти от меня и бежать в милицию. Только что ты им там расскажешь?

— С чего это ты взял, что я побегу в милицию? Я от тебя, Леша, никуда не уйду. Ты можешь убить меня, если почувствуешь, что я тебя предала.

— Посмотрим, жизнь покажет — ответил он.

Они остановились около дверей дома. Алексей достал ключи и открыл дверь. Войдя в дом, они пошли на кухню, где на столе еще стояла недопитая бутылка водки.

* * *

Истекали сроки, отведенные мне начальником управления уголовного розыска на изучение розыскных дел. Однако сделать какой-то окончательный вывод по этим делам я еще не мог. Этому препятствовали многие внезапно возникшие обстоятельства.

Во-первых, три оставшихся на тот момент неизученных розыскных дела почему-то срочно запросила республиканская прокуратура. С чем все это было связано, я не знал, но мне пришлось направить эти дела в их адрес.

Во-вторых, неожиданно возникший, уже не первый раз, конфликт со старшим оперуполномоченным нашего отделения розыска Козиным, который обвинил меня в том, что я копаю под него и хочу занять его должность. Я, конечно, догадывался, откуда дует этот ветер, наблюдая за поведением начальника отделения. Он в очередной раз заявил, что собирается уйти на пенсию и хотел бы передать свое отделение в надежные руки Козина, но этому мешает моя активная работа, которая может склонить чашу весов в мою пользу.

— Слушай, Валерий Михайлович! С чего это ты взял, что я претендую на должности начальника отделения? По-моему, ты ее заслуживаешь больше, чем я. Я работаю в отделении всего полтора года, а ты более десяти лет. Вот ты сам и подумай, кого может назначить руководство управления на эту должность. С другой стороны, почему вы все решили, что наш начальник собирается уходить? Судя по всему, ему здесь вполне комфортно. Где он может читать газеты и получать за это деньги?

Этого, наверное, не нужно было говорить, но я почему-то не сразу это понял. Теперь мне приходилось обороняться уже от двух человек.

— Что ты из себя представляешь, что позволяешь себе такие высказывания? Ты всего полтора года в розыске. А уже возомнил из себя черт знает кого. Ты считаешь, что если тебе

дает индивидуальные задания сам начальник управления, то значит ты намного лучше нас? Я, в отличие от тебя, двадцать пять лет проработал в системе уголовного розыска и посмотрелся на таких выскочек, как ты. Ты знаешь, все они плохо закончили свою карьеру, а я вот, в отличие от них, все еще работаю. И не тебе меня судить, что я делаю на работе, читаю ли газеты или играю в шахматы. Ты думаешь, что об этом не знает начальник управления? Он все знает, и если молчит, значит, его это вполне устраивает.

— Слушайте, Фанис Гараевич! Зачем вам этот скандал? Вы же сами его спровоцировали. Здесь нет дураков и все это отлично понимают. Судя по всему, вас палкой с работы не выгонишь, и вы специально делаете так, чтобы мы с Козиным перегрызли друг другу глотки. Вы же великолепно знаете о стремлении Козина занять вашу должность в случае вашего ухода, зачем вы лишний раз разжигаете в нем все это. Я же вам уже несколько раз говорил, что не претендую на вашу должность и никогда не стану подсиживать никого из вас. Но если мне предложат ее, отказываться я тоже не буду, так как руководству управления видней, кого назначить на эту должность, меня или Козина.

— Ты слышал, Валера? Вот оно, истинное его лицо. Сначала говорит, что его не интересует эта должность, а потом вдруг заявляет, что не откажется от нее, если ему ее предложат. Ты думаешь, почему он бежит к Костину? Нет, Валера, это не просто так. Просто так такие люди, как он, не работают. Ведь ты не ходишь в специальную библиотеку и не сидишь там, часами изучая труды американских психологов. Он просто хочет блистать своей эрудицией на нашем сером фоне.

Я сидел и молчал. Я уже давно усвоил, что спорить с руководством абсолютно бесполезно, прав тот, у кого больше этих прав. А прав всегда бывает больше у начальника, и спор лишь разжигает в нем желание подавить тебя в самом зародыше.

— Чего молчишь? — с вызовом спросил меня Козин. — Разве начальник не прав? Ты, наверное, не только получаешь от Костина указания, но и стучишь ему на всех нас?

Я невольно усмехнулся.

— Зачем мне на вас стучать, если руководство и так все знает о нас? Ведь только что начальник нам сам сказал, что руководство отлично знает, что он читает на рабочем месте газеты. Вот и делай выводы, если ты не такой уж глупый. Я просто не хочу с вами спорить и доказывать вам свою правоту. Как говорил мне в свое время командир в Афганистане, правда есть правда и ее не надо доказывать. Доказательства требуются лишь лжи, когда ее хотят выдать за правду.

Я встал из-за стола и направился к выходу.

— Ты куда? — строго спросил меня начальник отделения.

— Работать, — коротко ответил я.

* * *

Я вышел из электрички и, достав сигареты из кармана куртки, закурил. Быстро покурив и, бросив сигарету в урну, направился к зданию станции. Народу в помещении станции было не очень много. Увидев в углу помещения билетную кассу, я направился к ней.

— Девушка, я из уголовного розыска. Посмотрите, пожалуйста, вот на эти фотографии. Может, вы кого-то из них видели случайно здесь. Может, кто-то приобретал у вас билеты.

Она взяла в руки фотографии без вести пропавших женщин и стала их внимательно

разглядывать. Через минуту она вернула их мне.

— Извините, но я никого из этих женщин здесь не видела. Мне очень жалко, что я не смогла вам помочь. Вы покажите эти фотографии бабушкам, которые торгуют у станции, может, кто-то из них и вспомнит их.

Я поблагодарил ее и направился к выходу их здания. Площадь около станции была небольшой, и я сразу же увидел группу старушек, торгующих соленьями и свежими овощами.

— Здравствуйте. Я из милиции, — представился я, тем самым вызвав переполох среди них.

Многие из старушек стали быстро укладывать свои продукты в сумки и корзины и в спешном порядке покидать свои насиженные места.

— Вы куда, женщины? — удивленно спросил я их. — Я просто хотел с вами поговорить! Я взял за рукав одну из них и, вынув из кармана куртки фотографии, протянул их ей.

— Вы случайно никого из этих женщин не видели здесь? — обратился я к ней. Посмотрите внимательней, я разыскиваю их.

Женщина освободилась от моей руки и осторожно взяла фотографии в руки. Через минуту фотографии пошли по рукам торговков.

— Валя? — обратилась одна из них к своей соседке. — Посмотри, пожалуйста. По моему эта женщина покупала тогда у тебя соленые огурцы. Она еще стала с тобой скандалить, что огурцы у тебя полупустые. Помнишь?

Валентина взяла в руки фотографию и стала ее внимательно рассматривать.

— Нет. Это не она. Та была немного постарше и больше походила на алкоголичку.

— Да ты что, Валентина? Это точно она. Только здесь на фотографии она вся напомажена, а в жизни она немного помята. У меня хорошая память на лица и я не могу ошибиться.

— Скажите, эта женщина была одна или с кем-то? — спросил я ее.

— Вот этого, молодой человек, я не помню. Могу сказать лишь одно, что подошла она к Валентине одна. С кем она была, сказать не могу.

— А вы случайно не помните, в какую сторону она направилась? Я имею в виду в поселок или на перрон?

— Не помню. Извините. Думаю, что она могла пойти только в поселок, так как мне тогда показалось, что она только приехала сюда на казанской электричке.

— Спасибо за помощь. Удачной вам торговли, — поблагодарил я женщину и направился в сторону поселка.

Я шел по улице поселка, абсолютно не ориентируясь среди маленьких деревянных домов и двориков. Лишь упершись в пустырь, я понял, что одному мне с заданием не справиться. Заметив идущего в мою сторону мужчину, я направился на встречу ему.

— Извините, вы не подскажете мне, где у вас здесь находится милиция? — спросил я его.

— Городская милиция или поселковая? Городская милиция в Зеленодольске, а поселковая вон за тем домом, — ответил он и показал мне рукой на двухэтажное здание.

— Спасибо, — поблагодарил я его и направился в указанном им направлении.

Я стоял около входной двери поселковой милиции. Отделение располагалось на первом этаже двухэтажного дома дореволюционной постройки. Входная дверь, растрескавшаяся от времени, была еще довольно крепкой и невольно вызывала к себе уважение. Докурив сигарету и бросив окурки в урну, потянул дверь на себя. Я очутился в большом коридоре с четырьмя дверями. Все двери были старыми и покосившимися от времени.

— Интересно, сколько прошло людей через эти двери? — подумал я. — Сколько они видели поломанных судеб и отчаявшихся в поисках справедливости людей.

Три двери оказались закрыты. Я потянул на себя четвертую дверь и оказался в небольшом помещении, где стояло три стола. За одним из них сидел молодой лейтенант и что-то писал в толстом журнале.

— Разрешите? — спросил я его, входя в кабинет.

Лицо лейтенанта исказила недовольная гримаса. Он отложил в сторону журнал и посмотрел в мою сторону.

— Что у вас, гражданин? — спросил он меня. — Не ужели не видно, что я занят?

— Почему вы так плохо встречаете гостей, лейтенант? Я из управления уголовного розыска, — я присел за свободный стол. — Где остальные?

Лицо лейтенанта покрылось краской. Он растерянно посмотрел на меня, пытаясь убрать со своего стола журнал, но сделал это как-то неловко. Журнал упал на пол и из него высыпалось несколько напечатанных ориентировок. Я поднял одну из них и положил перед собой. Эта была ориентировка по розыску без вести пропавшей Хасановой Гульнары Абдулловны, которую разыскивали сотрудники Советского районного отдела милиции. Как ни странно, но именно на нее указали мне торгующие на станции женщины.

Лейтенант поднял ориентировки и сунул их обратно в журнал. Положив журнал на соседний стол, он встал и представился мне.

— Участковый инспектор Гараев. Остальные сотрудники отделения находятся на своих участках.

— Значит, вы вроде бы дежурный по отделению? — спросил я его.

— Получается, вроде бы так, — ответил он мне.

— Вот что, Гараев. Я приехал к вам сюда по розыску женщин, пропавших без вести. Считаю, что их исчезновение как-то связано с вашим поселком. Одну из пропавших последний раз видели на железнодорожном вокзале Казани. Она садилась в электричку Казань — Зеленый Дол. Вторую видели на перроне вашей станции. Третья, со слов родителей, собиралась погостить в вашем поселке у своей подруги, после чего исчезла бесследно. А сегодня ваши женщины, торгующие на станции, признали на одной из фотографий пропавшую без вести Хасанову. Скажите мне, что ответили вы по всем этим ориентировкам? Без сомнения, вы ответили, что проведенными оперативно-розыскными мероприятиями установить их местонахождение не представилось возможным. На все эти ориентировки вы отвечали, не выходя из этого кабинета. Что, не так? А сейчас найдите мне начальника отделения. Я хочу с ним переговорить по всем этим вопросам.

— А где я его найду? — растеряно спросил он меня. — Я же не знаю, куда он ушел...

— Я тоже не знаю, где он, поэтому прошу вас найти его.

Гараев пододвинул к себе старый телефон и стал крутить диск. Прошло минут тридцать, прежде чем он нашел начальника.

— Товарищ майор! Здесь человек из МВД, просит вас срочно прибыть в отделение, — доложил ему Гараев. — Нет, я не в курсе. Похоже, его интересуют пропавшие без вести

женщины.

Он закончил говорить и положил трубку.

— Он сказал, что минут через тридцать будет, — доложил мне участковый инспектор.

— Неплохо вы здесь живете. Полная свобода. Так, один раз в неделю отписался и снова тишина.

— Зря вы так говорите, товарищ капитан. Вы знаете, сколько мы садовых обществ и товариществ обслуживаем. Сейчас весна, и все горожане рванули на свои участки. Люди приезжают и видят, что за зиму их домики обчистили. Пишут заявления, а мы должны искать этих воров.

Я посмотрел на него и невольно вспомнил свой прошлогодний случай с задержанием садовых воров.

* * *

Утром мне позвонил мой осведомитель и сообщил, что вчера встретился со своими знакомыми, которые занимаются кражами из садовых домиков.

— Виктор Николаевич, что мне делать? Они зовут меня с собой на дело.

— Ни в коем случае не ходи. Найди хороший предлог и откажись. Ты мне лучше скажи, куда они хотят пойти конкретно?

— Я лучше вам скажу, где они хранят похищенные вещи. Поймите сами, я не могу их конкретно спрашивать, куда они пойдут, это может вызвать у них подозрение.

— Где они хранят похищенные вещи?

— Записывайте, — он назвал мне адрес.

— Слушай, Захар! Я тебе еще раз говорю, на кражу не ходи. Ты понял меня или нет?

— Все понял. Я лучше смотаюсь из города, так будет вернее.

Он положил трубку. Услышав короткие гудки отбоя, я положил трубку на рычаг телефона и взглянул на начальника отделения.

— Сейчас мне позвонил мой человек. Есть возможность взять воров из садовых домиков. Говорит, что группа состоит из пяти человек и что, по их словам, они нагрели около сотни домиков. Может нам самим их взять, а затем передать их ребятам из Кировского отдела милиции?

— Слушай, Абрамов! Ты человек новенький в розыске и все это для тебя в новинку. Мне твои садовые воры по барабану. Кроме головной боли, от них ты ничего не получишь, поверь мне, старому оперу. Я бы на твоём месте отправил эту информацию на «землю», пусть работают.

— Все дело в том, что мы их сможем взять с поличным. Пока я буду отправлять эту бумагу в Кировский отдел милиции, пройдет время, и они смогут перепрятать все это в другое место.

— Все может быть. Дело твое, хочешь задержать — задерживай. Я тебе мешать в этом не буду.

— Тогда я, с вашего разрешения, возьму с собой Мартынова и Семенова. Как вы на это смотрите?

— Приказать я им не могу. Это выходит за их служебные обязанности, они в конце концов не сотрудники по борьбе с имущественными преступлениями. Если согласятся, я не

против, но приказывать им я не буду.

Услышав это, я обрадовался, ведь раскрыть около сотни краж из садовых домиков удастся не каждый день.

Около восьми часов вечера я встретился с ребятами и мы, поймав такси, поехали в поселок Юдино. Сравнительно быстро доехали до Дворца культуры железнодорожников и, выйдя из машины, направились в сторону Белявского поселка. Минут через десять мы брели в полной темноте, так как электрического освещения здесь никогда не было.

— Виктор, далеко еще до адреса? — поинтересовался у меня Мартынов.

Я промолчал, так как сам тогда еще не представлял, где находится эта улица и дом. С неба посыпалась снежная крошка, неожиданно похолодало. Я поднял воротник пальто и невольно поправил шарф. Заметив одинокого мужчину, мы всей нашей небольшой группой направились в его сторону.

— Гражданин! — обратился к нему Семенов. — Вы не подскажите, как нам пройти к этому адресу?

Семенов назвал улицу и дом, чем вызвал у мужчины улыбку.

— Вы, ребята, шутите, что ли? — почему-то спросил он у нас. — То, что вы разыскиваете, находится на другой стороне улицы.

Мы удивленно посмотрели друг на друга. Как вывернуться из этой глупой ситуации, первым сообразил я.

— Ну, ты и молодец, Юра! Доверься тебе в следующий раз, — произнес я, стараясь придать веселость своему голосу. — Ты же сам утверждал, что хорошо знаешь поселок, и нам не придется там блуждать.

Юра сделал обиженное лицо и отошел в сторону.

— А вы, в принципе, кого ищите? Кто вам нужен?

Я на миг замешкался, не зная, что ответить на этот вопрос.

— Мой друг Володя пригласил меня в гости к своему старому другу. Сказал только адрес. Вот мы и рыщем по поселку, разыскивая этот дом.

Мужчина улыбнулся. Он, по всей вероятности, не поверил нам.

— Вот, что парень! Вы, похоже, из милиции, и поэтому я вам скажу честно, что в этом доме сейчас никого нет. Ушли они втроем, еще часа два назад. Хозяина дома зовут Разрывин Георгий. Думаю, что придут домой они не раньше десяти часов.

— Ты прав, отец, мы действительно из милиции, — произнес я и показал ему служебное удостоверение. — Это плохо, что мы не застали их дома. Придется, видимо, ждать.

— Вот что, ребята, заходите ко мне. Пока ждете, чайку попьете, телевизор посмотрите. Как они придут, вы сразу увидите и услышите.

Нам ничего другого не оставалось, как согласиться.

* * *

Мы сидели в теплой, чистой комнате и смотрели телевизор.

— Михаил Федорович, а где ваша супруга? — поинтересовался я.

— На работе, — коротко ответил он мне. — Она работает на станции диспетчером.

Он замолчал и, отодвинув в сторону занавеску, посмотрел на улицу.

— У них главным будет Женька Белоконь, они называют его Белым. Он раньше жил в нашем поселке, а потом его посадили за кражи из магазинов. Мать не дождалась его и умерла с год назад. Дом на себя оформил его младший брат. Он разошелся с женой, оставил им с сыном квартиру, а сам перебрался жить сюда. Когда Белый вернулся из заключения, между ними вспыхнул скандал, так как младший брат отказался прописывать его в дом матери. Скандалили они сильно, полпоселка сбежалось посмотреть на это. Женька тогда и порезал своего брата, правда тот не стал обращаться в милицию и сообщил врачам, что сам в темноте, в сарае наскочил на косу.

После этого скандала он поселился у своего старого товарища Разрывина, они с ним дружили еще со школы. Тот жил один и отказать в приюте своему товарищу не мог. Недели две они вместе пили: Разрывин, Белый и его друзья по зоне. Потом, похоже, взялись за старое, стали грабить квартиры. Все награбленное у них скупала Верка, продавщица из нашего поселкового магазина. Сейчас они перешли на кражи из садовых домиков. Тащат все, что попадет им под руку. Старые холодильники и телевизоры, посуду. Женька Разрывин все это куда-то возит и продает за бесценок. Об этом весь наш поселок знает, но все молчат, боятся Белого и его друзей. Вот и сегодня они, похоже, тоже направились на дачи.

Он замолчал и снова, отодвинув край занавески, посмотрел на улицу.

— Михаил Федорович, а почему вы решили, что они пошли грабить дачи? — задал я ему вопрос. — Они вам об этом, я думаю, не докладывали?

— А тут и говорить ничего не нужно. Раз взяли с собой тачку, значит пошли шастать по дачам. Сейчас их время. Людей на дачах нет, сторожей, как правило, тоже не бывает. Да и кто из сторожей будет умирать из-за чужого барахла? Никто! Так что бери, не хочу. Люди только весной поймут, что их домик ограбили, одни побегут в милицию, а другие нет. Все боятся, что жулики могут сжечь их дома. На это они и рассчитывают.

Я сразу же вспомнил слова своего начальника и невольно задумался: «Ну, сейчас мы их задержим с ворованными вещами, а что дальше? Где искать потерпевших? Ведь закон трактует, что если нет потерпевших, то нет и краж. Что тогда нам с ними делать? Придется извиняться и отпускать».

Мои размышления прервал хозяин дома.

— Вон идут, еле волокут награбленное, — произнес он и сплюнул на пол.

Я отодвинул занавеску и посмотрел на улицу. По улице шли три человека и толкали впереди себя тележку, на которой кучей лежали какие-то вещи. Мне удалось разглядеть лишь холодильник, который лежал на тележке с моей стороны.

— Спасибо, Михаил Федорович. Нам нужно уходить, — я пожал ему руку.

Он проводил нас до двери и пожелал нам удачи.

* * *

Они возились в большом гараже, не обращая никакого внимания на редких прохожих. Когда они закончили укладывать похищенные из садовых домов вещи, я тихо произнес, наставив на них свой пистолет.

— Ребята! Все, закончили свою работу?

Мой голос был подобен выстрелу, прозвучавшему в тишине. Двое мужчин безропотно подняли руки, сразу же сообразив, кто перед ними находится. Третий же, опрокинув на

землю немного задумавшегося Семенова, бросился бежать в сторону темнеющего невдалеке леса.

— Вяжите их! — крикнул я и устремился за бегущим от меня человеком.

Бежал он первые сто метров неплохо. Бежать в лесу с такой скоростью, с которой бежал он, может не каждый человек, и поэтому я сразу же оценил его неплохие физические данные. Однако, пробежав метров триста, он стал заметно сдавать. Расстояние между нами заметно таяло.

Неожиданно для меня он резко свернул влево и побежал вдоль забора кладбища. Я на бегу достал из кобуры пистолет и взвел его. словно прочитав мои мысли, он нырнул в проем забора и моментально исчез.

— Белый, выходи с поднятыми руками! Не заставляй меня в тебя стрелять!

— А ты меня сначала возьми, мент, а потом диктуй свои правила! — выкрикнул он и выстрелил в мою сторону.

Дробь, словно рой пчел, пронеслась над моей головой.

— Вот этого не нужно было делать! — крикнул я в темноту и, упав на живот, медленно пополз в сторону вспышки.

— Слушай, мент! Может, разойдемся по-хорошему? Зачем тебе я? Там двое есть, есть, кого судить, — выкрикнул он, перезаряжая свой обрез. — Чего молчишь? Скажи хоть слово!

Я молча полз на голос. Теперь между нами было метров десять. Неожиданно передо мной выросла могильная ограда.

«В какую сторону ползти?» — подумал я и решил обойти ее слева.

Однако, выбранный мною путь оказался неверным. Я вновь уперся в могильную ограду. Делать было нечего, мне пришлось развернуться и двинуться в противоположную сторону.

— Мент! Ты что молчишь? Отзовись, не играй со мной в прятки! Мне тоже не нравится, как и тебе, лежать среди этих могил!

Теперь он находился рядом со мной, буквально в метрах пяти. Я поднял сухую ветку и швырнул ее в сторону. Моментально последовал выстрел в то место, где упала ветка.

— Чего молчишь? Я случайно не настигнул тебя свинцом, а, мент? — выкрикнул он.

Я услышал, как он стал перезаряжать обрез и, используя эту внезапно возникшую паузу, я рванул вперед. Выскочив из-за ограды, я всем телом навалился на него. Он, похоже, не ждал нападения с этой стороны и растерялся на какую-то долю секунды. Как я и предполагал, он оказался крепким малым. Мы минуты две катались по земле между могил, прежде чем мне удалось его скрутить. Я с благодарностью вспомнил преподавателя рукопашного боя, обучавшего меня азам этого дела.

— Существует, Абрамов, множество всевозможных приемов захвата, но ты должен автоматически владеть лишь одним из них. Запомни это слово — автоматически, если конечно хочешь выжить в этой борьбе.

Я молча смотрел на поверженного врага, не испытывая к нему уже никаких чувств — ни чувства злости, ни чувства жалости. Именно автоматически проведенный прием позволил мне не только не дать ему выстрелить в меня, но и скрутить его.

Белоконь лежал на земле и тихо стонал. Я наклонился над ним и зажег спичку, чтобы хорошенько рассмотреть его лицо. Судя по внешности, ему было около тридцати лет. Редкие светлые волосы прилипли к его мокрому лбу.

— Чего смотришь? — процедил он сквозь зубы.

— Да так. Мне просто интересно. Сейчас твои сверстники головы кладут е

Афганистане, а ты, гад, здесь по дачам шарить.

— Скажи спасибо Богу, что тебе повезло. Я бы над тобой так не стоял и не смотрел на тебя. Чего уставился? Жалко, что я не попал в тебя!

— Я бы на твоём месте не стал так говорить. Зачем тебе лишние сложности?

— Ты думаешь, что ты меня испугал? Да мне глубоко наплевать на смерть, и тем более на тебя.

Я схватил его за шиворот, поднял с земли и ткнул в спину стволом пистолета, который я снова вытащил из кобуры.

— Пошел! Давай, быстрее. Сейчас мы посмотрим, боишься ты смерти или нет. Давай, вали!

Он сделал три шага и застыл на месте. Он медленно повернулся в мою сторону. Несмотря на темноту, я заметил, как заблестели его глаза.

— Ты что надумал, мент? Есть же закон, ты же не бандит!

Я снова ткнул стволом пистолета в его спину и приказал ему двигаться вперед. Видимо от страха быть убитым в спину, ноги не слушались его.

— Если хочешь, убей меня прямо здесь, — сказал он дрожащим от страха голосом.

— Хорошо, — ответил я и отошел назад еще метра на три.

— Нет. Я хочу жить, — закричал он что есть мочи. — Хочу жить. Вы не имеете никакого права расстреливать меня здесь.

— А я и не собираюсь, — тихо сказал я. — Я тебя просто убил при попытке сопротивления. Ты же стрелял в меня?

Он упал на колени и громко заревел. Он плакал так, как плачут дети. Крупные слезы текли по его грязным щекам.

Я демонстративно спрятал пистолет в кобуру и толкнул его ногой.

— Давай вставай. Я не собираюсь здесь на кладбище ночевать с тобой. Давай, веди меня к дому.

* * *

Мы возвращались обратно все тем же лесом, по которому бежали минут сорок назад. В темноте трудно было различить ветки деревьев, и они иногда сильно хлестали по лицу, норовя выбить или выколоть глаз.

«Как же я бежал по этому лесу и не выколол себе глаза?» — невольно подумал я, получив очередной удар веткой по лицу.

Я вспомнил Афганистан. Там я тоже неоднократно удивлялся тому, что делал. Если бы кто-то мне сказал на гражданке, что я смогу делать все это, я бы посчитал его ненормальным. Но, видимо, так устроен человек, что в экстремальных условиях он может творить своеобразные чудеса.

Я споткнулся и чуть не упал, зацепившись ногой за корень сосны.

— Слышь, мент! Ты действительно готов был убить меня, там, на кладбище? — спросил меня Белый. — Я что-то в это не верю.

— Я и сейчас могу это сделать спокойно. Скажу, что ты попытался от меня бежать и все. Если не веришь, то можешь попытаться сделать ноги. Спорю, что я тебя завалю третьим выстрелом.

— А почему третьим?

— А все потому, что перед тем, как убить тебя, я дважды выстрелю в воздух. Понял? Если нет, то давай, попробай бежать.

— Я не дурак и не хочу испытывать свою судьбу дважды. Ведь ты меня мог завалить и в лесу, когда бежал за мной.

— Мог, но не стал этого делать. Ты мне живой был нужен. Ты давай, иди и не разговаривай. Мы с тобой там поговорим.

— Слушай, начальник! Зачем тебе я с моим обрезом? Что ты хочешь на меня повесить? Обрез? У меня его не было, а раз его у меня не было, соответственно, я и не мог в вас стрелять. Правильно я рассуждаю или нет?

Я невольно улыбнулся. Действительно, что я мог предоставить следствию? Обрез? Но на нем мои отпечатки, я и сейчас несу его в руке. Стрелял он в меня или нет — тоже трудно будет доказать. Если я его подожму оружием, то он скажет, что стрелял в воздух. Еще скажет, что он вообще не знал, кто я. Не исключено, что будет говорить, что я был в гражданской одежде, и он не знал, что я милиционер.

От этих мыслей, у меня испортилось настроение. Мало того, что я порвал практически новую куртку, извозил ее всю в грязи, но при всем этом я почему-то подумал, что Белоконь прав, и я едва ли смогу ему вменить покушение на работника милиции, а также хранение и ношение огнестрельного оружия.

Впереди показались огни поселка. Белоконь остановился и прижался к дереву.

— Давай отдохнем, — предложил он мне. — Ты знаешь, я не из тех людей, кто бегом бежит к своему сроку.

Я толкнул его в спину стволом обреза.

— Слушай, если ты еще раз остановишься, то я просто ради своего удовольствия прострелю тебе ногу. Надеюсь, ты меня понял?

— Не гони пургу, начальник. Если ты меня там не решился убить, то теперь ты меня уже не убьешь, я это точно знаю.

Я схватил его за шиворот и толкнул. Он сделал несколько шагов и повалился на землю.

— Слышь, мент? А я дальше не пойду. Можешь убить меня прямо здесь, но я дальше не пойду. Если я тебе нужен, тащи меня на себе.

— Ты смеешься, Белый. Еще никто и никогда не ездил на мне верхом. Не хочешь идти, стой здесь.

Я быстро снял с его правой руки браслет наручника, подтянул его к березе и снова заковал его таким образом, что береза оказалась меж его рук.

— Теперь можешь стоять до утра. Сейчас мы погрузим ваш товар, а затем заедем за тобой. Вот тогда я и посмотрю, как ты будешь выглядеть. Видишь, вышла луна, а это значит, что ночь будет довольно холодной. Придется тебе, Белый, как кавалеристу, скакать вокруг березы, чтобы не замерзнуть здесь, пока я хожу, а тащить тебя на себе — извини, уволь.

Я еще раз посмотрел на него и направился к поселку.

* * *

Как и предполагал мой начальник отделения, дело это развалилось. В ту ночь мы кое-как нашли машину и часа два грузили ее дачным бараклом. Когда мы закончили это делать, я

связался со станции Обсерватория с дежурным по МВД и доложил ему о задержании дачных воров. Часа через два к нам подъехал заспанный наряд милиции из Юдино, и мы, забрав еле живого Белого, поехали все вместе в отделение милиции. Там нам снова пришлось это все разгружать в большой гараж, вытолкнув предварительно из него грузовую машину. Дежурный следователь часа три потратил на опись изъятых вещей. Лишь после того, как он нас допросил, мы поехали в город. Приехали мы в МВД к девяти часам утра, все грязные и измученные.

— Ну и как? — поинтересовался у меня начальник отделения.

Я доложил ему все подробно и устало сел на стул. Ужасно хотелось есть и спать.

— Могу поспорить, Абрамов, что дня через три всех твоих задержанных освободят.

Я не стал спорить. С начальниками лучше не спорить, это я усвоил еще в Афганистане. Я просто махнул рукой и поставил кипятиться электрический чайник.

— Ты знаешь, как это называется? — спросил он у меня. — Это называется так: «Дурная голова, ногам покоя не дает». Понял?

Я молча кивнул и посмотрел на него. Я тогда впервые понял, что такое жизненный и оперативный опыт. Мало поймать вора, нужно еще доказать, что он вор, а это довольно сложно.

Через два дня мне позвонил следователь из отделения поселка Юдино.

— Виктор Николаевич? Вы знаете, завтра истекает срок задержания Белоконя, Разрывина и их товарища. Что будем делать?

— В каком смысле? Вы следователь, вы и решайте. Насколько я знаю, Разрывин и Гильманов признались в кражах из садовых домиков.

— Это ничего не меняет. У нас нет ни одного потерпевшего. Вы это понимаете или нет?

— По-моему, этот вопрос не ко мне. У вас в отделении около десятка оперативников. Пусть свозят этих воров на место, те покажут дачи, а у охранника вы узнаете адреса собственников этих строений. Останется только их вызвать к себе и отобрать у них заявления. Не мне же вас учить, как нужно это делать.

На том конце провода повисла пауза. Было хорошо слышно, как чей-то голос упорно советовал переложить все это на меня.

— Виктор Николаевич, но это вы их задержали, а не наши оперативники. У наших оперативников и так работы очень много.

— Вы не обижайте меня. Можно подумать, что мы все здесь сидим без дела и бьем баклуши. Преступления совершены на территории обслуживания вашего подразделения и не столь важно, кто задержал этих преступников, мы или вы. Правильно я говорю или нет? А, если бы мы были из Москвы, что тогда?

— Формально вы правы, — произнес он. — Однако начальник отделения считает, что если задержание провели сотрудники центрального аппарата, то и возбуждать уголовное дело должно следственное управление МВД, а не мы.

— Я смотрю, умный у вас начальник отделения. Я не против этого, пусть он сам звонит начальнику следственного управления и разговаривает с ним на эту тему.

— Ну и что мне сейчас делать прикажете?

— Возбуждайте уголовное дело и расследуйте эти кражи. Кстати, как там Белоконь? Вы в отношении него возбудили уголовное дело? Я написал в заявлении, что этот человек дважды стрелял в меня при задержании. Обрез и патроны я передал вам лично в руки.

— Здесь тоже есть определенные сложности. Он утверждает, что впервые видит это оружие и утверждает, что никогда и ни в кого не стрелял.

— Странно слышать это все от вас. Сделайте смывы с его рук, на теле и одежде должны остаться следы пороха.

Снова возникла непонятная для меня пауза.

— Вы знаете, Виктор Николаевич, мы сразу этого не сделали, а сейчас это сделать практически невозможно. Прошло столько времени, он наверняка успел все это смыть с рук.

— А его одежда? — чуть ли не закричал я в телефонную трубку.

— К нему приходил брат, и мы разрешили ему поменять одежду. У нас поселок небольшой и все друг друга хорошо знают. Пришел брат и попросил помощника дежурного передать ему чистое теплое белье, чистый свитер и новую телогрейку. Все старые вещи он унес с собой.

— Понятно, — я положил трубку.

На следующий день они были освобождены из-под стражи.

* * *

Я вышел на улицу и закурил. Недалеко от меня остановился «Москвич-412», из которого вышел человек в милицейской форме и стремительной походкой направился в мою сторону. Он прошел мимо меня и, открыв дверь отделения, скрылся за ней. Я докурил сигарету и направился вслед за ним.

Входя в открытую дверь кабинета начальника отделения, я поздоровался.

— Моя фамилия Абрамов, я из управления уголовного розыска МВД.

Начальник поднялся из-за стола и молча протянул мне свою пухлую, влажную и холодную руку. Рукопожатие оставило неприятный осадок. Не знаю почему, но люди с подобными руками всегда вызывали у меня какую-то внутреннюю антипатию. Он молча указал мне на стул.

Я присел на стул и достал из кармана фотографии пропавших без вести женщин. Чем подробнее я ему рассказывал, тем мрачнее становилось его лицо. Когда я закончил говорить, он молча встал из-за стола и, отодвинув штору окна, посмотрел на улицу, где стоял ожидавший его «Москвич».

— Если исходить из вашей логики, то последним местом нахождения этих пропавших женщин является поселок Васильево? Ловко это вы придумали. Вы знаете, мало ли кто о чем говорит, где доказательства?

— А я и приехал сюда, чтобы собрать все эти доказательства вместе с вашими сотрудниками. Скажите, а почему вы это так болезненно воспринимаете? Вот например, мне рассказали торговки около станции о том, что они видели без вести пропавшую Хасанову. Она даже устроила небольшой скандал, когда покупала соленые огурцы у одной из торговок. А вы ответили на запрос по ориентировке, что вами не установлен факт пребывания этой женщины на территории поселка. Как это понимать, товарищ начальник отделения? Вам не кажется, что это немного смахивает на должностной подлог? А если эту женщину убили в вашем поселке, вы об этом подумали?

Он снова подошел к окну и посмотрел на улицу. Мысли его были явно в другом месте, и сейчас он просто думал, как отделаться от меня. Почувствовав на себе мой пристальный

взгляд, он повернулся ко мне и спросил:

— Скажите, а что бы вы делали на моем месте? Исходя из того, что вы мне рассказали, я должен закрыть отделение и организовать тотальное прочесывание не только поселка, но и всех садовых обществ и товариществ. Вы хоть представляете, что это такое? Судя по всему, нет. А вы знаете, сколько у меня людей, товарищ капитан? Могу сказать: два оперативника и семь участковых инспекторов.

Он замолчал и посмотрел на меня, стараясь угадать мою реакцию на его слова. Я тоже выдержал небольшую паузу.

— Ну и что вы предлагаете? Сидеть в кабинете и подписывать ложные ответы на запросы? Насколько я знаю, каждый из ваших участковых обслуживает определенные участки, в которые входят садовые товарищества и общества. У меня один вопрос — они отработывали эти участки или нет? Судя по целой кипе ориентировок, которые находятся в одном из журналов, никто этого не делал. Вопрос — а почему? Потому, что вы им не поручали или потому, что вы у них не спрашивали, исполнили они это поручение или нет?

— Вы знаете, чем отличаются сотрудники милиции, работающие на «земле», от сотрудников из МВД? Так я вам сейчас объясню. Вы теоретики, а мы практики. Вы говорите, что мы должны это делать, не представляя даже, как это делается.

Я усмехнулся.

— Извините, товарищ майор, но я не согласен с вами, по одной лишь причине. Можно не выполнить указание, сославшись на объективные сложности, отсутствие исполнителей и так далее, но докладывать в МВД заведомо ложные сведения о выполнении, не сделав практически ничего, нельзя. За это, знаете, наказывают.

— А вы попробуйте наказать меня! У меня свой начальник отдела, который в отличие от вас хорошо знает, как работать на «земле».

Он встал из-за стола и молча направился к выходу из кабинета. Дождавшись, когда я выйду из кабинета, он закрыл дверь и заглянул в кабинет, где сидел участковый инспектор.

— Гараев, предоставьте капитану схему садовых участков, а также списки охранников и председателей обществ. Если капитан желает, то пусть сам и обходит все эти общества.

Начальник отделения вышел из здания и, сев в ожидавшую его автомашину, куда-то поехал. Я посмотрел на притихшего участкового инспектора.

— Выполняйте указания вашего начальника. Я подожду, когда вы подготовите все эти документы.

Минут через сорок я вышел из отделения милиции и направился в сторону станции.

* * *

Вагон электрички был полупустым. Всего шестнадцать пассажиров, дремавших, удобно устроившись на деревянных сиденьях. Я сидел и пытался рассмотреть здания и постройки, проносящиеся за окном вагона. Часы показывали начало десятого вечера. Достав из кармана списки садовых обществ, я стал просматривать фамилии председателей и охранников.

«Нужно пробить охранников через информационный центр. Наверняка среди них есть и ранее судимые люди, — подумал я. — Может, с ними поработать, вдруг и выйду на кого-нибудь, кто мне подскажет причину исчезновения женщин».

Пришла мысль о ближайшем воскресенье, ведь я обещал сводить дочку в зоопарк. Вагон

резко дернулся. Раздался скрежет тормозов, и электричка остановилась. Я вышел из вагона и направился в сторону центрального вокзала.

Сегодня я плохо спал. В голове крутились мысли о каком-то серийном убийце, который охотится на женщин, убивая их. Они были столь навязчивы, что я никак не мог от них отделаться. Я встал с постели и пошел на кухню. Разогрев чайник, я налил себе полный бокал чая и раскрыл взятую накануне из библиотеки книгу по психологии. Я пытался найти в ней характерные признаки серийных убийц и маньяков. Книга была довольно сложной, изобиловала медицинскими терминами и не все в ней было понятно мне. Отложив книгу в сторону и откинувшись на спинку стула, я задумался. Я был уверен, что нахожусь на верном пути. Однако связать все в единую цепь я не мог. У меня явно не хватало знаний по медицине, а также оперативного опыта.

«Завтра нужно зайти в специальную библиотеку. Может там есть какие-то научные разработки по этой теме. Ведь наличие в обществе маньяков и серийных убийц не обусловлено политической системой общества. Наверняка подобные наработки есть и у заграничных ученых и криминалистов», — подумал я.

Услышав шорох, я повернул голову и увидел стоящую в дверях жену.

— Ты что не спишь? Иди отдыхай! Я сейчас допью чай и тоже лягу.

— Смотри, Виктор! Сгоришь на работе. Стоит тебе сломаться, и ты станешь никому не нужным человеком. Я понимаю, ты хочешь кому-то что-то доказать. Не делай этого. Ты работаешь в коллективе, а коллектив таких, как ты, не любит, он не уважает людей, которые выше по своему развитию, чем вся основная масса. Чем и силен коллектив, так это сплоченной серостью. Звезды в коллективе не живут, их выдавливают.

— Ты не права. Я не хочу работать так, как работают они. Ведь за каждой бумагой, проходящей через мои руки, стоит чья-то судьба, чье-то горе или радость.

— Дело твое. Я просто боюсь за тебя. Тебя не сломал Афганистан со своей кровью и горем, но здесь все по-другому. Там были враги, которых ты знал. Здесь враги другие. Они мило улыбаются, пожимают тебе руку, но стоит тебе споткнуться, никто из них не протянет тебе руку.

— Да, брось ты! Я не верю и не хочу верить в то, что ты говоришь. А как же дружба, любовь? Может, их тоже нет на свете?

Она махнула рукой и вышла из кухни. Через пять минут я допил свой чай и направился в спальню.

* * *

Сергеев пьяными глазами смотрел на Мадину. Она молча поставила на стол сковороду с жареной картошкой и направилась в кухню.

— Тебя долго ждать? Так и водка может испариться из стаканов, — крикнул он и протянул руку к бутылке с водкой.

Он молча разлил водку по трем стоящим на столе стаканам и снова позвал с кухни Мадину. Дождавшись ее, он поднял стакан и, обращаясь к своему приятелю, произнес:

— Предлагаю выпить за наше безнадежное дело.

Стукнувшись гранеными стаканами, они выпили водку и потянулись вилками к горячей картошке.

— Теперь все будет зависть вот от этой женщины. Я очень рассчитываю на нее.

Его приятель Иван Хохлов пристально посмотрел на Мадину.

— Ты поняла? Все будет зависеть от тебя, — пьяно пробормотал он. — Главное, побольше натурализма. Плачь, бейся в истерике. Короче, так, как будто тебя должны убить. Ты поняла это?

Она молча качнула головой. Они допили бутылку и стали расходиться.

— Ладно, я пошел, Алексей. До завтра. Фотоаппарат с меня, — сказал Хохлов и пожал руку пьяному Сергееву.

* * *

К такси подошла молодая симпатичная девушка. Она нагнулась к открытому окну автомашины и, мило улыбаясь, поинтересовалась у водителя:

— Шеф, до Васильево не подбросишь?

Водитель окинул ее взглядом с ног до головы и, достав сигареты из кармана куртки, поинтересовался у нее стоимостью поездки.

— Поехали, внакладе не останешься — сказала девушка.

— Это в каком смысле? — спросил водитель.

— В самом прямом. Могу деньгами, а могу и натурой. Тебе выбирать.

— А пятьдесят на пятьдесят можно? — спросил он ее и сально улыбнулся.

— Как пожелаешь. Ну, что едем или нет?

Он еще раз окинул ее взглядом и, немного подумав, принял окончательное решение.

— Садись, поехали. Предупреждаю сразу, никаких попутчиков. Только ты и я.

— Я согласна, — девушка села рядом с водителем.

Машина тронулась и направилась в сторону Кировского района города Казани. Миновав район телевышки, машина набрала скорость и помчалась в сторону Зеленого Дола.

— Тебя как зовут? — поинтересовался водитель у девушки.

— Ира, — соврала она ему. — А, тебя?

— Андрей, — коротко ответил он ей. — Скажи, ты замужем?

— Как тебе сказать? По паспорту да, а по жизни нет. Я с мужем не живу уже второй год. Он у меня пьяница. Последние полгода до того, как я его выгнала, он ни разу не прикоснулся ко мне. Ему это не надо, а мне тем более. Что я, не найду что ли мужика провести ночь? Ты же тоже наверное не откажешься поваляться со мной часок?

Несмотря на наступающую темноту, она заметила, как покраснело лицо водителя после ее слов.

— Ты что молчишь, Андрей? А ты женатый или нет?

— Я нет, — коротко ответил он.

— Врешь ты. Я же тебя насквозь вижу. Все мужики лгуны и неженаты, когда рядом нет жены, — укоризненно произнесла она. — Да ты не красней, мне все равно, женатый ты или нет. Я к твоей жене не побегу и не буду ей жаловаться, что ты переспал со мной.

Она замолчала и стала что-то разыскивать, роясь в своей сумке.

— Ира! А ты где работаешь?

— Я? На заправочной станции около парка Горького. А ты где заправляешься?

— По-разному, где придется.

— А ты приезжай ко мне. Я тебя всегда бесплатно заправлю. Ты же знаешь, у нас всегда есть и бензин и деньги.

Он снова внимательно посмотрел на нее: «А она ничего. Надо будет поближе с ней познакомиться, удобная женщина по всем статьям».

— Эй, парень! Поворот на Васильево не проскочи, — предупредила она. Водитель притормозил и, пропустив встречную машину, свернул налево.

* * *

Они проехали через поселок, и машина, сбросив скорость, медленно двинулась по грунтовой дороге. Кругом стояли белые от цвета яблони и вишни.

— Я что-то не понял, мы куда едем? — поинтересовался у нее водитель такси. — Ты же просила меня довезти до поселка Васильево?

— А это что? Разве не Васильево? Здесь у моего брата дом. Сейчас его дома нет. Чего так на меня смотришь? Может, передумал?

— Да, нет, — не совсем уверенно произнес таксист. — Просто стараюсь запомнить дорогу. Я здесь ни разу не был.

— Дорога здесь одна. Поедешь по ней обратно, не заблудишься.

Они снова замолчали. Водитель уже жалел, что согласился ехать с этой женщиной и с каждой минутой это чувство росло в геометрической прогрессии.

— Вон видишь тот дом? — спросила она, указав водителю рукой. Около него тормози. — Это дом брата.

Машина, подняв облако пыли, остановилась около дома. Женщина вышла и направилась к дому. Открыв замок, она вернулась к машине.

— Ну что, Андрей, сидишь, пойдём или испугался?

Водитель в нерешительности посмотрел на фигуру удаляющейся женщины, не зная, что предпринять — идти за ней или плюнуть на все и ехать обратно в город. Он не мог даже представить, чтобы можно было отвезти так далеко пассажира и не взять с него плату. Это было не в его правилах. Более не сомневаясь, он вышел из машины и направился вслед за ней в дом.

— Ира! Время позднее, может, отложим все это до лучших времен? Ты сейчас рассчитайся со мной, и я поеду обратно в Казань.

— А как же я? Ты же сам был не против задержаться у меня на часок? Может, ты чего-то испугался, милый?

Она обняла его и стала страстно целовать. Через минуту он уже срывал с нее одежду, повалив ее на широкую кровать. Сорвав с нее лифчик, он стал целовать ее груди, а правой рукой расстегивать молнию на ее юбке.

Вдруг до его слуха донесся скрип входной двери. Он на секунду замер, услышав за спиной чьи-то уверенные шаги. Он обернулся и увидел двух стоящих у двери мужчин, в руках одного из них поблескивал топор.

— Ты что здесь делаешь, сука? — заорал мужчина с топором. — Хотел мою сестру изнасиловать?!

Водитель хотел подняться с кровати, но женщина крепко вцепилась в него двумя руками.

— Не делай этого, — прошептала она ему в ухо. — Иначе он убьет нас обоих. Это мой брат.

Второй мужчина, стоявшей немного в стороне, вдруг достал из-за спины фотоаппарат и начал фотографировать их обнаженные тела. Тот, что был с топором, заставил водителя встать с кровати и приказал ему раздеться.

— Я не буду, — отчаянно крикнул водитель, вскакивая с кровати.

Сильный и точный удар в челюсть опрокинул его на пол. Очнувшись от этого оглушительного удара, он попытался подняться на ноги, но мужчина с топором снова предложил ему раздеться догола и лечь в кровать, где, прикрывшись простыней, уже сидела раздетая женщина. Водитель снял с себя одежду и присел на кровать, не спуская глаз с топора.

— А теперь обними ее, но не просто так, а как прежде обнимал, — приказал он водителю. — Стесняться здесь некого.

Женщина отбросила в сторону простыню и крепко прижалась к водителю всем своим телом. В комнате снова защелкал затвор фотоаппарата. Их несколько раз заставляли менять позы и все время фотографировали.

Наконец мужчина приказал ему одеться. Водитель быстро вскочил на ноги и стал лихорадочно одеваться.

— Садись за стол.

Когда тот сел, мужчина потребовал у него документы. Списав с них его данные, он предложил ему выкупить у него эти снимки.

— Ты же не хочешь, Андрей, чтобы я отправил их твоей жене или в милицию с заявлением об изнасиловании моей сестры?

Водитель сидел и молчал. Судя по его внешнему виду, он был полностью подавлен. Если бы ему раньше рассказали подобную историю, то он бы никогда не поверил и долго бы смеялся. Однако сейчас ему было совсем не до смеха. Ему было страшно представить, что будет с его женой, когда она увидит эти снимки. Но еще страшнее было то, что эти люди могли направить заявление в милицию и обвинить его в изнасиловании. Сидеть лет пять в зоне ему явно не хотелось.

— Что вы хотите от меня? — спросил он мужчину с топором.

Тот улыбнулся, обнажив желтые крупные зубы.

— Это уже теплее. Я хочу, чтобы ты заплатил мне пятьсот рублей в виде моральной компенсации за попытку изнасилования моей сестры.

— Сколько, сколько?! — ошарашенно переспросил его водитель. — Я за квартал столько не зарабатываю!

— Я не спрашиваю тебя, сколько ты зарабатываешь, а сколько получаешь чаевых. Мне наплевать на это. Если мы сейчас с тобой не договоримся, ты потеряешь больше, а может, потеряешь и свободу. Ты знаешь, что там делают с такими как ты? Могу рассказать, если хочешь!

— Не надо. Я все это хорошо знаю. Сейчас у меня есть с собой сто пятьдесят рублей. Могу их вам отдать. Завтра завезу остальные.

Мужчина сделал вид, что раздумывает над его словами. Выдержав небольшую паузу, он произнес:

— Хорошо. Давай деньги. Остальные передашь завтра ей, — он показал на женщину. — Если выполнишь условия, то можешь просто забыть этот вечер, если обманешь —

пожалеешь.

Водитель вытащил из кармана деньги и положил на стол. Мужчина взял их и, не считая, сунул в карман.

— Завтра она тебя будет ждать у железнодорожного вокзала.

— Где конкретно? Вокзал большой.

— Около пригородных касс. Смотри, обманешь — пожалеешь.

Он пристально посмотрел на водителя и вернул ему ключи от машины. Тот осторожно взял их, еще не веря в свою свободу.

— Ну, тогда до завтра, — он пулей выскочил из дома.

Через минуту с улицы донесся шум автомобильного мотора, быстро растаявший в ночной тишине.

* * *

Они всю ночь пили и радовались тому, как ловко они провернули это дело.

— Слушай, Хохол, — обратился к Ивану Сергеев. — Ты хоть бы для приличия пленку зарядил в фотоаппарат. Чего жмешься?

— Какая пленка, Леша? Фотоаппарат вот уже три года, как сломан. А ты говоришь, пленка. Ты видел, как он испугался? Ему все равно, была в фотоаппарате пленка или нет.

Они все дружно засмеялись.

— А ты молодец, Мадина. Сыграла как настоящая артистка, — похвалил Сергеев. — Тебе не в зверосовхозе работать, а сниматься в кино.

Мадина взяла в руки бутылку и разлила остатки водки по стаканам. Они выпили и стали расходиться по домам. Проводив Хохлова, Алексей вошел в дом. На кровати лежала обнаженная Мадина. Вскочив, она повисла у него на шее.

— Леша! Скажи, что меня ты любишь, — прошептала она ему на ухо.

Сергеев улыбнулся. Еще ни разу в жизни не говорил он этих слов.

— Ну, скажи, — капризно говорила она. — Я хочу услышать это от тебя.

— Давай спать. Я очень устал, — он выключил свет в комнате.

Утром они втроем поехали в Казань. Побродив по Центральному рынку и ничего, не купив, они направились обратно в сторону железнодорожного вокзала.

— Слушай, Леша, а вдруг он швырнет нас, — с тревогой спросил его Хохлов. — Это он вчера был ошеломленный твоим присутствием и топором, а сегодня вдруг возьмет и появится на вокзале вместе с милицией?

— Дурак ты, Хохол. Он мог это сделать и вчера, чего ему ждать утра. Нет, брат, он в милицию не побежит, это точно. Я про этот метод в книге читал, когда торчал в зоне. Им не одного человека ломали, там, за границей. Значит этот метод надежный и проверенный. Если он повелся, значит испугался. Сейчас у него мозги работают как у ненормального человека. Он боится, похоже, и жену, и милицию.

— Посмотрим, — тихо произнес Хохол. — Скажу тебе только одно, я к нему подходить не буду. Пусть это сделает она, а я посмотрю со стороны.

— Ты что, забыл, Хохол, что мы об этом еще вчера говорили? Пить меньше надо.

Впереди показался железнодорожный вокзал. Сергеев подозвал к себе Мадину. Она, покачивая бедрами, шла немного в стороне от них.

— Слушай, что я тебе скажу. Если увидишь этого водителя, сразу к нему не подходи. Убедись, что он один и никого с собой не привел. Подашь ему знак и выходи из вокзала на улицу. Мы с Хохлом будем тебя страховать. Возьмешь деньги и сразу же иди в здание вокзала, а оттуда — на платформу. Поняла?

Она молча кивнула. Посмотревшись в зеркало и поправив волосы, она вошла в здание пригородного вокзала. Остановившись около касс, сделала вид, что изучает расписание пригородных электричек.

Андрея она заметила сразу. Он осторожно вошел в здание вокзала и стал искать ее глазами. Поняв, что он ее заметил, она махнула ему рукой и вышла из здания. Он молча последовал за ней. Мадина ждала его у выхода.

— Ты что такой напуганный? — спросила она водителя. — Деньги принес?

— Да, — коротко ответил он. — Отдайте мне пленку или денег не получите.

— Вон оно что! — с угрозой в голосе произнесла она. — Очухался, стал коготки показывать? Вот что, милый! Дело твое. Это ты меня насильовал, а не я тебя. Окажешься на нарах или около параши, вспомнишь еще меня.

Она резко повернулась и направилась в сторону перрона. Он на какой-то миг растерялся, а затем бросился ее догонять.

— погоди! Остановись! — крикнул он ей. — Давай поговорим!

Она остановилась и повернулась к нему.

— Где гарантии, что вы не пошлете эти фотографии моей жене или в милицию? — спросил он ее.

— Все будет зависеть от тебя. Мы не соцстрах и гарантий не даем.

Он на секунду задумался.

— Вот, возьмите деньги. Я верю вам.

Она взяла деньги и, улыбнувшись ему, как старому знакомому, направилась в сторону пригородной платформы.

* * *

— Ну и как все прошло? — спросил Сергеев Мадину.

— Все нормально. Просил у меня гарантий, но я не дала, — она расхохоталась.

— Жалко, что фотоаппарат не работал. Мы бы с него могли каждый месяц рублей по сто иметь свободно. Нужно это учесть в будущем. Человек пять поймал на тебе и можно вообще не работать.

Он обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Завтра опять попробуем повернуть это дело. Ты должна быть более активной с клиентом и не ждать моей команды. Главное в нашем деле — не ревновать. Что бы ни произошло, я все равно тебя ни на кого не променяю. Ты должна это хорошо усвоить и всегда верить мне. Поняла?

— Да, — ответила Мадина. — Я тебе верю.

— Слушай, Леша, а ты мне денег не дашь? Я же тебе помогал в этом деле, — поинтересовался у него Хохлов.

— Ваня, ты что, с головой не дружишь? Ты живешь за мой счет, жрешь, пьешь, и я тебе еще должен за это деньги платить? Похоже, ты краев не видишь!

— Ты что, разве я тебе не помогаю? Может, ты свой участок сам вскопал? Чего молчишь?

— Вот, возьми, я просто пошутил, — Сергеев протянул ему две купюры по двадцать пять рублей. — Доволен?

Хохлов аккуратно свернул деньги и сунул их в нагрудный карман своей рубашки.

— Леша, может быть обмоем это дело? Я не думал, что мы его так удачно провернем.

— Сейчас приедем домой, там все и решим. Завтра снова попробуем прокрутить это дело.

На следующий день все повторилось снова. Мадина остановила такси и попросила водителя отвезти ее в поселок Васильево.

— Далеко, — ответил водитель. — Что я оттуда повезу, воздух? Плати за оба конца, тогда поеду.

— Считай, что договорились.

Она поправила свою короткую юбку и села рядом с водителем. Они выехали за город, и когда машина набрала скорость, она поинтересовалась у водителя, женат ли он.

— Был, с полгода живу один. Просто не сошлись характерами. А ты замужем?

— Я тоже была. Сейчас только поняла, что лучше жить одной, чем иметь такого мужа.

— Что так? Пил что ли?

— Нет. Он оказался больным. Его не интересовали женщины, он любил мальчиков. Когда я об этом узнала, я сразу же подала на развод. Зачем он мне? Когда шла замуж, хотела семью, детей. И вдруг на тебе.

Она замолчала и отвернулась к окну. Водитель невольно удивился ее откровенности. С ним часто флиртовали женщины, которых он подвозил, но редко кто из них вот так откровенно делился с ним своими переживаниями.

— Не переживайте. Вы интересная женщина и вам ничего не стоит найти себе другого мужчину, который полюбит вас и оценит как женщину.

Она повернулась к нему и спросила:

— Вы уверены в этом?

— А почему бы и нет? Вы правда симпатичная и вам не составит труда найти себе достойного мужчину.

— Я не верю вам. Все вы, мужчины, одинаковы. Вы можете только обещать и говорить красиво. Вот вы бы могли меня полюбить? Чего молчите? Я не прошу вас жениться на мне. Я прошу лишь только немного тепла, пусть на час, но тепла и мужской ласки. Вам нечего бояться меня. Я не стану бросаться на вас посреди улицы и не посягну на вашу независимость. Мне просто хочется сегодня маленького женского счастья. Почувствовать, что я по-прежнему женщина и привлекательна для мужчин.

Водитель отвернулся от дороги и посмотрел на женщину. Неожиданно он почувствовал, что у него на какой-то миг прервалось дыхание, а затем, оно стало настолько редким и глубоким, что казалось, что у него останавливается сердце. Он словно случайно положил свою правую руку ей на бедро и, поведя ее вверх, нащупал рукой край черного ажурного чулка.

— Давайте не будем в машине, для этого есть квартира. Подождите, скоро приедем, мне ведь тоже не терпится.

Машина съехала с асфальта и медленно поехала по грунтовой дороге.

— Вон за тем поворотом повернете налево, и метров через триста будет мой дом, —

произнесла женщина.

— Вы и зимой здесь живете? Летом здесь хорошо, сады кругом, яблони. А зимой здесь наверняка скука. Я бы не смог здесь жить.

— Я здесь живу только летом. У меня в Казани есть квартира, так что зиму я в городе. Вот здесь прижмитесь к забору поближе и остановитесь. Вроде бы приехали, — женщина вышла из автомашины.

Через минуту она открыла дверь дома и махнула ему рукой. Водитель заглушил двигатель и направился вслед за ней в дом.

* * *

Он быстро разделся и нырнул в постель. Минуты через три в спальню вошла Мадина.

— Погаси свет, — попросил ее водитель. — Без света лучше.

— Ты что, стесняешься меня? — спросила она у него. — Может я страшная как Баба-Яга, и ты меня боишься?

Он улыбнулся и отбросил в сторону край одеяла. Она медленно сняла с себя ночную рубашку и осторожно легла с краю кровати. Он крепко ее обнял и начал целовать ее сначала в губы, затем в шею и когда его губы коснулись ее груди, в спальню вошел Сергеев с топором в руке.

— И как это все называется? Если у женщины не хватает денег расплатиться с тобой за оба конца, ты решил получить свое вознаграждение в натуральном виде? Ты, знаешь кто она? Это моя сестра и я сейчас отсеку тебе голову, — он направился к постели.

Из-за его спины показался еще один мужчина, который постоянно щелкал затвором фотоаппарата. Сергеев схватил водителя за волосы и стащил его на пол. Он хотел ударить его по лицу, но водитель оказался не робкого десятка.

От сильного удара в лицо Сергеев упал, выронив топор. Второй мужчина моментально куда-то исчез, оставив на столе фотоаппарат. Водитель схватил топор и ударил обухом по фотоаппарату, разбив его вдребезги.

— Ты сейчас, сука, ответишь мне за эту подставу, — разъяренный водитель направился к кровати, на которой, прикрывшись одеялом, сидела Мадина. — Я вас сейчас, гадов, всех здесь замочу.

Сергеев поднялся и бросился на водителя с кулаками. Однако силы были явно не равны. Водитель борцовским приемом бросил его на пол и когда тот попытался подняться, ударил его коленом в лицо. Алексей охнул и, схватившись руками за окровавленное лицо, снова рухнул на пол.

Водитель снова поднял топор и направился к Мадине, от страха трясущейся, словно осиновый лист на ветру.

— Не убивай меня. Это он заставил меня это сделать. Пожалей меня и моего сына.

— Живи, сука. Расписать бы твою рожу вот этим ножом, — сказал он и взял со стола нож. — Расписать так, чтоб на улицу не могла выйти.

Он подошел к лежавшему на полу Сергееву и дважды ударил его кулаком в лицо. Решив, что тому хватит, он направился к своей одежде, аккуратно сложенной на стуле. Он быстро оделся и молча вышел из дома.

Когда в ночной тиши смолк удаляющийся звук двигателя, Сергеев поднялся с пола.

Шатаясь и опираясь об стену, он подошел к умывальнику и стал смывать с лица запекшуюся кровь. Умывшись, сел за стол. Под глазом его наливался цветом большой синяк, из сломанного носа беспрестанно струилась тонкая струйка крови.

— Чего смотришь? — грубо бросил он Мадине. — Найди что-нибудь, надо остановить кровь.

Пока она искала чистое полотенце, он налил себе полный стакан водки и молча выпил без закуски.

* * *

Я сидел в специальной библиотеке МВД, обложившись книгами и научными трудами по психологии. Некоторые труды были столь трудными для восприятия, что я не мог осилить и нескольких страниц. Я отложил в сторону очередную книгу и задумался.

«А с чего ты взял, Абрамов, что все эти пропавшие без вести женщины стали жертвой одного и того же человека? Ну и что, что последним их местонахождением являлась железнодорожная станция Васильево. А одну из них видели на железнодорожной платформе пригородного вокзала? Почему ты решил, что она направлялась в Васильево, а вдруг она сошла где-нибудь на другой станции, ну например, на станции Адмиралтейская Слобода или Лагерная?».

Я неоднократно задавал себе подобные вопросы, но не находил на них ответов. Какое-то внутреннее чутье, переросшее в убеждение, говорило мне, что я иду по верному следу.

Проверка, которую организовал я, показала, что из тридцати проверяемых мной председателей и охранников садовых обществ трое оказались ранее судимы. Среди них был и Сергеев Алексей Васильевич, дважды судимый за изнасилование и грабеж. Однако характеристика, которую дал ему участковый инспектор Гараев, была в целом положительная. Это еще больше насторожило меня.

Вчера я направил запрос в управление исправительно-трудовых учреждений по Сергееву. Меня интересовало все, начиная с его поведения в местах лишения свободы вплоть до его друзей как по воле, так и по зоне.

«Нужно обязательно встретиться с этим человеком и поговорить с ним лично. Все эти характеристики никогда не заменят личного контакта с человеком», — подумал я.

Из-за стеллажа вышла молодая женщина, работавшая в библиотеке, и вопросительно посмотрела на меня. Я вспомнил данное ей обещание и посмотрел на часы. Они показывали начало седьмого вечера. Я собрал все книги со стола и понес их к ее столику.

— Извините, что задержал.

— Не стоит извиняться. Приходите завтра.

— Спасибо, — поблагодарил я ее и направился к выходу.

Я пошел к себе в кабинет. Открыв дверь, я увидел у себя на столе лист бумаги. На листе крупными буквами было написано, что меня дважды спрашивал начальник управления уголовного розыска. «Интересно, зачем я ему понадобился?», — подумал я и направился к нему.

— Разрешите войти, Юрий Васильевич. Мне сказали, что вы разыскивали меня.

— Заходи, присаживайся, — он показал мне на стул.

Я сел и приготовился к разговору.

— Ну, как у тебя дела, Абрамов?

— Занимаюсь, Юрий Васильевич. Однако пока, кроме предчувствия и косвенных доказательств, ничего такого нет. У меня предположение, что все эти исчезновения связаны с одним человеком. Похоже, что мы столкнулись с маньяком или серийным убийцей. Он проживает где-то в районе Васильево. Пока у меня больше ничего нет.

— Ну, ты и загнул, Абрамов! Маньяк, серийный убийца. Ладно, я тебя хорошо знаю, а так бы подумал, что ты с головой плохо дружишь. С чего это ты все взял?

— Не знаю, Юрий Васильевич, но мне так кажется.

— Если, кажется, то нужно креститься, — проворчал он, явно недовольный моим ответом. Мы где живем? То-то и оно, что в СССР, а не в Америке.

— Вот в этом я с вами не согласен. Преступность она и есть преступность. Ведь все эти преступления совершает человек, а не политическая система государства.

— Ты еще это еще где-нибудь не скажи. Засмеют, и все. Запомни, у тебя осталась всего неделя. Мне нужен грамотный и вразумительный доклад по пропавшим без вести женщинам. Ты понял меня? Грамотный и аргументированный доклад. Мы его будем делать на совместной конференции прокуратуры и МВД. Я не хочу, чтобы над нами там смеялись.

— Хорошо. Я постараюсь аргументировать свои слова.

— Ладно, иди.

Я встал из-за стола и направился к двери.

— погоди, Абрамов. Ты это серьезно заявил мне, что мы столкнулись с серийным убийцей или маньяком?

— Я так считаю, Юрий Васильевич. И чем быстрее мы это осознаем, тем меньше будет жертв.

— Ладно, иди.

Я вышел из его кабинета и, не заходя к себе, направился к выходу из министерства.

* * *

Я снова видел все тот же сон. Он преследовал меня уже третью ночь подряд. Я снова бежал по горам, скрываясь от моджахедов, которые преследовали меня с момента высадки с вертолета. Уходил от моджахедов я один, но почему я оказался один, я не знал. Я залег за камень и положил перед собой автомат. Магазин был последний. Я отстегнул его, вытащил патрон и положил его в карман куртки. Этот патрон — мой шанс не попасть к ним в плен. Тот, кто воевал в Афганистане, хорошо знал, что такое плен и предпочитал плену смерть.

Из-за камней показались бородатые лица преследовавших меня моджахедов. Расстояние между ними и мной сокращалось очень быстро. Подпустив их метров на тридцать, я дал первую очередь.

Как это бывает во сне, я стрелял, но ни в кого не попадал. Автомат сухо щелкнул — магазин был пуст. Достав из кармана патрон, я зарядил его в магазин автомата. Передернув затвор, я уткнул ствол под подбородок. Запах пороха ударил мне в нос. Прислонившись спиной к теплему камню, я посмотрел в бездонное голубое небо, держа палец на спусковом крючке автомата. Я ждал, когда из-за камней появятся бородатые, бронзовые от солнца лица моих врагов, но их почему-то не было. Кругом стояла мертвая тишина, разрываемая иногда стрекотом кузнечиков. Мой палец одеревенел, и я испугался, что он меня может подвести в

самый нужный момент. Отложив автомат, я выглянул из-за камня. Однако врагов вокруг себя я не увидел. Я хотел встать, но ноги меня не слушались. Я снова испугался, теперь уже того, что я просто умру здесь, среди этих чертовых камней, и мое тело растащат дикие животные и вороны. Одна из этих ворон уже сидела на соседнем камне и бусинкой своего черного глаза наблюдала за мной. Я хотел закричать, но не смог. У меня не было голоса.

Я проснулся среди ночи, мокрый от пережитого страха.

«Что это? Что творится со мной? Меня просто преследует этот сон», — была моя первая мысль.

Всю оставшуюся ночь я провалился в постели, не сомкнув глаз. Разбитый и невыспавшийся я поехал на работу.

— Абрамов, что с тобой? — спросил меня начальник отделения. — Ты себя в зеркале видел? В гроб и то краше кладут.

— Да, так. Я всю ночь не спал. Снится какой-то кошмар, уже которую ночь.

— Смотри, крыша поедет. Кажется мне, что ты плохо кончишь, Абрамов.

— Это в каком смысле? — поинтересовался я у него.

— В прямом, самом прямом смысле этого слова.

Я встал из-за стола и, взяв из тумбы стола папку, направился к выходу.

— Ты куда? — спросил меня начальник.

— Поеду в Васильево. Хочу встретиться там с одним интересным человеком. Может, он что-то прольет новенькое по этому делу.

Выйдя из здания МВД, я пошел на остановку седьмого троллейбуса, который шел на железнодорожный вокзал.

* * *

Я вышел из электрички и, осмотревшись по сторонам, пошел в отделение милиции. Недалеко от отделения мне навстречу попался участковый инспектор Гараев.

— Привет, — поздоровался я с ним. — В отделении кто есть?

— А кто вас интересует? Если начальник, то его нет.

— Скажи мне, кто обслуживает садовое общество «Каенлык»? Меня очень заинтересовал охранник этого общества Сергеев. Интересно, как он смог устроиться охранником? Он же дважды судим за тяжкие преступления.

Гараев вздрогнул и посмотрел на меня.

— Слушай, капитан! Зачем он тебе?

— Значит, это твоя зона. Я правильно понял тебя?

— Слушай, что тебя конкретно в нем не устраивает? Мы же его не в космос запускаем! Я понимаю, когда ранее судимого человека устраивают на работу в школу или детский сад. Там дети, а что здесь? Может, в этом «Каенлыке» какие-то секретные садовые домики?

— Ты давай не кипятись. Я прочитал твою характеристику и сразу понял, что он помогает тебе. Вот ты за него и вписываешься. А ты отбрось все это и посмотри на этого человека другими глазами.

Он засмеялся, но как-то натянуто и неестественно.

— Слушай, капитан! Ты что, подозреваешь его в убийстве женщин, которых ты разыскиваешь? Я тебе скажу прямо, не мог он этого сделать. Понимаешь, не мог! Я его вот

так держу, — он сжал свой небольшой кулак. — Он каждую неделю приезжает ко мне и стучит на своих садоводов. Благодаря Сергееву я все знаю. Кто ворует, кто самогон гонит, а кто строит дачу из ворованных стройматериалов.

Я посмотрел на его пылающее от негодования лицо.

— Слушай, Гараев! Ты давай не шуми. Я предлагаю тебе съездить к нему. Давай посмотрим на его дом, участок. Поговорим с соседями, покажем им фотографии пропавших женщин. Может, кто-то из соседей что-то и вспомнит?

— Хорошо. Поехали. Только все это зря. Алексей не мог этого сделать!

— Мог или не мог, узнаем на месте.

Гараев вышел на дорогу и стал тормозить проезжавшие машины. Наконец одна из них остановилась. Он подошел к водителю и что-то сказал ему. Махнув мне рукой, он сел в машину рядом с водителем.

Машина свернула с асфальта и медленно поехала по грунтовой дороге. Всю дорогу мы молчали. Наконец Гараев попросил водителя остановить машину. Мы вышли и направились к дому из белого силикатного кирпича.

— Вот в этом доме и живет Сергеев. Место курортное, что не жить.

Он остановился около входной двери и несколько раз сильно стукнул.

— Похоже, никого нет.

— Может, посмотрим дворовые постройки? — предложил я ему.

— Неудобно без хозяина. Да и что здесь особенно смотреть? Сарай? Неужели ты думаешь, что если бы Сергеев убивал здесь людей, никто бы об этом мне не доложил. То, что он пьет, я хорошо знаю. Главное для меня, чтобы люди не жаловались, а они молчат. Это значит, что он никого не обижает и не тревожит.

Я было пошел к сараю, но тут из-за дома выскочил громадный пес. Он рвался с цепи, и мне тогда показалось, что еще секунда и он порвет эту металлическую цепь и вцепится мне в горло.

— Ну и что? Посмотрели? — улыбаясь, произнес Гараев.

— Здесь посмотришь. Того и гляди, этот зверь сорвется с цепи. Он волков давит, как щенят, не то что человека.

— Вот и я говорю, поехали обратно в поселок. Здесь нам делать нечего.

Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ним к машине.

— Ты приглядишься к нему получше, — сказал я Гараеву. — Чует мое сердце, что он как-то связан с этими женщинами.

— Да брось ты, капитан, волну гнать. Леха неплохой мужик, мне это лучше видно, чем тебе.

Всю дорогу мы молчали. Каждый из нас думал о чем-то своем. Машина остановилась около станции. Я вышел и простился с Гараевым. До прихода электрички оставалось минут двадцать.

* * *

Вечером, после работы, я заехал к матери. Мы сидели с ней на кухне, и я рассказывал ей о своем сне.

— Мама, скажи мне, что означает этот сон?

С лица матери исчезла улыбка, и оно стало каким-то грустным и тревожным.

— Нехороший сон ты видел, нехороший. Я не знаю, что у тебя произойдет на работе, но ты потеряешь прежнюю уверенность в себе. Тебя ждут большие испытания. Ты будешь на грани жизни и смерти, но в самый последний момент ты сможешь победить все это.

— Да, брось ты все это, мама. Все у меня хорошо и на работе, и дома. Я же не на войне, что со мной может произойти в мирное время?

— Ты меня спросил, я тебе ответила. А людям бывает плохо не только на войне, но и в мирное время.

Я засмеялся и сделал вид, что не придавал никакого значения ее словам, хотя на душе заскребли кошки.

— Мама, ведь не все сны обязательно сбываются? Ты же сама мне не раз говорила об этом.

— Да, не все, ты прав, сынок. Многие сны не сбываются, может и этот не сбудется, Бог знает, но сон нехороший. Это тебя твой ангел-хранитель предупреждает об опасности. Я не говорю, что сон сбудется завтра или послезавтра, он может сбыться и через месяц или два. Будь осторожным и осмотрительным.

— Спасибо, мама. Я знаю только одно — ты мой ангел-хранитель и только благодаря твоим молитвам я выжил в Афганистане.

Мы еще посидели с ней часок, поговорили о жизни. Она всегда интересовалась, как я живу, какие у меня отношения с женой, как растет внучка.

— Ты что-то стал забывать меня сынок, редко приезжаешь.

— Проблем много стало, мама. Целыми днями на работе. Сейчас занимаюсь делом, связанным с исчезновением женщин. Все эти исчезновения почему-то связаны с железной дорогой, а именно с поселком Васильево. Пытаюсь угадать, что с ними случилось в этом поселке.

— Женщины, сынок, сложены Богом немного по-другому, чем мужчины. Если у них есть свой угол, они просто так мотаться не будут. Это мужика ничего не держит, женщин, как правило, держит домашний очаг, дети. Редко кто променяет все это на какой-то подвал или сарай.

— Не знаю, мама. Сейчас столько женщин бродяжничает.

— Это те, кому голову преклонить негде. Просто так женщина мотаться по улице не станет, нужна причина. Их, наверное, кто-то заманивает в этот поселок.

— Почему ты так решила? Это же не дети, которых можно поманить какой-нибудь игрушкой. Здесь взрослые люди и просто так их не заманишь.

— Я же тебе только что говорила, что женщины совсем другие по сравнению с мужчинами. Если мужчину больше интересуют материальные блага, то женщине намного дороже бывают какие-то чувственные стороны, ну например мужские ласки, общение с подругой и так далее. Ты вот с этой стороны посмотри.

Как ни странно, но мать словно читала мои мысли. Я уже давно задумывался над этим вопросом. Все правильно, если мужчину можно увлечь за собой бесплатной выпивкой, то женщину ею не завлечешь. Она может поддаться лишь на уговоры другой женщины.

«Интересно, а у Сергеева есть жена или подруга? Надо срочно все это проверить. Может этой приманкой и служит его подруга?», — подумал я.

Я попрощался с матерью и пошел домой. Всю дорогу до дома в моей голове, словно гвоздь, сидела мысль о возможной причастности к исчезновению женщин неизвестной мне

Прошло около двух недель, прежде чем с лица Сергеева сошли синяки. Однажды он встал рано утром и, не говоря Мадине ни слова, стал собираться.

— Это ты куда собрался, Леша?

— Тебе какое дело? Ты что, мне жена, чтобы я перед тобой отчитывался? — произнес он грубо. — В Казань мне надо.

— Ты случайно не завел там бабу? Ты на этой неделе уже в третий раз едешь в город!

— А хоть и десятый, тебе-то что?

Мадина укоризненно взглянула на него. Судя по выражению его лица, он явно что-то задумал. После того, как его сильно избил водитель такси, Алексей замкнулся в себе и уже не строил никаких планов быстрого обогащения. Глядя на него, она вспомнила, как он чуть ли не до смерти избил Хохлова, который в тот вечер, испугавшись разъяренного водителя, бросил свой фотоаппарат и сбежал из дома, оставив его один на один с водителем. Сейчас он тоже молчал, по всей вероятности, не хотел делиться своим планом с ней.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Он быстро позавтракал и, одев свой выходной костюм, направился к двери.

— Леша? Ты к обеду приедешь или нет?

— Не знаю, как получится, — буркнул он и вышел из дома.

Она подошла к окну и долго смотрела ему вслед, провожая взглядом его слегка сгорбленную фигуру до конца аллеи. Вскоре он свернул и пропал за высоким забором. Проводив его, она стала убираться дома. Закончив уборку, она села за стол и стала чистить картошку. Она часто спрашивала себя, что ее держит в этом доме? Любовь к этому человеку или что-то другое? Чем чаще она задавала себе этот непростой вопрос, тем сложнее было найти ответ. Она несколько раз думала о том, что ей нужно вернуться домой, где ждет ее мать и сын и каждый раз что-то не давало ей этого сделать.

Закончив чистить картошку, она положила ее в кастрюлю и залила водой. Немного отдохнув, она вышла во двор и стала окапывать кусты смородины. Услышав голос Алексея у себя за спиной, она выронила лопату из рук и обернулась. Алексей шел по аллее, ведя под руку милостивую молодую девушку. Она вытерла фартуком свои руки и пошла им навстречу, теряясь в догадках: «Кто она ему? Сестра, родственница?».

— Вот, познакомьтесь, — сказал он девушке, улыбаясь и поглаживая ее по спине. — Это моя сестра Мадина.

Девушка улыбнулась и протянула ей свою пухлую руку.

— Ксения, — представилась она. — Я просто очарована вашим братом. Он у вас такой начитанный, грамотный. Сейчас редко встретишь таких порядочных людей.

Сергеев неестественно засуетился и, поглядывая искоса на сожительницу, повел свою гостью в дом. Мадина поставила кастрюлю на газовую плиту и пока варилась картошка, стала накрывать на стол. Пока она возилась с закуской, Алексей развлекал девушку. Из комнаты часто доносились взрывы смеха, которые постепенно стали раздражать Мадину. «Неужели я ревную Алексея к этой девушке? Что случилось со мной? Неужели я полюбила этого человека?», — подумала она.

Накрыв стол, она пригласила гостью в комнату. Алексей достал из холодильника бутылку водки и поставил ее на стол.

— Леша, а сухого вина у тебя нет? Я не пью водку, — капризно посмотрела на него Ксения.

— Вот вина у меня в доме нет. Чего нет, того нет. Так что, девочки, сегодня будем пить водку. Не побегу же я в магазин за вином, да и не уверен я, что в магазине есть вино.

Разлив водку, он поднял стакан и предложил выпить за эту встречу, которая чудесным образом перевернет существующий мир. Женщины поддержали тост, каждая вкладывая в него свой смысл.

Они сидели за столом больше часа. Мадина, хорошо изучив повадки Сергеева, практически не пила. Ксения же не пропускала ни одного тоста. Алексей сыпал ими словно из рога изобилия. Вскоре Ксения почувствовала, что опьянела. Она попыталась подняться из-за стола, однако у нее это плохо получалось.

— Леша, отвези меня домой, пожалуйста. Меня дома ждет мама, — повторяла она, обнимая и целуя его в губы. — Ну, пожалуйста, я очень тебя прошу.

Мадина, не отрываясь, смотрела на него, ожидая его команды. Она еще не знала, что он задумал.

* * *

Ксении удалось оторваться от стула, она вышла из-за стола. Сделав два шага, она упала на пол, сильно ударилась головой о ножку стола и застонала от боли. Сергеев взял ее на руки и понес в спальню.

— Леша, ты что, решил с ней жить? — поинтересовалась Мадина у него.

— Дура что ли? Мне и тебя достаточно для жизни. Я хочу ее съесть, — неожиданно для нее признался он. — Просто так, убить и съесть. Чего так смотришь на меня? Ты думаешь, что кто-то будет ее искать? Не бойся, ее никто и никогда не найдет. Теперь решай, ты со мной или нет?

Она не знала, что ответить ему. Его глаза были такими злыми, что от одного его взгляда у нее по коже побежали мурашки. Он смотрел на нее до тех пор, пока она не произнесла всего одно слово.

— Да.

— Вот и хорошо, — спокойно произнес он. — Тогда приготовь все необходимое.

Она вышла из дома и направилась в сарай. Достав с полки полиэтиленовую пленку, приготовленную для парника, и прихватив с собой топор, она вернулась в дом. Расстелив пленку на полу, она села за стол и налила себе полный стакан водки. Выпив ее, она стала закусывать.

В это время Сергеев в соседней комнате занимался любовью с Ксенией. Она была пьяна и по всей вероятности плохо себя контролировала. Закончив половой акт, Сергеев вышел из комнаты и виновато посмотрел на Мадину.

— Просто хотел, чтобы перед смертью она испытала оргазм. Но то ли она слишком пьяна, то ли не способна на это — ничего не получилось. Ты все равно лучше, чем она.

Она молча протянула ему топор, завернутый в тряпку.

— Ударь обухом. Смотри не испачкай постельное белье.

— Не учи. Не первый день живу на свете, — он направился в комнату. Через минуту из комнаты донесся глухой удар.

— Мадина! — позвал ее Сергеев. — Помоги мне, я ее один поднять не могу.

Она вошла в комнату и увидела неподвижное тело Ксении, лежащее на кровати. Под головой расплывалось алое пятно крови.

— Я же тебя просила, чтобы ты не пачкал постельное белье, — проворчала она.

— Меньше болтай! Бери ее за ноги и тащи в комнату.

Они выволокли тело Ксении из спальни и уложили на полиэтилен.

— Таз принеси. Кровь надо спустить.

Она быстро выскочила в сени и принесла оттуда детскую оцинкованную ванну. Сергеев приподнял тело девушки и полоснул ножом по горлу. Горячая струя потекла в ванну. Сергеев взял со стола эмалированную кружку и зачерпнул крови. Сделав несколько глотков, он протянул кружку Мадине.

— Пей, — приказал он ей.

Она сделала несколько глотков. Что-то внутри нее болезненно сжалось, она бросилась во двор, где ее вырвало. Когда она вернулась в комнату, он уже подвесил труп на крючья и приступил к разделке. Отрезая большие куски мяса, он бросал их в таз. Сердце и печень Сергеев положил в большой алюминиевый казан и попросил ее пожарить. Пока она возилась на кухне, готовя ему ужин, он расчленил остатки трупа.

— Мадина, — крикнул он ей. — Выйди на улицу, посмотри, есть ли там народ.

Она вышла из дома и осмотрелась. Аллея была пуста.

— Все нормально, никого нет.

Он вышел на улицу и прошел за дом. Собаки, увидев его, приветливо завиляли хвостами.

— Вот, жрите, — он бросил внутренности в большую миску.

Собаки с жадностью набросились на пищу и быстро все съели. Алексей взял из сарая лопату и стал копать землю около бочки с дождевой водой. Земля была влажной и хорошо поддавалась. Сложив остатки трупа в мешок, он вынес его во двор, уложил в выкопанную яму и забросал землей.

В доме вкусно пахло жареным мясом. Мадина замывала кровавые пятна на полу. Закончив уборку, она вымыла руки и подала жареное мясо на стол.

* * *

Набрав номер отделения милиции в поселке Васильево, я стал ждать, когда произойдет соединение. В трубке кто-то тихо завывал, что-то трещало, словно ломались сухие ветки. Наконец раздался громкий щелчок, и я услышал далекий незнакомый голос:

— Я слушаю вас.

— Здравствуйте. МВД, Абрамов. Позовите, пожалуйста, к телефону Гараева.

На том конце провода снова что-то затрещало, и сквозь этот треск я услышал знакомый голос Гараева.

— Да, я вас слушаю.

— Привет, это Абрамов из МВД. Скажи, пожалуйста, у Сергеева есть жена или сожительница?

— Похоже, есть, но я ее никогда не видел.

— А ты можешь это узнать точно? Мне нужна ее фотография. Хочу кое-кому ее предъявить для опознания.

— Обещать не буду, попробую достать, если она местная, я имею в виду из поселка.

— Заранее тебе признателен, — я положил трубку.

Я поднял глаза и увидел, что на меня в упор смотрит Козин и начальник отделения.

— Вы что так смотрите на меня? — обратился я к ним. — Так можно и испепелить.

Начальник отделения встал из-за стола и молча вышел из кабинета. Мы остались с Козиним одни.

— Все копаешь, Абрамов? Не надоело?

— Пока нет. В понедельник я должен доложить Котову по всем этим исчезновениям. После доклада все это может получить какое-то развитие. Или я буду копать дальше, попытаюсь установить причину исчезновения этих женщин, или все заглохнет и вернется на круги своя. Насколько я тебя понял, Валерий Михайлович, тебя больше интересует второй вариант.

— Я что-то тебя не понял. Ты что, меня укоряешь в том, что мы ничего не предпринимали для того, чтобы разыскать этих женщин?

Я моментально понял, что он снова втягивает меня в ненужную дискуссию и попытку выяснения отношений.

— Если ты считаешь составление опознавательной карты и рассылку никому не нужных ориентировок работой по розыску этих людей, тогда конечно, мы работали. Но я считаю, что реально мы не сделали ничего, чтобы найти их.

— Понятно. Значит, ты их ищешь, а мы все здесь сидим и протираем штаны? Не строй из себя ангела. Если бы не приказ Костина, ты бы тоже ничего не делал, как ты говоришь, а занимался бы лишь чтением этих дел.

— Неужели ты, Валерий Михайлович, не понимаешь, что существующая система отчетности не дает нам возможности нормально работать? Любому достаточно грамотному человеку ничего не стоит сфальсифицировать этот отчет. Для того чтобы иметь хорошие показатели по розыску, достаточно объявить в розыск еще несколько человек и успешно найти их. Это не секрет, и все знают, как делают эти показатели в Ленинском и Вахитовском отделах милиции. Там сотрудники объявляют в розыск своих знакомых и через неделю прекращают их розыск в связи с установлением их местонахождения.

— Вот это размах мысли, — укоризненно произнес он. — Теперь оказывается во всем виновата сама система МВД? Ну, если тебе она не нравится, то почему ты работаешь в этой системе?

— Сам удивляюсь, — произнес я. — Работаю и живу в надежде, что эта система изживет сама себя. Но, кажется, это произойдет не так быстро, как я рассчитываю, и мне придется еще долго ждать этого дня.

— Тебе не кажется, Абрамов, что твои высказывания о системе МВД носят политическую окраску?

— Пока не кажется, если ты не побежишь в КГБ стучать на меня. Хотя можешь и бежать, я ведь высказываюсь не против существующего строя, а против системы отчетности, принятой в системе МВД.

— Вот я смотрю на тебя и думаю — плохо на тебе сказываются все эти американские авторы, которых ты читаешь запоем в специальной библиотеке.

— Наверное, ты прав. Эти учебники и научные статьи заставляют меня по-другому

смотреть на мир.

В кабинет вошел начальник отделения и сел за свой стол.

— Я только что от Костина. Готовься, Абрамов, в понедельник ты должен отчитаться о своей работе. Вот там мы тебя и послушаем. Посмотрим, насколько ты разобрался в этой проблеме.

Я промолчал. Больше спорить мне не хотелось.

* * *

Я стоял на трибуне и смотрел в зал, где на стульях сидели сотрудники управления уголовного розыска, прокуратуры, заместитель министра. Все они внимательно смотрели на меня, ожидая, когда я начну свой доклад. Я откашлялся и, найдя глазами начальника управления, начал.

— Мной в течение месяца были изучены около двадцати розыскных дел, заведенных по фактам безвестного исчезновения женщин. В результате тщательного анализа этих дел мне удалось выделить определенную группу женщин, в исчезновении которых прослеживалась одна, для меня довольно важная, деталь. Этой деталью является железная дорога, а если точнее поселок Васильево. В качестве примера могу привести следующие показания лиц, видевших этих женщин в день исчезновения.

Так, пропавшую без вести Милославскую соседка видела на перроне пригородного вокзала перед отправлением электрички Казань — Зеленый Дол. Пропавшую Семшову Александру видела ее подруга на станции Васильево вместе с каким-то незнакомым ей мужчиной. Лебедева накануне своего исчезновения познакомилась с неустановленной женщиной и по приглашению этой женщины выехала в поселок Васильево. Пропавшую без вести Хасанову Гульнару вспомнили женщины, торгующие на привокзальной площади поселка Васильево и так далее. Все эти факты разбросаны по месту и времени, однако все они связаны, на мой взгляд, одной цепью.

Я посмотрел в зал. Заметив скептическую улыбку Козина, я продолжил.

— Если кто из вас не знает, то я поясню. Ученые, занимающиеся составлением научно обоснованных портретов убийц, подразделяют их на три категории. Первая — это убийцы, совершившие убийства более четырех жертв. Как правило, это преступление совершается в одном месте, например в клубе, школе или в других местах массового скопления народа. Ко второй группе убийц относятся люди совершившие убийство не менее трех лиц, но в двух разных местах. Этот общий эпизод растянут по времени. Преступник может переезжать с места на место, но все эти преступления он совершает как бы «на одном дыхании». Третий вид убийц — наиболее редкий и самый опасный. Этих убийц называют серийными убийцами. На их совести, как правило, не менее трех жертв. В трех различных эпизодах. Между ними у преступника наступают периоды эмоционального затишья, которое может составлять от нескольких дней, до нескольких лет.

Я снова поднял глаза и посмотрел в зал. В заднем ряду сидели несколько сотрудников из республиканской прокуратуры, о чем-то шепчась. То ли они уже знали то, о чем я докладывал, то ли им было неинтересно все это слушать.

— Иностранные ученые, в частности, американские, составили психологический портрет серийного убийцы. Им, как правило, является человек в возрасте от двадцати до

сорока лет, занятый на «безобидной» и малозаметной работе. Ему нравится менять свою внешность, выдавать себя за совершенно другого человека. Да и выбирает он свои жертвы по некому идеальному образу, который часто включает в себя следующие признаки — пол, возраст, внешность. Он полностью контролирует себя, выбирает для совершения преступления удобное для него место и время. Одной из особенных черт этого человека является то, что он, как правило, рос в неполной семье, а следовательно, не получал достаточного тепла от отца и матери. Часто эти люди подвергались физическому, а возможно и сексуальному насилию и унижению. Поэтому он часто испытывает себя как бы в изоляции от общества. Эти люди часто мучили и убивали животных в период своего детства и, возможно, совершали попытки самоубийства.

— Послушайте, Абрамов. Мы здесь собрались, чтобы обсудить обстоятельства исчезновения этих женщин, а не психологический портрет серийного убийцы. Давайте ближе к делу, — произнес прокурор республики.

— А разве я говорю не о деле, уважаемые товарищи? Я хочу довести до вас то, чего вы не видите. В городе, а может и пригороде, появился серийный убийца, хотите верьте мне, хотите — нет. Он убивает женщин методически уже в течение года. Я предполагаю, что он живет или работает где-то в районе поселка Васильево, и сейчас я призываю вас, работников прокуратуры, возбудить по всем этим эпизодам уголовные дела и провести расследование исчезновений в рамках этих дел.

В зале повисла тишина. Было слышно, как бьется о стекло случайно залетевшая в зал муха. На трибуну поднялся прокурор республики.

— Я вот здесь послушал сотрудника управления уголовного розыска и невольно удивился. Получается, что вот он рассмотрел во всех этих исчезновениях то, чего не заметили десятки других сотрудников уголовного розыска и прокуратуры. Вам бы, товарищ Абрамов, я посоветовал пойти в церковь и стать там своеобразным пророком и уверять прихожан в близком конце света.

На самом деле, что мы имеем по всем этим делам? Все пропавшие женщины были неадекватны в своих действиях. Одна сильно пила, вторую бил муж, третья решила коренным образом изменить свою судьбу и связать свою жизнь с человеком, заметьте, преподавателем, насколько я помню материалы дела, поэтому и ушла из дома.

Вы только представьте, если по всем этим делам мы заведем уголовные дела? Что скажет Москва? Абрамов, по всей вероятности, позабыл одно — для того чтобы возбудить уголовное дело, нужны веские доказательства. Вот у меня по сравнению с Абрамовым таких оснований нет.

Он сделал паузу и посмотрел на заместителя министра, который внимательно слушал его. Затем его взгляд скользнул по лицу начальника управления.

— Может, я в чем-то неправ, пусть меня поправят присутствующие здесь начальники, но я никогда не соглашусь с выводами товарища Абрамова. Если следовать его выводам, то у нас действительно появился какой-то серийный убийца-маньяк, который охотится за женщинами. Но он ошибается, у нас пропадают не только женщины, но и мужчины.

Я думал, что он, я конечно имею в виду Абрамова, действительно сообщит нам что-то новое по всем этим делам, но я ничего вразумительного от него не услышал. Мне стыдно за него, он руководствуется в своем анализе не фактами, а эмоциями, которых я не разделяю. Вы все хорошо знаете, если нет трупа, то нет и убийства.

Закончив говорить, он взглянул на меня и сел на свое место. Его место на трибуне занял

заместитель министра.

— Я не могу не согласиться с выводами прокурора республики. Если руководствоваться выводами Абрамова, то нам придется закрыть на замок министерство и всем выехать в поселок Васильево, чтобы проводить там войсковую операцию по прочесыванию местности. Я ожидал от него полного и развернутого анализа этих дел, но я его так и не услышал. Жалко. Хотел бы обратить внимание начальника управления уголовного розыска на слабую подготовку вашего сотрудника. Нужно было передать эту тему другому сотруднику, к примеру, Козину, он, я думаю, более грамотно подошел бы к освещению этого вопроса, чем Абрамов.

Он сделал паузу и отпил из стакана несколько глотков воды.

— Второй момент, на который я хотел бы обратить ваше внимание. Абрамов перепутал места исчезновения граждан. Он все ссылается на мнения иностранных специалистов. Он по всей вероятности забыл, в какой стране он живет. Я хочу напомнить ему, что все мы живем в Советском Союзе, а не в Америке. В нашем обществе нет социальных предпосылок к появлению серийных убийц. Все, что он говорил, это Америка, а не СССР. Поэтому, я разочарован в его анализе и считаю его ошибочным. А сейчас, если у вас нет вопросов, считаю нашу дискуссию по этому вопросу закрытой.

* * *

Дождавшись, когда все выйдут из зала, я встал со стула и медленно направился к выходу. Я был подавлен, а если сказать точнее, раздавлен всеми этими выступлениями. Я вошел к себе в кабинет и сразу же обратил внимание на довольные улыбки Козина и начальника отделения.

— Мне кажется, что ты выбрал не то место для своего выступления. Может, это все хорошо прокатило бы где-нибудь в научно-исследовательском институте МВД, но не здесь. Здесь нет теоретиков, здесь присутствовали практики. Люди, у которых громадный жизненный и оперативный опыт, — закончил свою отповедь начальник отделения.

Я сел за стол и стал доставать из сейфа розыскные дела. Сейчас мне было почему-то все равно, что думают обо мне эти люди. Я по-прежнему был убежден в своей правоте и не хотел менять свою точку зрения.

— Чего молчишь? — спросил меня начальник отделения. — Я бы на твоём месте пошел сейчас к Костину и попросил извинения за свой прокол.

— Когда будете на моем месте, тогда и решайте, что вам делать. Мне ваши советы не нужны, оставьте их для своей жены.

Начальник даже поперхнулся от этих слов.

— Это ты кому говоришь, салага? Ты знаешь, сколько лет я в розыске?

— Да мне глубоко плевать, сколько лет вы читаете газеты на рабочем месте, работая в розыске.

Этот удар был явно нанесен мной ниже пояса. Начальник на секунду потерял дар речи и чуть ли не с кулаками бросился в мою сторону.

— Ах ты, гад, — закричал он. — Да я тебя за твои слова...

Он не договорил. В кабинет вошел Костин и сразу же понял, что здесь произошло.

— Хватит скандалить, — сказал он и посмотрел на начальника. — Отчасти заместитель

министра прав. Этот доклад должен был делать не Абрамов, а вы, как начальник отделения розыска. Поэтому сейчас не стоит сводить счеты с Абрамовым. Он в отличие от всех вас сделал свое дело, и я доволен его анализом. Если он окажется прав, то нас с вами нужно гнать из МВД метлой.

Он грозно посмотрел на меня и коротко бросил мне, чтобы я следовал за ним. Я встал из-за стола и направился вслед за Костиным. Я всей спиной ощущал презрительные взгляды Козина и начальника отделения.

Я вошел в кабинет Костина и остановился около двери.

— Чего встал, словно нищий, я не подаю. Проходи, присаживайся.

Я сел за стол и посмотрел на него. Внутренне я был уже готов получить от него взбучку, но он почему-то молчал. Прошло около минуты, прежде чем он задал мне вопрос.

— Скажи, Абрамов, это ты серьезно считаешь, что у нас появился серийный убийца или так ляпнул, от балды?

— Если честно, я в этом убежден. Жалко, что я не смог грамотно и аргументированно доказать собравшимся сотрудникам все это. Вы знаете, Юрий Васильевич, что учеными установлено два факта поведения этих убийц. Для одних из них важен результат. Это смерть жертвы, а не сопутствующее этому сексуальное удовлетворение. В этом случае само убийство совершается довольно быстро, без всяких мучений для жертвы. В другом случае происходит взаимодействие с жертвой, приводящее к ее смерти и возможным последующим манипуляциям с телом. Вот именно второй случай и является наиболее характерным для серийного убийцы. Убийца, как правило, испытывает при этом острые ощущения и по-своему упивается своей властью.

— Интересно, продолжай, — попросил он меня.

— Поведение убийц тоже разное. Одни серийные убийцы оставляют тела жертв, потеряв всякий интерес к ним после смерти. Другие же стремятся выставить их напоказ или наоборот — спрятать.

Он поднял на меня глаза, давая понять, что хочет задать вопрос.

— Насколько я тебя понял, ты считаешь, что наш серийный убийца прячет трупы своих жертв?

— Все правильно, Юрий Васильевич. Наш убийца не будет выставлять напоказ трупы своих жертв. Он для этого достаточно умен и осторожен. Я не исключаю того, что он ранее судим, возможно, тесно сотрудничал с правоохранительными органами, и поэтому хорошо знает их работу.

— Тогда чем ты объяснишь, что он убивает периодически? С чем это связано? Что по этому поводу говорят ученые мужи?

Я усмехнулся. Мне было интересно наблюдать за Костиным. Я не ожидал, что этот вопрос вызовет у него такой интерес.

— По признанию многих серийных убийц, после совершения очередного убийства они не испытывали какой-то эмоциональной разрядки. Многих, наоборот, охватывало чувство безнадежности и бессилия. Они следят за расследованием этих убийств, а некоторые из них нередко участвуют в операциях по поимке себя в качестве добровольного помощника. Но это не все, некоторые не интересуются расследованием, считая, что надежно спрятали тело жертвы.

— Ты знаешь, о чем я подумал сейчас, слушая тебя? Если ты окажешься прав, то нас ожидает не совсем хорошее будущее. Пока мы на него выйдем, он убьет многих ни в чем не

повинных людей.

Он посмотрел на меня и, закулив сигарету, произнес:

— Я бы хотел, чтобы ты продолжал заниматься этой проблемой наряду с другой. Она сейчас достаточно актуальна, просто держи руку на пульсе.

— Я понял вас, Юрий Васильевич. Но я боюсь, что у меня возникнут большие неприятности с моим начальником отделения.

— Это не твое дело. Я сам решу с ним этот вопрос.

— Тогда я готов заняться этой проблемой.

— Вот и хорошо, а сейчас иди, работай.

Шел февраль 1982 года. Сергеев проснулся от шума, доносившегося из кухни. Он открыл глаза и посмотрел на настенные часы. Они показывали начало девятого утра. В доме было прохладно, и поэтому ему не хотелось вылезать из теплой и мягкой постели. Он полежал еще минут пятнадцать, наслаждаясь этим теплом, а затем, откинув одеяло в сторону, сел на кровати. Нащупав голый ногой стоптанные домашние тапочки, он сунул в них голые ноги и направился на кухню.

— Завтрак готов? — поинтересовался он у сожительницы.

— Да, готов. Иди умывайся, я сейчас тебе положу мяса.

Он вышел в прихожую, откуда через минуту донесся шум льющейся воды. Умывшись, он сел за стол и, взяв кусок хлеба, приступил к завтраку. Он любил эти ранние зимние часы, когда никуда не нужно было идти и сейчас, разрезая ножом большой кусок мяса, наслаждался жизнью. За окном протяжно и зло выла вьюга, замечая чьи-то следы, а здесь, в его доме, было светло и тепло.

— Мадина, как у нас с мясом?

— Ты что, сам не знаешь? Загляни в холодильник, — сказала она, наблюдая, как он ест.

Вот уже около года, как она перебралась к нему жить. За это время она всего лишь два раза навещала своего сына, которого оставила у матери. Сначала ее тянуло домой, к ребенку, но она пересилила себя и сейчас уже не испытывала никаких материнских чувств. Последний раз она видела сына перед Новым Годом. Она зашла домой и, стараясь ничего не зацепить в темной прихожей, вошла в дом. На диване сидела мать и что-то вязала. Увидев полупьяную дочь, мать отложила вязание и поднялась с дивана.

— Тебе что здесь нужно? Ты зачем сюда пришла? — спросила она грозно.

— Ты не кричи! Я что, не имею права пообщаться со своим ребенком?

— Трезвой нужно приходить! Ты посмотри, на кого ты стала похожа! Я еще тогда говорила, что он тебя до добра не доведет!

— Не лезь в мою жизнь. Как хочу, так и живу. Где ребенок? Я хочу его видеть, — оттолкнув мать в сторону, она попыталась пройти в спальню.

Мать, словно коршун, набросилась на ее сзади и, вцепившись руками в платок, потащила ее обратно из спальни. Они вцепились друг другу в волосы и стали молча бороться, стараясь не шуметь. Неожиданно они остановились. В дверях спальни стоял ребенок, щурясь от яркого света. Он проснулся от шума и вышел посмотреть, что творится в комнате.

— Сынок, это я, твоя мама. Иди ко мне, — протянула она к сыну руки.

Однако мальчик, словно не замечая рук матери, прижался к ногам бабушки и со страхом смотрел на раскрасневшуюся от борьбы, растрепанную женщину, назвавшуюся почему-то его матерью. Он испуганно заплакал.

— Уходи, чтобы я тебя не видела! — крикнула мать, указывая ей рукой на дверь. — Где пила, туда и иди! Не пугай ребенка. Вот протрезвеешь, тогда и приходи.

Мадина сунула руку в карман и, достав оттуда поломанную плитку шоколада, положила ее на стол. Еще раз взглянув на плачущего сына, она вышла из дома.

Сергеев очнулся от толчка в бок. Открыв глаза, он увидел стоявшего в дверях контролера, который громко выкрикивал его фамилию. Он быстро вскочил с койки и чуть ли не бегом бросился к двери.

— Спишь? — грубо выкрикнул контролер и под смех камеры сильно ударил его по спине резиновой дубинкой.

Он молча довел его до дверей кабинета и, приоткрыв дверь, втолкнул его туда. За столом сидел знакомый ему майор и разливал по кружкам крепкий черный чай.

— Проходи, Аллигатор. Присаживайся, попей чаю.

Он осторожно присел на стул и, взяв в руки эмалированную кружку, сделал глоток. Чай был горячим и очень душистым. Он давно уже не пил такого вкусного чая. Его вкус живо напомнил ему о жизни до тюрьмы.

— О чем думаешь, Аллигатор? — услышал он голос майора. — Очнись, вернись на землю. Давай докладывай, что тебе удалось узнать?

Он сделал еще один глоток чая и, отодвинув в сторону кружку, приступил к докладу.

— Осужденный Ларионов при разговоре с Никитиным рассказывал, что оперативникам не удалось найти в его доме ценности, которые он надежно спрятал в одном месте. Об этом месте знали лишь он и его мать. Ценностей, с его слов, там много, на несколько десятков тысяч рублей.

— Что за ценности? — поинтересовался у него майор.

— Насколько я понял, Ларионов со своим товарищем взяли универмаг в Письмянке, что в пригороде Бугульмы. Там они разжились большими ценностями — золотом, камнями. В универмаге был ювелирный отдел, вот они его и хлопнули. Друг у него был наркоман, плотно сидел на кодеине. То ли он перебрал дозу, то ли что-то другое, но друг его преставился, и сейчас все эти ценности принадлежат лишь ему одному.

Майор сделал небольшую паузу и, взглянув на Сергеева, который с жадностью пил чай, произнес:

— Что у тебя еще, Аллигатор?

— Ну, о Воронине я вам уже докладывал в прошлый раз. Могу добавить только одно, что за ним еще две кражи. Это на улице Фрунзе и Светлой. Он выставил эти хаты в июле. Сейчас сильно переживает за эти преступления. Боится, что менты выйдут на него и предъявят ему это.

— Как другие?

— Все по-прежнему.

— Хорошо. Молодец. Наливай еще. Вот, бери конфеты.

Сергеев протянул руку и взял конфету. Карамель оказалось такой жесткой, что он чуть не сломал зуб, стараясь раскусить ее.

— Что-то у вас конфеты старые, гражданин майор. Чуть зуб не сломал.

— А ты что, Аллигатор, хочешь, чтобы я тебя «Птичьим молоком» здесь угощал? Скажи спасибо, хоть такими угощаю.

— Спасибо, гражданин майор, — поблагодарил его Сергеев. — Дайте команду, пусть меня отведут в камеру. И еще скажите своему «дубаку», чтобы полегче орудовал своей дубиной. А то и покалечить может.

— Хорошо. Скажу. Мне нужно знать все о Хакимове. Его сегодня переведут в вашу хату. Он из блатных и, похоже, за ним много дел. Понял?

— Все понял, гражданин майор, — ответил Сергеев.

Дверь открылась и на пороге возникла громадная фигура контролера, державшего в руках резиновую палку.

— Лицом к стене, — последовала команда.

Сергеев повернулся лицом к стене и застыл, как вкопанный.

— Пошел, — скомандовал контролер.

* * *

Сергеев молча стал из-за стола и открыл холодильник «Зил», словно айсберг, стоявший в углу комнаты. Холодильник был пуст.

— Все понял.

Он вернулся в спальню и стал быстро одеваться.

— Это ты куда собрался? — поинтересовалась у него Мадина.

— Волка ноги кормят, — накинув полушубок, он вышел из дома.

— Леша, ты куда? — крикнула она вслед ему.

— Я поехал в Казань. Когда вернусь, точно сказать не могу, но к вечеру вернусь, — ответил он ей и скрылся за поворотом аллеи.

Приехал он в начале седьмого вечера. Вместе с ним в дом вошла молоденькая девушка лет семнадцати-восемнадцати.

— Вот познакомься, это моя сестра, — указал он рукой на Мадину. — Сестренка, приготовь нам что-нибудь поесть. Ты знаешь, мы с Резедой голодные, как волки.

Мадина посмотрела на Резеду и, улыбнувшись, спросила:

— Резеда, сколько тебе лет?

— Мне шестнадцать, — ответила она. — Я уже взрослая и сама решаю, где и с кем мне гулять.

Мадина невольно улыбнулась.

— Ты сама-то откуда? Я вижу, ты не казанская.

— Все правильно, тетя Мадина. Я учусь в профессиональном училище. Вы знаете, у меня возникла проблема. У моей подруги пропали деньги и она решила, что эти деньги взяла я. Об этом она рассказала нашей классной руководительнице, которая решила помочь ей. Она подняла меня на уроке и потребовала, чтобы я вернула ей деньги. Вот я и ушла из училища. Учиться там, где все считают тебя воровкой, я не хочу. Вот чисто случайно познакомилась на вокзале с вашим братом, с дядей Лешей. Он говорит, что хорошо знает директора нашего училища и обещал мне поговорить с ним.

Она посмотрела на Сергеева, который сидел за столом и доедал остатки завтрака.

— Сестренка, может, ты приготовишь нам ужин? Нам завтра с Резедой нужно ехать в Казань. Я же не могу бросить ее на произвол судьбы!

Она ушла на кухню и стала готовить ужин. Мадина иногда бросала свой взгляд на Алексея, который, достав из холодильника бутылку водки, стал разливать ее по стаканам.

— Дядя Леша, я не хочу. Я не пью водку.

— Резеда, да ты выпей немного. Я же не заставляю тебя пить весь стакан. Выпей, сколько сможешь.

Мадина вошла в комнату в тот момент, когда Сергеев, обняв Резеду, целовал ее в губы. Она поставила на стол полную сковороду жареной картошки и вернулась на кухню. Алексей

встал из-за стола и последовал за ней.

— Ты где подобрал эту мочалку? — спросила она.

— На вокзале, — коротко бросил он. — А что? Она девочка хоть куда.

Мадина вымыла руки и ни слова не говоря, направилась в сарай, где взяла оцинкованную детскую ванну, полиэтилен и вернулась в дом. За столом уже никого не было. Она быстро убрала все со стола и стала ждать сигнала Сергеева.

Он лежал с пьяной Резедой в постели, крепко обняв ее в своими сильными руками. Он недолго ее уговаривал, вскоре она сама стала раздеваться. Несмотря на свой юный возраст, она хорошо понимала, что за все в этой жизни нужно платить. Вот и этому, уже немолодому и странному человеку, тоже надо заплатить, чтобы он помог ей вернуться в родное профтехучилище.

Алексей сразу же понял, что он у нее первый, что еще больше разожгло в нем страсть. Выпитая водка придавала ему сил и уверенности. За те полчаса, что ждала Мадина, он вступил с ней в интимную близость несколько раз.

Наконец он вышел из спальни и, весело улыбаясь, посмотрел на свою сожительницу.

— Она устала, пусть заснет, тогда и приступим.

— А тебе не жалко ее? — спросила она.

Он на секунду задумался, а затем произнес уверенным голосом:

— А жрать, ты что, не хочешь? Какая разница, сколько ей лет? Она как корова, создана для того, чтобы ее съели. Почему ты меня раньше об этом не спрашивала, а вместе со мной ела их?

— Да я просто так тебя спросила, — испугано съежилась она.

— Больше меня об этом никогда не спрашивай, если хочешь жить. Поняла?

Она молча кивнула и направилась на кухню готовить посуду под мясо.

* * *

Гараев шел по поселку. Заметив Сергеева, который куда-то спешил, он ускорил шаги и быстро его нагнал.

— Привет, Алексей! Это ты куда так спешишь?

— На электричку опаздываю, хочу съездить в Казань, навестить родственников.

— Слушай! С кем ты сейчас живешь? Я тогда еще заметил, что дома-то у тебя чисто прибрано.

— А что это так волнует правоохранительные органы, с кем я живу? Может, надзор хотите установить за мной? Ну, есть у меня одна женщина, вот и живу я с ней. Мне многого не нужно, главное для меня, чтобы дома было чисто, было, что поесть и что надеть. Для меня важно, чтобы ей со мной было хорошо.

Гараев невольно улыбнулся его словам. Он уже не раз слышал о недюжинных сексуальных возможностях этого человека. В поселке уже давно ходили слухи, что многие женщины, чтобы переспать с ним, приезжали даже из Казани.

— И давно ты с ней живешь? — поинтересовался у него Гараев.

— С весны прошлого года.

— Слушай, меня напрягает МВД, они утверждают, что у нас здесь объявился какой-то охотник на женщин. Ты случайно ничего подобного не слышал?

— Это в каком смысле охотник на женщин? — сделал удивленное лицо, спросил Сергеев.

— МВД утверждает, что у нас в поселке пропадают женщины.

— Да брось ты, лейтенант. Сейчас не война, и Васильево не Ленинград, чтобы здесь убивали и ели людей. Я, например, все это слышу в первый раз. Да и куда в поселке можно пропасть? Здесь все друг друга знают, и если бы здесь что-то подобное происходило, об этом бы сразу стало известно вам.

— Да, я тоже так думаю. Однако они утверждают обратное. Вот что, Алексей! Ты здесь полазь среди своих мужиков, я имею в виду ранее судимых, послушай, о чем они говорят. Если, что, сразу ко мне. Понял?

— Как не понять, все ясно. Только все это полная чепуха.

— Чепуха не чепуха, а походи и послушай, о чем люди говорят. Это мне могут не рассказать об этом, а тебе расскажут.

— Все понял, начальник. Тогда я поехал, — сказал Сергеев и сплюнул.

— Давай езжай, — Гараев не торопясь направился дальше по улице поселка.

Сергеев шел по улице. В нем пела каждая клеточка его тела. Он не мог поверить в то, что стал знаменит при жизни, что его уже длительное время разыскивают лучшие сыщики МВД и никак не могут найти.

— Они еще у меня попрыгают, — бубнил он себе под нос. — Они еще узнают, кто такой Сергеев.

Он на миг представил себе вытянувшееся лицо своего участкового инспектора и расхохотался. Шедшая рядом с ним женщина шарахнулась в сторону и посмотрела на него словно на ненормального.

— Чего уставилась? — грубо спросил он. — Нормального мужика давно не видела?

Женщина махнула на него рукой и направилась дальше, иногда оборачиваясь.

— Давай, давай вали, старая калоша, — крикнул он ей вслед.

Дойдя до станции, он достал из кармана сигареты и закурил. Иногда он бросал заинтересованные взгляды на проходящих мимо него женщин, но это были не обычные взгляды мужчины. Он просто прикидывал, сколько хорошего мяса можно получить с той или иной женщины.

Услышав шум приближающейся электрички, он бросил сигарету в урну и направился на платформу.

* * *

Я сидел за столом и писал отчет по командировке. По моему поручению в Саранске был задержан преступник, находившийся во всесоюзном розыске по обвинению в совершении двойного убийства. Приехав в отдел милиции, я не сразу узнал Серова, которого разыскивал около года. От прежнего и знакомого мне Серова осталась лишь его улыбка. Он отпустил бороду, покрасил волосы, и сейчас больше походил на какого-нибудь художника или артиста, но только не на убийцу, за которым гонялась вся милиция Советского Союза.

— Привет, Серов, тебя и не узнать. Вот видишь, мы опять встретились с тобой. Сколько ни бегай, от себя не убежишь.

Он посмотрел на меня так, словно видел впервые в своей жизни. Его глаза были широко

раскрыты, и посторонний человек мог подумать, что мой собеседник был очень удивлен моим к нему обращением.

— Извините, молодой человек, вы, похоже, принимаете меня за другого человека. Моя фамилия Борисов, я из города Таллина и никакого отношения к вашему Серову не имею.

Теперь уже я удивленно посмотрел на него, ожидая от него улыбки.

— Илья Леонидович, зря вы здесь разыгрываете спектакль. Или вы считаете нас здесь идиотами?

— Я этого не говорил. Я смотрю, что если все будет развиваться по такому сценарию, то вы меня скоро обвините в убийстве Кирова.

В кабинет без стука вошел один из оперативников местного отдела.

— Скажите, это вы его задержали?

— Да. Вчера вечером мы с напарником взяли этого гражданина в гостинице. Я его сразу же узнал по пальцу на левой руке. В ориентировке было указано, что у разыскиваемого отсутствует одна фаланга на указательном пальце левой руки.

Я перевел свой взгляд с оперативника на Серова. Заметив мой взгляд, он сунул свою левую руку в карман куртки.

— Вы его не откатывали? — поинтересовался я у него. — Этот товарищ говорит, что мы ошиблись, и он не Серов, а Борисов из города Таллина.

— Пока нет. Если есть необходимость, то мы сейчас его быстро откатаем.

— Откатайте, если не трудно. Нам спешить некуда,ждемся утра. А там посмотрим, кто есть кто.

По команде конвоя он встал со стула и последовал за ним из кабинета. Оставшись один, я сел за стол и стал вспоминать, как он совершил побег из мест лишения свободы. А совершил он побег довольно оригинальным способом.

После прибытия в седьмую колонию он сразу же обратился к администрации колонии и попросил, чтобы его отправили на стройку. Заключенные этой колонии часто привлекались к строительству различных объектов. Несмотря на его тяжкую статью, администрация колонии пошла ему навстречу, ведь людей с высшим техническим образованием в колонии было не так много. Он действительно очень старался и вскоре администрация учреждения назначила его бригадиром большой бригады строителей, которая возводила большой жилой дом в Приволжском районе города Казани.

Прошло месяца три после этого назначения, и однажды при проведении вечерней проверки было обнаружено отсутствие осужденного Серова. Сомнений не было, это был побег, однако каким образом заключенный смог покинуть стройку долгое время оставалось непонятным. Лишь через неделю оперативникам колонии удалось установить, что Серов покинул территорию стройки, используя обычные ролики, которые использовались на стройке для поднятия грузов. Сначала он перебросил доску с третьего этажа строящегося дома и по ней смог дойти до высокого трехметрового забора, густо опутанного колючей проволокой, а затем по электрическим проводам на роликах преодолел еще один забор и оказался вне досягаемости охраны.

Когда я узнал о побеге, я был немного удивлен решительностью Серова. Он всегда любил жизнь, и пойти на подобный риск его могли заставить лишь какие-то серьезные обстоятельства. Я долго занимался его розыском, но он словно растворился на территории громадного Советского Союза. За весь год с момента побега он не проявил себя нигде. И вдруг такая удача, его задержали в небольшом городе с документами на другую фамилию,

практически неузнаваемого, лишь по отсутствию одной фаланги на указательном пальце левой руки. Это было большой удачей для всего оперативного корпуса МВД СССР.

* * *

Утром я приехал в отдел милиции. Поздоровавшись с оперативниками, я поинтересовался у них, пришел ли ответ на запрос в отношении Серова.

— Все нормально, Виктор, — произнес один из них. — Мы не ошиблись, это действительно Серов.

— Вот и хорошо. Тогда я сегодня поеду с ним в Казань. Зачем ждать плановый конвой, когда я сам могу его доставить в Казань.

— Твое дело, как хочешь. Если ты его от нас забираешь, тогда пойдем, будем готовить документы.

К обеду все формальности были улажены. Я спустился в подвал, где находился изолятор временного содержания и, предъявив все необходимые документы дежурному по ИВС, попросил его вывести Серова из камеры.

— Ну, что Илья? Поехали в родной город, — сказал я, одевая на его руки стальные браслеты.

— Вы ошибаетесь, я не Серов, — снова попытался возразить он.

— Не нужно много говорить. Казань подтвердила, что это твои отпечатки. Ты же знаешь, что это оспорить практически невозможно. Во всем мире нет больше подобных отпечатков. Ты же человек грамотный и хорошо должен понимать, что ты проиграл.

Он хотел что-то сказать, но, махнув рукой, замолчал. Забрав задержанного и его личные вещи, я поехал на вокзал. Купив два билета на проходящий через Казань поезд, мы стали ожидать его прибытия.

Наши места в поезде оказались заняты. В купе ехала молодая супружеская пара с двумя детьми. Я предъявил им билеты и попросил их освободить два места. Моя просьба вызвала у них недоумение: у них были билеты на эти же места.

— Слушай, мужик, — обратился ко мне мужчина. — Мне кажется, что ты должен сам разбираться с проводником по поводу мест. Не будешь же ты выгонять детей в тамбур.

— Я сейчас постараюсь решить этот вопрос, но со мной преступник, которого я везу в Казань. Если вы будете не против, то я на время пристегну его в вашем купе.

— Ты что, упал? У меня в купе дети!

— Давай не шуми. Если хочешь, иди и сам решай этот вопрос с проводником. В конце концов у меня тоже билеты на эти два места.

Предоставив все же решать этот вопрос мне, он согласился с тем, чтобы я оставил задержанного преступника у них в купе. Пристигнув Серова к ножке откидного стола, я направился в купе проводника.

— Здравствуйте, — поздоровался я с полной женщиной, сидевшей в купе проводника. — Скажите, вы проводник вагона?

— А ты сам не видишь? Ну, я проводник, что тебе надо?

— Все дело в том, что купленные нами в Саранске билеты были выписаны на уже занятые места. Как нам быть?

— Откуда я знаю! Я билеты вам не продавала. Идите к бригадиру поезда и решайте с

ним эту проблему.

— Я не могу этого сделать. Дело в том, что я сопровождаю арестованного преступника. Он особо опасен и может совершить побег в любое время.

Услышав это, она тут же вскочила с места и исчезла за дверью тамбура. Вернулась она минут через тридцать в сопровождении бригадира поезда.

Вопрос решился в считанные минуты. Проводница освободила соседнее служебное купе, и мы с Серовым разместились там. Я снова приковал его к ножке стола и, забравшись на верхнюю полку, блаженно вытянул свои уставшие ноги.

* * *

— Виктор Николаевич, — тихо обратился ко мне Серов. — Вы спите?

— Что нужно? — своим вопросом он прогнал мою дремоту. — Что еще у тебя случилось, Серов?

— Хочу с вами поговорить. Я же знаю, вы все равно не спите.

— Говори. Что хочешь от меня?

— Есть одно предложение к вам, — понизив голос до полупшепота, произнес он.

— Какое еще предложение, Серов? Давай, не валяй дурака, закрывай глаза и спи. Вот привезу тебя в Казань, там ты уж точно не поспишь первые дни. Там «дубаки» сполна отыграются на тебе за твой побег.

Он замолчал. Прошло минут десять, прежде чем он заговорил.

— Виктор Николаевич! У меня есть много денег, и я бы хотел выкупить у вас свою свободу. Вы слышите меня?

— Знаешь, Серов, не гони порожняк. Я тебе не маленький мальчик, а ты не миллиардер. Откуда могут быть большие деньги у беглого зека?

— Вы не смейтесь, у меня действительно много денег. Они мне достались от одного человека. Сейчас его уже нет в живых, он умер от туберкулеза в зоне. Я только поэтому и рванул из зоны, а так бы не побежал. Зачем мне еще три года добавки?

Мое молчание он принял за заинтересованность.

— Слушайте, Виктор Николаевич! Что дает вам эта служба? Думаю ничего существенного. Ни квартиры, ни денег у вас никогда не будет. Государство не позволит вам все это иметь, иначе у вас исчезнет нюх, и вы перестанете бегать и ловить преступников. Я предлагаю вам реальные деньги, и деньги, представьте себе, немалые. Этих денег хватит не только вам, но и вашим детям и внукам.

Я не удержался и расхохотался. Свесившись с верхней полки, я посмотрел на него.

— Серов! Не делай из меня дурака. Если бы у тебя были бабки, ты бы давно удрал куда-нибудь за бугор и пил бы там баварское пиво. Давай, закрывай свой рот и больше не пытайся меня искушать. Ты мне напоминаешь того змея-искусителя, который ввел в искушение Еву.

Он замолчал и укоризненно посмотрел на меня.

— Зря вы мне не верите. Эти деньги находятся в Казани, и я готов вам их показать, но при одном условии — вы возьмете их себе, а меня отпустите.

— Серов, заткнись и спи. Мне не нужны ваши ворованные деньги. Я, в отличие от тебя, хочу спать спокойно и в своей постели.

Он замолчал и, повернувшись на правый бок, закрыл глаза. Я выключил верхний свет,

бивший мне в глаза, и постарался отвлечься от этого разговора. Серов вскоре задремал, а я по-прежнему не спал, размышляя над его словами. О деньгах я не думал, мне было абсолютно все равно, есть у него эти деньги или нет. Однако меня тревожило другое. Я был больше чем уверен, что он сможет найти человека, которого сможет купить за эти деньги, и этот человек сделает все, чтобы отмазать его от уголовного дела за совершенный побег, и не исключено, что он оспорит даже решение суда, осудившего Серова за двойное убийство.

Я задремал только утром, солнце уже щедро бросало свои лучи в окно купе. Очнулся я от громкого разговора, доносившегося до меня из-за стенки служебного купе. Я спрыгнул с полки и, взглянув на спящего Серова, вышел в коридор.

* * *

На вокзале меня встречали оперативники из седьмой колонии. Перед тем как расстаться, Серов посмотрел на меня и молча покачал головой.

— Чего качаешь головой? — спросил я его.

— Я всегда думал, что вы умный человек Виктор Николаевич. Человек, способный думать реальными категориями, а не стереотипами, которыми вас всех пичкают газеты и телевидение. Мне жаль, я глубоко в вас разочаровался.

— Давай, Серов, выходи из вагона. Ты и так мне не дал нормально отдохнуть этой ночью. Неужели ты мог подумать, что я поведусь на все эти разговоры о деньгах? Зачем они мне, это же грязные деньги. Нормальных-то денег у тебя нет и больше, наверное, никогда не будет.

— Какая разница, какие это деньги, грязные или чистые? Деньги есть деньги. Я думаю, что пройдет немного времени, и вы вспомните этот разговор. Вспомните, что вы могли стать очень богатым человеком во времена социализма с человеческим лицом.

— Вон, видишь людей в форме? Вот им и предлагай свои деньги. Мне они не нужны.

Я передал с рук на руки осужденного Серова и направился к остановке седьмого троллейбуса. Доехав до остановки «Ленинский сад», я вышел из троллейбуса и не торопясь направился в министерство.

— Привет, — поздоровался я с ребятами из отделения.

— Привет, как съездил? — спросил меня начальник отделения.

— Нормально. Он сначала пытался включить дурака, говорит, вы ошиблись, я житель Таллина и вообще никогда не знал человека по фамилии Серов. А потом поплыл, понял, что я опознал его.

— Ладно, ты его хорошо знал, а если бы кто-то другой поехал вместо тебя, то мог и не опознать.

— Да я просто разыграл с ним небольшой спектакль. Мы там его откатали, и я сказал ему, что отправил эти отпечатки пальцев в Казань.

— Ловко ты его разыграл, — произнес начальник управления и загадочно посмотрел на меня.

— Что-то произошло, пока меня не было в министерстве? — спросил я его.

— Как тебе сказать? Все течет, все изменяется, — уклончиво ответил он.

— Слушайте, вы что, меня разыгрываете? Скажите, что случилось?

— Всему свое время, — загадочно произнес начальник отделения, и удобно

устроившись за своим столом, достал газету.

Я пошел в туалет. Мне с утра не удалось привести себя в порядок в вагоне поезда, и я решил побриться. Вслед за мной в туалет вошел сотрудник нашего отделения Семенов. Увидев меня, он рассказал мне то, что я так хотел услышать от своего начальника отделения.

— Пока ты был в Саранске, наш начальник ходил к Костину и просил его перевести тебя в другое подразделение. Он жаловался начальнику управления, что ты подрываешь его авторитет и никак не можешь найти общий язык с нами.

— Ну и что сказал Костин? — поинтересовался я у него.

— Он казал, что подумает над этим вопросом.

— Теперь мне понятна реакция начальника отделения. Он, наверное, уже ищет человека на мое место?

— Не то, что ищет, он уже нашел.

— И кто этот человек?

— Пока я не знаю, но он сказал, что уже нашел человека.

— Спасибо, что просветил. А то я никак его не пойму, улыбается и все говорит, что я скоро узнаю новость, от которой упаду.

Я быстро побрился и вернулся к себе в кабинет. Минут через пять меня вызвал к себе Костин.

* * *

— Алексей! Сергеев! — раздалось у него за спиной.

Он обернулся и увидел мужчину, который, расталкивая пассажиров электрички, пробирался к нему. Он узнал своего сокамерника по хозяйственному блоку Андрея Белова, с которым он вместе отбывал свой последний срок во втором изоляторе. Он протянул ему руку, они поздоровались.

— Ты откуда? — поинтересовался у него Сергеев.

— Да я только неделю назад откинулся. Отсидел от звонка до звонка. Сунулся к своей бабе, а у нее новый мужик.

— Понятно, а где сейчас кантуешься?

— Да как тебе сказать. Эту ночь провел у двоюродной сестры, предыдущую ночь здесь, на вокзале, да и сегодня тоже собирался переночевать здесь. А куда идти? Кому я нужен?

— Вот что. Давай двигай со мной. У меня небольшое дело в Казани, а затем поедем ко мне в Васильево. Многого не обещаю, но крышу над головой на первое время дам. Леха никогда своих корешей не бросает.

— Спасибо тебе, Леша. Вот уж мне сегодня подфартило, что встретил тебя. Сам Бог направил меня навстречу к тебе.

— На Бога надейся! Просто случай свел тебя со мной. Ведь ты меня мог и не заметить.

Они быстро вышли из вокзала и направились в сторону Центрального колхозного рынка.

— Леха! А что у тебя за дела на рынке? — поинтересовался у него Андрей.

Сергеев оглядел его с ног до головы и, сплюнув, процедил сквозь зубы:

— Еще пару вопросов и ночевать будешь на вокзале. Такой расклад тебя устраивает? Запомни одно, меньше вопросов.

— Да ты что, я не хотел тебя обидеть. Я понял, больше вопросов не будет.

— Вот и хорошо. Гроби рядом со мной и молчи, как рыба. Ты помнишь Рябого, ну с нами работал в хозяйственной службе? Так вот, сгорел парень только из-за того, что не мог держать свой язык за зубами.

— Ты хочешь сказать, что кто-то из наших ребят запалил тогда его?

— Наверняка. Там каждый второй стучал на первого, а первый на второго.

Белов замолчал, пораженный услышанной новостью. О том, что в местах лишения свободы каждый второй работает на администрацию, он, конечно, хорошо знал, но то, что Рябого запалил кто-то из их окружения, вызвало у него своеобразный шок. Он хотел задать Алексею вопрос, но, вспомнив его предупреждение, предпочел промолчать.

Он прошли в лабаз, где продавалось мясо, и остановились в нерешительности.

— Андрей, постой где-нибудь здесь, я быстро пробежусь по рядам, — предложил ему Сергеев. — Мне нужно увидеть одного мужика и переговорить с ним. Тебя он может испугаться.

— Хорошо. Я покурю вон там, на выходе. Надеюсь, ты не забудешь про меня.

— Не переживай, я слов на ветер не бросаю, — ответил Алексей и скрылся в толпе покупателей.

Прошло минут сорок, прежде чем он увидел возвращающегося Сергеева. Заметив Белова, нервно кутившего около выхода из лабаза, Алексей дружески помахал ему рукой.

— Вот и все. Поехали ко мне, в Васильево. Думаю, что к ужину успеем.

Они зашли по дороге в продуктовый магазин и купили бутылку водки.

— А что так мало? — спросил его Белов. — У меня есть немного денег, давай возьмем еще литр.

— Это я взял на дорогу. Дома у меня выпить есть. Так что не напрягайся.

— Леша? Извини за мой вопрос. Ты живешь один или с кем-то?

— Не переживай, все будет нормально. Баба у меня молодая, спокойная. Скандала не будет. Ты только меньше о зоне говори. Ей это не особо нравится.

— Все понял, Леха. Буду нем, как рыба.

Они выпили бутылку водки в привокзальном сквере и, услышав объявление диспетчера о подаче электрички на пригородную платформу, направились на перрон.

* * *

Оживленно разговаривая, они вошли в дом Сергеева.

— Вот, Андрей, познакомься, это моя любимая женщина. Зовут ее Мадина.

— Белов, старый знакомый Алексея, — представился он ей. — Мы друг друга знаем давно, и я никогда не думал, что у него такая красивая жена.

Она покраснела. За все время, что она знала Сергеева, это был единственный человек, который сделал ей комплемент. Заметив ее смущение, Алексей попросил ее приготовить ужин. Пока они курили на улице и вспоминали прошлое, она успела быстро приготовить ужин. Поставив еду на стол, она пригласила их в комнату.

— Присаживайся, где удобнее, — предложил он Белову.

Тот сел за стол и молча посмотрел на большую, глубокую тарелку, где лежали сочные куски мяса.

— Ты не смотри, давай накладывай себе мясо, здесь прислуги нет, — предложил хозяин, разливая по стаканам мутноватый самогон.

Андрей положил себе на тарелку большой кусок мяса, немного молодого укропа и петрушки, которую он так любил.

— Ну что, махнем за встречу, — предложил он ему. — Давно мы с тобой не виделись, по-моему, года четыре.

— Если точнее, три с половиной года. Ты не поверишь, я так рад, что встретил сегодня тебя.

Они чокнулись и выпили. Андрей взял нож, отрезал кусок мяса и положил его в рот. Мясо было необычайно вкусным и мягким.

— Алексей, что это за мясо? Я еще ни разу не ел такого! Это телятина?

— Угадал. Это молодая телочка, — рассмеялся Сергеев, глянув на сожительницу.

— Я что-то не так сказал?

— Да нет, все правильно. Ты не первый, кто замечает это. Два дня назад ко мне зашел сосед и попросил у меня займы кусок мяса, на шашлык. Потом вечером зашел и тоже спрашивал, что это было за мясо. Скажи, классная телка оказалась?

— Точно. Шашлык, наверное, из этого мяса вообще классный.

— Завтра попробуем и оценим, — Сергеев разлил по стаканам очередную порцию самогона. — А как мой самогон? Я его дважды прогнал через активированный уголь, который нашел в коробке противогАЗа, потом настоял на травах. Чем не домашний коньяк? Пьется хорошо, а главное — с него не болит голова.

Они снова выпили и стали закусывать.

— Мадина, натопи нам баньку, хочу попарить в ней своего гостя.

Она молча встала из-за стола и исчезла за входной дверью.

— Неплохо ты, Леха, устроился. Живешь, как на курорте. Я смотрю и баба у тебя послушная. Другая бы стала возникать, а эта молча встала и пошла.

— Запомни, Андрей. Бабы любят сердцем, а не головой. Вот когда найдешь такую бабу, сразу цепляйся за нее. Внешность, то, сё — это все преходящее, а любовь — она вечна. Давай, еще накатим по одной за любовь. За тех баб, которые годами могут ждать нас из зоны.

Они выпили и, встав из-за стола, пошли курить во двор.

* * *

— Алексей! Как ты живешь с ментами?

— Нормально. Я их не беспокою, а это главное для них. Так, иногда ко мне заходит участковый инспектор в целях профилактики. Интересуется, как здесь дела. Люди здесь живут тихо, по этому вопросов у него практически не бывает. А почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Интересно. Мне бы не хотелось попасть ему на карандаш. Ты же знаешь, статью за тунеядство еще не отменили.

— Не переживай, что-нибудь придумаем. У меня тоже липовая трудовая книжка. Там написано, что я работал в Буинском районе, хотя там я ни разу не был.

— Ну, ты и даешь, Леха. Все у тебя на мази, даже трудовая книжка.

Сергеев посмотрел на него с превосходством, давая ему понять, что он полностью владеет жизненной ситуацией.

— Ну что, пойдём, попаримся? Наверное, давно в хорошей бане не мылся. Мадина даст тебе мое чистое белье. Нехорошо после бани грязное надевать.

Они загасили сигареты и направились в баню. Мылись долго, часа четыре. Наконец, уставшие, вышли из бани и сели на лавочку под большой ветвистой яблоней.

— Вот только сейчас понял, что такое жизнь, — произнес задумчиво Белов. — Наверное, это приходит с возрастом. Особенно когда человек переживет неволю. Сейчас бы вот так просидел бы под этой яблоней остаток своей жизни и больше ничего не делал.

— Ну, ты и даешь, Белов. Для того, чтобы вот так балдеть, нужно быть сытым и пьяным. На голодный желудок долго не просидишь. Есть хотят и букашки, и люди. Главное, что я понял в этой жизни, нужно жить так, чтобы тебя не сожрали другие. Сейчас жизнь такая, чуть зазевался — и ты на вертеле или на шампурах.

Белов испугано посмотрел на него, словно догадываясь, на что намекает его старый товарищ по тюрьме.

— Ты что, Андрей испугался что ли? Это я так, просто рассуждаю о жизни.

— Ты не поверишь, но испугался твоих слов. В них было что-то зловещее и страшное.

Алексей громко рассмеялся и, положив руку ему на плечо, тихо произнес:

— Держись меня, тогда не пропадешь.

— Спасибо, Леха, — Белов встал со скамейки, лениво потянулся и пошел за Сергеевым в дом. Там их ожидал заново накрытый стол.

Мадина ушла в спальню, оставив мужчин одних. Они долго разговаривали, и лишь когда на небе показалась розовая полоска рассвета, легли отдыхать.

* * *

Сергеев сидел за столом и, отхлебывая горячий чай из эмалированной кружки, писал сообщение, в котором он сообщал администрации второго изолятора о готовящемся побеге. Побег с захватом заложников готовил преступный авторитет по кличке Рябой. Рябой был из Казани и имел большие связи среди преступного мира Казани, Москвы и Ленинграда. Это была уже четвертая его ходка, и в этот раз он обвинялся в целом ряде разбойных нападений и убийстве, совершенном при одном из нападений. Сейчас ему светила смертная казнь, и терять ему было уже нечего.

Кто-то из друзей Рябого сумел передать ему в камеру пистолет и сейчас он ждал только удобного случая, чтобы захватить в заложники начальника изолятора и прокурора республики. Для того, чтобы они оказались в его камере, он чуть ли каждый день писал жалобы на их имя, обвиняя работников изолятора в нарушении законности.

О готовящемся побеге знали всего четыре человека из пятнадцати осужденных, содержащихся в этой камере. Сам Сергеев узнал об этом чисто случайно. Он проснулся ночью от шума открывающейся двери и увидел, как контролер вывел из камеры Рябого и еще одного осужденного, которого он не мог опознать в темноте. Вернулись они в камеру лишь час спустя.

Рябой разбудил осужденного Гаранина и, нагнувшись к нему, стал тихо рассказывать ему о своей встрече со «смотрящим». Он говорил тихо, и Сергееву пришлось очень

постараться, чтобы понять, о чем они говорят.

— Рябой! По-моему, этот педераст не спит, — сказал Гаранин, указывая на Сергеева рукой.

Рябой тихо подошел к Сергееву и, нагнувшись, стал рассматривать спящего.

— Ты ошибся, он спит.

— Не знаю, но мне показалось, что он не спит и слышал наш разговор.

— Можешь сам посмотреть, если не веришь мне. Спит он.

— Смотри, Рябой, если запалимся, то стены нам с тобой точно не миновать.

Рябой вернулся обратно и уселся на койку рядом с Гараниным.

— Ты где прячешь пистолет? — спросил его Гаранин.

— За окном. Он у меня висит на нитке.

— Смотри, как бы не оборвалась, а то останемся без волюны. Без нее полный голяк.

Они еще немного поговорили и Рябой, забравшись на свою койку, через некоторое время захрапел. Гаранин встал с койки и подошел к Сергееву. Присмотревшись и убедившись, что тот спит, он вернулся обратно и лег.

Во время утренней проверки Алексей дал знак дежурному оперативнику, чтобы его вызвали из камеры. После завтрака дверь камеры открылась, и в камеру вошел майор. Осмотрев стоящих в ряд осужденных, он приказал выйти из строя Белову и Сергееву. Когда они вышли из камеры, их разделили. Сергеев направился с майором, а Белова повели в прачку.

Закончив писать, он молча протянул лист бумаги майору. Майор прочитал написанное. Закончив чтение, он, отложив в сторону лист, пристально посмотрел на Сергеева.

— Надеюсь, ты меня не обманываешь, Аллигатор? Если все то, что ты здесь начирикал мне, правда, то я переведу тебя в хозяйственный блок.

— Гражданин майор, что услышал, то и написал. У меня одна просьба: чтобы не запалить меня, разбросайте по разным хатам всю нашу камеру, а меня и осужденного Белова переведите в хозяйственный блок. Так будет лучше для всех. Пусть Рябой ломает голову, кто его сдал.

Майор улыбнулся и уже по-другому посмотрел на Сергеева.

— Рябому репу ломать не придется. Мы его отправим в Горький, там он проживет не так уж и долго. А в отношении камеры я с тобой согласен.

Алексей допил уже остывший чай и встал из-за стола. Уже через минуту он шагнул по длинному тюремному коридору в свою камеру.

* * *

Я прошел к столу и сел на предложенный мне стул. Костиу был не один. В дальнем конце кабинета сидел неизвестный мне человек и с интересом рассматривал меня. Лицо этого человека мне было знакомо, я его несколько раз видел в коридорах МВД, но кто он — я не знал.

— Знакомься, это Александр Глухов. Он начальник пятого отдела КГБ.

— Здравствуйте, — сказал я и повернулся к Костину.

Костин достал сигарету и прикурил ее. Я сидел за столом и терялся в догадках о причинах вызова.

— Ты когда вернулся из Саранска? — поинтересовался он у меня.

— Сегодня утром. Я прямо с поезда поехал на работу.

— Значит ты еще не в курсе, — тихо произнес он.

— Почему не в курсе? Мне уже начальник отделения сказал, что меня ждет сюрприз.

Насколько я знаю, вы хотите перевести меня в другое подразделение. Начальник уже нашел человека мне на замену.

Костин улыбнулся и посмотрел на Глухова. Тот в ответ ухмыльнулся и произнес:

— Если бы твой начальник отделения мог мыслить как ты, то это бы наверняка произошло в твое отсутствие. Начальником может стать каждый из нас, а вот хорошим специалистом, к сожалению, не каждый.

— Я тебя пригласил к себе в связи с тем, что два дня назад пропала девочка в возрасте одиннадцати лет. Ее, со слов соседей, увел какой-то незнакомый им человек.

— Скажите, что было предпринято с момента исчезновения девочки? Может это не связано с безвестным исчезновением и нам стоит дождаться, когда похититель заявит о своих требованиях?

— Маловероятно, что это произойдет. Здесь американская схема похищения детей ради выкупа не проходит. Мы живем в СССР, а не в Америке.

— Юрий Васильевич! Скажите, почему вы решили поручить мне розыск этой девочки? Почему не Козину? У него и опыта побольше, чем у меня.

— Если бы ты мне тогда не рассказал о серийных убийцах, может, я и поступил бы так, как ты говоришь. Но все дело в том, что она пропала с улицы Сакко и Ванцетти, которая примыкает к железнодорожному вокзалу. Изучи эти материалы, прикинь, может этот случай ляжет в твою схему исчезновения женщин.

— Хорошо. Задачу я понял.

— Тогда иди, работай. Постарайся, разобраться в этом случае.

Я направился к себе в кабинет. Сев на свое место, посмотрел на ребят, которые внимательно смотрели на меня. Они по всей вероятности ожидали от меня какой-то реакции на действия начальника отделения.

— Ну и что тебе сказал начальник управления? — не выдержав затянувшейся паузы, поинтересовался у меня начальник отделения.

— А что он должен был мне сказать? — вопросом на вопрос ответил я ему.

Мой вопрос обескуражил его. По его лицу было хорошо заметно, что он в полной растерянности и не знает, как вести себя дальше.

— Ты не обижайся, но мы здесь посоветовались с ребятами и решили обратиться к руководству управления и попросить, чтобы тебя перевели на работу в другое подразделение.

— Почему вы говорите во множественном числе? «Мы здесь посоветовались с ребятами»... Интересно, с какими ребятами вы советовались? То, что я не устраиваю Козина и вас, я знаю давно, но причем здесь ребята?

Он замолчал и, взглянув на меня из-под нахмуренных бровей, продолжил.

— Ну, хорошо. Пусть будет так, как ты хочешь. Да, это мы решили с Козиным, разве это что-то меняет? Разве мало того, что мы не хотим с тобой работать?

— Наверное, не мало. Ну, и что вам сказал начальник управления? Какое он принял решение?

— А разве он тебе сейчас не сообщил о своем решении?

— Нет. Он вызвал меня и дал мне новое поручение. Так что пока мой перевод в другое подразделение откладывается на неопределенное время.

Я посмотрел на него и, подняв телефонную трубку, стал звонить в УВД города Казани. Краем глаза я видел, как вытянулось лицо Козина, а начальник отделения пулей пролетел мимо моего стола и исчез за дверью кабинета.

* * *

Сидя в кабинете сотрудника уголовного розыска, я листал розыскное дело. Я хорошо понимал, что за два дня невозможно наработать много материала, и поэтому изучение дела не заняло у меня много времени.

Отложив в сторону дело, я поднял глаза на оперативника, сидящего напротив меня.

— Кто первый обнаружил отсутствие девочки?

— Там же все написано. Неужели вы не прочитали? Первой ее отсутствие заметила бабушка.

— Давай без нервов. Ты сам отбирал у нее это объяснение?

— Да, я.

— Тогда поясни мне, где была бабушка в момент исчезновения внучки? В твоей объяснительной записке об этом не сказано ни слова!

— Может быть, я тогда не записал это потому, что она в устной форме мне все это рассказала.

— Вот и ты мне тогда устно расскажи, а то я не совсем разобрался в твоей записке.

Он обиженно дернул плечами. Сделав небольшую паузу, он приступил к докладу.

— В этот день бабушке принесли пенсию, вот она и решила быстро сходить на колхозный рынок и купить продуктов. Ее внучка была дома, она отказалась пойти с ней на рынок. Со слов бабки, она отсутствовала около двух часов. Когда пришла домой, то внучки дома уже не было. Она посчитала, что девочка ушла играть к своей подруге, которая живет в соседнем доме, и не придавала особого значения этому отсутствию. Приготовив обед и не дождавшись возвращения внучки, она пошла к ее подруге. Однако квартира подруги оказалась закрытой. Постояв около закрытой двери, она вернулась к себе, посчитав, что девочка ушла куда-то гулять вместе со своей подружкой. Около пяти часов вечера она увидела ее подружку во дворе своего дома, та играла с ребятами из их двора. Спустившись вниз, она поинтересовалась у нее насчет внучки, но та сказала, что Вера к ней сегодня играть не приходила и что она видела Веру с каким-то незнакомым ей дяденькой. Этот дяденька вел ее за руку в сторону железнодорожного вокзала. Девочка была спокойной и не пыталась вырваться из рук этого мужчины.

— погоди, у меня к тебе еще один вопрос. С кем она проживала?

— Она проживала в неполной семье. Когда ей было всего пять лет, ее отец оставил семью и ушел к другой женщине. Со слов бабушки, он проживает где-то в Удмуртии и имеет двоих детей. За все это время он приезжал к ним всего один раз, когда Вера пошла в первый класс. Больше он к ним не приезжал.

— Вы установили его место жительства?

— По данным адресного бюро МВД Удмуртии, он на территории республики не прописан.

— Тогда почему вы утверждаете, что он живет в Удмуртии? Скажите, он вообще не прописан или выбыл из республики? Это разные вещи. Человек мог там проживать, а затем выехать за пределы республики. Если вы запросили только наличие прописки, то вам ответят, что он в прописке не значится.

Я посмотрел на него. По его лицу я сразу же догадался, что подобного запроса он не делал.

«Плохо, — подумал я. — Он явно не знает многих вещей, которые необходимы для организации розыска пропавших без вести».

Расценив мое молчание по-своему, он продолжил свой доклад.

— Мать девочки вернулась с работы в начале седьмого вечера. Пока они бегали по двору и искали девочку, прошло около двух часов. В десять часов вечера мать девочки обратилась к нам, в отдел милиции. Мы подготовили ориентировку и разослали ее во все подразделения милиции, проинформировали и железнодорожную милицию. Однако найти ее нам не удалось. Мы проверили все больницы, морги, но установить ее местонахождение, как видите, не удалось.

Он замолчал и посмотрел на меня, ожидая указаний.

— Вот что. Первое — подготовьте шифровку и направьте ее в МВД Удмуртии. Мне срочно нужны все сведения на ее отца. Когда и где был прописан, куда и когда был выписан. Пусть опросят всех там соседей, не видели ли его с ребенком.

Второе. Проверьте его на предмет судимости. Нам это пригодится, если мы начнем его розыск.

Третье. Ориентируйте все республики и области вокруг Татарстана. Пусть тоже подключатся к розыску и проверят ее по своим учетам. Ориентируйте еще раз отдел милиции на железной дороге. Пусть они переговорят с кассирами станций, обходчиками путей. Пусть дают не только словесное описание, но и показывают ее фотографию. Ведь она не могла просто раствориться в воздухе. Надо найти свидетелей и попытаться составить словесный портрет похитителя. Все это необходимо сделать как можно быстрее. Самое главное, постарайтесь опубликовать портрет этой девочки в местных газетах.

— Виктор Николаевич! Какие газеты? Вы что, с ума сошли? Да разве нам с вами позволят опубликовать фотографию в газетах? Во-первых, ни один главный редактор газеты не пойдет на это, а во-вторых, нужно все это согласовать с министром внутренних дел. Кто будет согласовывать? Я, например, даже к начальнику отдела с этим предложением не пойду, так как он сразу же скажет, что я ненормальный. Вы забыли о том, в каком обществе мы живем? Это у американцев все газеты пестрели бы этой фотографией, а не у нас. Спуститесь на землю! В нашем социалистическом обществе не может просто так пропасть человек, а особенно ребенок. Скажут: ищите, он потерялся или с ним произошел несчастный случай. У нас человек человеку друг, товарищ и брат.

Я посмотрел на оперативника. Он был абсолютно прав. Я действительно погорячился, говоря о газетах. Да, СССР не Америка... Он быстро записывал все мои указания к себе в блокнот, и когда он оторвал свой взгляд от блокнота, я сказал:

— Пока все. Я буду в министерстве. Кстати, вызови ко мне мать и бабушку этой девочки. Я хочу сам с ними поговорить.

Сергеев вернулся из Казани с девочкой лет одиннадцати, которую вел за руку. Мадина была на кухне, когда он зашел домой и устало сел на диван.

— Кто это девочка? — строго спросила она его. — Ты чего задумал? Тебе что, взрослых баб не хватает?

Он громко засмеялся, оскалив свои пожелтевшие от табака зубы.

— Может, ее пожалеть, а тебя пустить под нож? В тебе килограмм двадцать хорошего мяса будет!

Она укоризненно посмотрела на него и покрутила указательным пальцем у виска.

— Сегодня, когда возвращался из Казани, решил навестить свою старую подругу. Я с ней встречался перед второй судимостью. Позвонил в дверь, дверь мне открыла Вера. Она была дома одна. Мать ее была на работе, а бабушка ушла на рынок. Я с ней поговорил немного, представился ее дядей и предложил ей немного погостить у нас. Она очень обрадовалась этому приглашению и поехала со мной.

Он посмотрел в окно. Девочка беззаботно играла во дворе дома.

— Ты ее немного подкорми, а то она какая-то неаппетитная, худая.

Мадина посмотрела на играющую девочку. Та действительно была довольно худенькой и бледненькой. Она вышла на улицу и позвала ее в дом. Девочка вошла и остановилась в дверях.

— Дядя Леша! А мы скоро домой поедим? Меня, наверное, бабушка ищет, ругаться будет.

— Никто тебя ругать не будет. Я сказал твоей бабушке, что ты немного поживешь у меня. Так что иди играй, Вера, скоро будем обедать. Я тебя крикну.

Она вышла обратно на улицу и, усевшись под окнами дома, снова стала играть.

— Леха? Откуда у тебя девочка? — поинтересовался Белов, входя в дом. — Твоя, что ли?

— Тебе какая разница, кто она? Я как-то говорил тебе, чтобы ты поменьше вопросов задавал. Не люблю я людей, которые все время меня о чем-то спрашивают. Ты лучше расскажи, как ты устроился у этой бабы? Наверное, нет никакого покоя ни днем, ни ночью?

Задав последний вопрос, он сально ухмыльнулся.

— А что? Баба она вроде бы ничего. В доме все чисто и опрятно. Я вообще люблю чистоплотных женщин. А так, баба, как баба. Все при ней.

— Это хорошо. Я рад за тебя. Пить будешь?

— Нальешь — не откажусь.

Сергеев встал с дивана и направился в кухню. Через минуту он вернулся, держа в руке бутылку самогона и два граненых стакана.

— Мадина, принеси нам мяса закусить, — крикнул он сожительнице.

Она молча вышла из кухни и поставила на стол миску с мясом и свежими овощами.

— Может, и ты присядешь с нами? — предложил ей Белов.

— Ты что, Андрей, краев не видишь? Здесь я хозяин и только я могу пригласить ее за стол, а не ты. Ты у себя распорядись, а здесь не лезь не в свои дела.

— А что я особенного сказал?

— Вот и не говори ничего. Давай, поехали, — Сергеев поднял свой стакан.

Они молча выпили и стали закусывать мясом.

— Что у тебя за мясо? — снова спросил Белов у него. — На свинину не похоже, да и на телятину тоже. Вчера вечером баба подала мясо, говорит — телятина, но на твое мясо оно

почему-то не походит, вкус не тот.

— Это твоя баба готовить не умеет. Пусть учится, — рассмеялся Сергеев.

Белов ушел от Алексея в начале двенадцатого ночи. Он кое-как добрался до дома и, упав на кровать, моментально заснул.

* * *

Передо мной сидели две заплаканные женщины и наперебой рассказывали мне о том, какой хорошей была пропавшая девочка.

— Я до сих пор не могу поверить, что она могла с кем-то уйти из дома, — вытирая слезы, говорила мать. — Она дорогу одна боялась перейти, не то, чтобы куда-то уйти.

— Скажите, вы разговаривали с ее подружкой? Что она вам рассказала о мужчине, который увел вашу дочку? Вы не опознали в нем никого из своих знакомых?

— Да, я с ней разговаривала, но она ничего вразумительного сказать мне не могла. Она только все время твердила, что Вера ушла с каким-то мужчиной. Вы знаете, дети в этом возрасте часто фантазируют, придумывают разные истории. Я даже сама не знаю, верить этой девочке или нет? Дело в том, что я уже лет пять не встречаюсь с мужчинами, и у меня нет знакомых, которые вот так могли бы прийти к нам домой и увести девочку.

Сидевшая рядом с ней ее мать стала уверять меня, что это действительно так, и ее дочь не встречается с мужчинами.

— Скажите, а ее не мог увести ваш бывший муж? Что ни говори, но он ее отец.

— Да, что вы! У него от новой жены двое мальчишек, куда ему еще одного ребенка. Да если бы он захотел ее забрать, то он бы дождался кого-нибудь из нас и с нами бы решал этот вопрос. Несмотря на то, что он ушел из семьи, он бы так с дочкой не поступил.

— Подруга Веры говорит, что они направились в сторону железнодорожного вокзала. Скажите, у вас нет родственников, работающих на железной дороге или проживающих в населенных пунктах, которые расположены вдоль железной дороги?

Они замолчали, перебирая в памяти всех своих близких и дальних родственников.

— Вы знаете, я что-то не припомню ни одного родственника, который бы проживал где-то в районе железной дороги, да и родня-то у нас небольшая, ошибиться трудно.

Мы говорили довольно долго, однако каких-либо дополнительных сведений, которые могли бы помочь нам в розыске Веры, они мне не сообщили. Я проводил их до дверей министерства и направился обратно. Я вошел в свой кабинет и сел за стол. Честно сказать, я не знал, что мне делать дальше.

«Неужели, эта маленькая девочка стала очередной жертвой серийного убийцы?», — подумал я.

Однако я не мог поверить, что убийца так обнаглел, что вот так просто увел из-под нашего носа очередную жертву. Я поднял телефонную трубку, набрал номер отделения милиции в поселке Васильево и стал ждать. Наконец на том конце провода кто-то поднял трубку.

— Здравствуйте, МВД, Абрамов, — представился я. — Мне нужен участковый инспектор Гараев. Вы не могли бы пригласить его к телефону?

— Вы знаете, его нет. Он ушел в отпуск. Будет лишь через месяц.

— А кто вместо него?

— Лутфуллин, но его сейчас тоже нет. Позвоните утром, так будет надежней.

Я положил трубку и посмотрел на начальника отделения. На лице его была улыбка. Чем она могла быть вызвана, я так тогда и не понял. Его, по всей вероятности, мог рассмешить мой звонок в Васильево, так как он был против моей версии и считал ее ошибочной.

— Скажите, почему вы улыбаетесь? Я что-то сделал не так?

— Ты все делаешь не так. Ты сейчас делаешь все, чтобы подогнать любое исчезновение под свою версию. Там взрослые женщины, а здесь ребенок.

— Может, вы и правы, но я хочу до конца проверить свою версию и окончательно убедиться, верна она или нет.

— Давай, дерзай, — поднявшись из-за стола, он направился к выходу из кабинета.

* * *

Мадине очень понравилась эта маленькая и рассудительная девочка. Она часто, бросив все свои домашние дела, начинала играть с девочкой. Вера помогала ей по хозяйству как могла, подметала полы в доме, двор, кормила кур. Свежий воздух пошел ей на пользу, лицо девочки немного округлилось, а на щеках появился легкий румянец.

— Алексей, отвези девочку обратно в Казань. Зачем она тебе? Ты только посмотри на нее, какая она славная.

— Заткнись, — слышала она в ответ. — Я сам знаю, что мне с ней делать.

Однажды, заметив играющую во дворе девочку, около дома остановилась какая-то женщина. Она долго и внимательно рассматривала девочку, а затем, махнув рукой, направилась в сторону станции.

Утром Сергеев уехал в Казань. Она быстро убралась в доме и, взяв девочку за руку, пошла с ней поселок Васильево.

— Давай с тобой поиграем в дочки-матери, — предложила она. — Ты как будто будешь моей дочкой, а я твоей матерью. Давай?

— Хорошо, тетя Мадина, — ответила она ей.

В поселке они зашли в магазин, купили продуктов.

— Мама! — потянула ее за юбку Вера. — Купи мне шоколадку. Вон ту, маленькую.

Продавщица посмотрела на девочку и мило улыбнулась Мадине. Она купила ей шоколадку, и они вышли из магазина.

— Тетя, а у вас ребеночек есть? — спросила ее Вера, когда они возвращались обратно домой.

— Есть, — коротко ответила она на вопрос девочки.

— А скоро вы меня отвезете домой? Я очень соскучилась по маме и бабушке.

Она остановилась и снова посмотрела на девочку.

— Пошли на станцию. Я сама тебя отвезу к маме.

Она купила два билета до Казани и села на свободное место в зале ожидания. Мимо них стали проходить большие группы пассажиров, которые приехали из города на электричке. Неожиданно сидевшая рядом с ней девочка вскочила на ноги и устремилась навстречу пассажирам.

— Дядя Леша, дядя Леша! — радостно закричала девочка. — Меня тетя Мадина хочет отвезти обратно в Казань, к маме и бабушке.

Он обнял девочку и взял ее на руки.

— Тетя ошиблась. Это я завтра тебя отвезу в город, а сейчас пойдете домой.

Мадина встала со скамейки и попыталась нагнуть. Однако ноги от нахлынувшего на нее страха отказались повиноваться. Сергеев молча подошел к ней и, взяв ее за руку, тихо прошептал:

— Если ты сейчас не пойдешь со мной домой, я прямо здесь убью тебя.

Она посмотрела на него. Его глаза были наполнены гневом, от которого у нее по коже побежали мурашки. Она сделала несколько неуверенных шагов и молча поплелась вслед за ними.

Около дома их ожидал Белов. Он взглянул на Веру и, взяв Сергеева за локоть, потянул его в сторону. Они отошли метра на три от сожительницы, и Андрей, еще раз взглянув в сторону девочки, тихо, стараясь, чтобы она не услышала его, произнес:

— Ты знаешь, Леха, вся Казань пестрит фотографиями этой девочки. Менты на ушах, все ее ищут. Ты в курсе этого или нет?

— Не суетись и не ори. Я все знаю, — так же тихо произнес он.

— Если знаешь, тогда скажи мне, зачем она тебе? Хочешь еще один срок получить за нее?

Сергеев оттолкнул его и направился в дом.

* * *

Сергеев присел за стол, достал из-под дивана большой разделочный нож и стал на глазах девочки точить его на бруске.

— Вера! — крикнул он девочке.

Она подошла и молча встала напротив него.

— Ты скажи тете, что я убью ее, если ты и она не будете слушаться.

— Ты что, совсем сошел с ума? Ты чему учишь ребенка? — произнесла Мадина, выйдя из кухни.

— Заткнись, — крикнул он ей.

Она замолчала и снова вернулась на кухню. Вера стояла перед ним, не понимая, что происходит.

— Пойдем в спальню, — он положил свою тяжелую руку на загорелое плечо девочки.

— Дядя Леша, мне страшно, — тихо произнесла она.

— Не бойся, я ничего тебе не сделаю.

Он взял ее за руку и повел в спальню. Через минуту, до Мадины донесся крик девочки. Она выскочила из кухни и влетела в спальню. Сергеев, изнасиловав девочку на глазах сожительницы, схватил ее за ноги и ударил головой о некрашеную стену дома. Девочка потеряла сознание, а Сергеев взял в руки большой разделочный нож.

— Чего уставилась? — произнес он. — Тащи корыто!

Мадина вышла из дома и прошла в сарай. Она сняла с гвоздя оцинкованное корыто и вернулась с ним в дом. Перерезав девочке горло и спустив кровь, Алексей начал разделывать ее тельце.

— Чего застыла, давай таз для мяса. Радуйся, что я разделываю ее, а не тебя! Еще раз дернешься — тоже окажешься в этом корыте.

Остатки тела они сложили в холщовый мешок и вынесли во двор. Оглядываясь по сторонам, Алексей закопал мешок.

— Пожарь печень и сердце, — приказал он ей. — Остальное мясо разрежь на куски и положи в морозильник.

Она молча исполнила его указание. Убийство Веры потрясло ее больше, чем все другие убийства. Всю ночь она не спала. Перед ее глазами стояла эта маленькая худенькая девочка и тянула к ней свои тонкие ручки, словно просила защитить ее от смерти. Утром она встала и, собрав все свои вещи, ушла из дома.

Сергеев проснулся в начале десятого. Он открыл глаза. Его поразила тишина, стоявшая в доме.

— Мадина! — крикнул он. — Завтрак готов?

Ему никто не ответил. Он встал с кровати и заглянул на кухню. Она была пуста. Раздвинув занавески, он выглянул из окна во двор.

«Куда она делась? — подумал он, натягивая на голые ноги домашние тапочки. — Неужели вернулась к матери?»

Он прошел на кухню и включил газовую плиту. Поставив чайник, он направился в туалет. Умывшись, вернулся на кухню. Отсутствие женщины он ощутил сразу, так как уже давно отвык от домашней работы.

«Убью суку, — подумал он. — От меня просто так не уходят. Я бью дважды — один раз по голове, второй раз по крышке гроба».

Он открыл холодильник и долго смотрел на куски мяса. Не решившись достать его из холодильника, он взял три яйца, чтобы приготовить себе яичницу. Поставив сковороду на плиту, он вылил в нее яйца. Когда еда была готова, он сел за стол и начал завтракать.

— Леха? Ты дома? — услышал он.

Сергеев положил вилку и вышел из дома. Около ворот стоял Белов с сумкой в руках.

— Что тебе надо?

— Да так просто, заскочил поговорить. Зайти можно?

— Давай заходи, — Алексей открыл калитку.

Белов остановился в дверях и достал из сумки бутылку красного вина «Агдам».

— Может, отравимся? — он поставил бутылку на стол.

Сергеев молча посмотрел на него, открыл буфет, достал два граненых стакана.

— Разливай.

Белов разлил вино и, взглянув на хмурое лицо Сергеева, поднял стакан.

— Ну, поехали, — произнес он и, выпив, поставил стакан на стол.

* * *

— Леха? А где, твоя баба? — спросил его Белов.

— Я что-то не понял. Тебя это сильно волнует?

— Да нет. Просто спросил, — тихо ответил Белов, вдруг поняв, что для вопросов сегодня не самый удачный день.

Сергеев схватил со стола большой разделочный нож, которым он вечером разделявал худенькое детское тельце, и упер острие в горло Белова.

— Я тебя сто раз предупреждал, чтобы ты не задавал вопросов! Но ты, сука, видно, не

понял?! — прошипел он, все сильнее и сильнее давя на нож.

Острое стальное лезвие легко проткнуло кожу, потекла кровь. При виде струившейся по шее крови в глазах Алексея сверкнуло безумие. Белов даже не думал сопротивляться. Страх полностью сковал его. Он хорошо понимал, что сделай он хоть одно движение и Сергеев просто зарежет его. Он даже не почувствовал, как из его штанины потекла теплая моча, образовавшая большую лужу у его ботинок.

Внезапно Сергеев ослабил давление на нож и заглянул в глаза Белова. Что он там увидел — покорность, страх, громадное желание жить или что-то другое? Он убрал нож от шеи Андрея и сел за стол, положив нож рядом с собой.

— Иди, помойся и убери за собой мочу. Я не люблю этот запах с детства.

— Я сейчас все уберу, Леха. Минуточку подожди, — заикаясь, ответил Андрей.

Он вскочил со стула и исчез за дверью. Вскоре вернулся с ведром воды и тряпкой. Закатав рукава рубашки, он вымыл пол, снял с себя мокрые брюки и снова исчез за дверью. Через минуту он появился в доме, неся с собой детское оцинкованное корыто.

— Леха, можно я постираюсь? — задал он ему очередной вопрос, и снова испугался.

— Валяй, — коротко ответил ему хозяин. — Дома все равно никого нет. Пока не найду бабу, будешь ухаживать за мной. Если что, убью.

— Я все понял, Леха. Сейчас я стираю штаны. На улице тепло, они быстро высохнут.

Он поднял ведро с водой, чтобы вылить его в ванну. То, что он увидел на дне ванны, лишило его дара речи. На дне ванны лежал детский палец. Он поднял глаза и, встретив грозный взгляд Сергеева, осторожно вытащил его из ванны.

— Чего стоишь, словно истукан? Брось его собакам, они сожрут!

Андрей осторожно, словно нес не палец, а мину, которая могла взорваться у него в руках в любой момент, вышел из дома и кинул его собакам. Одна из собак схватила палец и моментально проглотила его.

Повернувшись, он вздрогнул. На крыльце дома стоял Сергеев и внимательно смотрел на него.

— Ну что, все понял? — спросил он у Белова. — Да-да, ты несколько раз ел человеческое мясо, и оно тебе нравилось. Ты такой же, как и я, хотя убивал этих людей я, а не ты. Если меня повяжет милиция, то тебе тоже хана. Ты соучастник этого преступления. Меня поставят к стенке, это точно, но рядом со мной будешь стоять и ты. Можешь бежать в ментовку и сдавать меня, но я скажу там, что убивали баб мы с тобой вместе. Ты не сможешь опровергнуть это, так что мы с тобой, друг, повязаны навечно.

Белов почувствовал, как по его спине потек холодный, липкий пот. Он посмотрел на Сергеева, на лице которого играла зловещая улыбка. Опыт, который он приобрел в тюрьме и на зоне, подсказывал ему, что он попал, вот так вот просто стал соучастником страшного преступления, и шансов соскочить у него нет. Сергеев был прав, он не сможет убедить следствие, что не принимал участия в убийствах этих женщин. Немного подумав, он принял доводы Алексея, улыбнулся и тихо произнес:

— Я с тобой, Леха. Тебе не придется одному гореть в аду, рядом с тобой буду я.

— Раз так, тогда пойдём, допьём, — Сергеев вошел в дом.

Прошло десять дней с момента исчезновения девочки. Все предпринятые нами попытки разыскать ее не увенчались успехом. Нам удалось разыскать отца девочки, но он тоже не знал, что случилось с его дочерью. Меня по-прежнему мучила одна догадка, но я никак не мог логически связать ее с основной моей версией — о возможной причастности серийного убийцы к исчезновению девочки.

Я снова вызвал к себе мать девочки, и мы долго сидели с ней у меня в кабинете, перебирая всех ее знакомых и родственников.

— Поймите, этот человек пришел к кому-то из вас, к вам или к вашей матери. Он хорошо знал кого-то из вас и смог убедить вашу дочку в том, что он ваш родственник, и поэтому ему удалось увести ее из дома. Он не боялся встретиться с соседями и бабушкой, так как всегда мог оправдаться перед ними. Я вас прошу, ну вспомните всех ваших родных и знакомых. Я не думаю, что среди них так много мужчин, что вы не можете назвать их по фамилиям и именам.

Она задумалась и стала перечислять мне их фамилии и имена. Я сидел и молча записывал. Их оказалось не так уж и мало.

— Вот видите, сколько у вас знакомых мужчин. А ваша мама все убеждала меня, что вы ни с кем не встречались последние пять лет.

Мать девочки покраснела.

— Извините, я не хотел вас обидеть. Вы взрослая женщина и в этом нет ничего особенного. Скажите, у вас нет фотографий этих людей?

— Нет, — коротко ответила она. — Я никогда не просила их, чтобы они подарили мне свое фото.

— Ничего, мы найдем их фотографии. Я рассчитываю на то, что ее подружка все же сможет опознать кого-нибудь из них по фотографии. Это хоть и маловероятно, но я все же не теряю надежды. Посмотрим, что у нас получится, — сказал я и встал из-за стола, давая ей понять, что разговор окончен.

— Виктор Николаевич, у меня осталась только одна надежда — на вас. Найдите мою девочку!

— Если она жива, то я постараюсь найти ее, — пообещал я, пропуская ее вперед.

Я проводил ее до дверей министерства и направился к себе в кабинет.

— Абрамов! Ты что не здороваешься? — услышал я голос у себя за спиной.

Я оглянулся и увидел начальника пятого отдела КГБ Александра Глухова, который направлялся в мою сторону.

— Здравствуйте, — я протянул ему руку.

— Здравствуй.

Несмотря на небольшой рост и мелкие черты лица, делавшие его похожим на женское, рукопожатие было крепким. Заметив мое удивление, он, улыбаясь, произнес:

— Внешность обманчива. Иногда за привлекательной внешностью скрывается жестокий и циничный человек.

— Это вы про себя?

— Я пошутил, Абрамов. Что у тебя нового по девочке?

— Пока ничего существенного. Проверяю всех мужчин из числа знакомых мамы.

— Я не думаю, что это сделал нормальный человек. Вот сам подумай, для чего это нормальному человеку? Заставить мать поволноваться?

— Не знаю. Мне тоже не совсем ясен мотив.

— Мне Юрий Васильевич как-то рассказывал о твоей версии, о серийном убийце, который охотится на женщин и убивает их. Скажи, девочка ложится в эту схему?

Я улыбнулся.

— Но похитили же не мальчика, а девочку.

— А ты можешь поделиться со мной твоими мыслями о серийных убийцах? Как ни странно, меня заинтересовало.

— Ну, мои мысли — это громко сказано. Я пользовался результатами исследований целого ряда зарубежных криминалистов и психологов.

— Тогда это еще интереснее. Я с удовольствием послушаю тебя.

* * *

— Вы знаете, что маньяки — это не только серийные убийцы. Если говорить об убийствах, о нападениях на людей и насилии вообще, то все они могут не только нападать на людей, но и неделями отслеживать свои будущие жертвы. Иногда они действуют чисто импульсивно, без всякого плана. Просто увидел человека и все. Их действия иногда не подпадают под нормальную логику. Они действуют так, как будто ничего особенного не совершают, часто даже не скрывая этого от других людей. Все зависит от мании.

— погоди, ты считаешь, что этот человек мог просто так увидеть ребенка, его заклинило в этот момент, и он увел его. Ему просто захотелось убить, и для него уже было не столь важно, кто перед ним стоит.

— Я ничего не утверждаю и не считаю. Об этом пишут криминалисты и психологи.

— Я слышал, что маньяками часто становятся «недолюбленные» дети?

— Ученые считают, что мотивами к совершению убийств не всегда становится стремление «отомстить» за свое поруганное или изломанное детство. Они не всегда убивают людей, похожих на его маму или злую жену. Это было бы очень просто. Чаще всего их мотивы — это различные варианты вполне определенного садизма, ставшего частью той или иной мании.

Как правило, любой маньяк — это наиболее униженный член общества, но не столько бывший таким в детстве, сколько ставший таковым в своей взрослой жизни. Это именно взрослый, которого никто не замечает и всерьез не воспринимает, который не знает, как достичь ощущения своей значимости. Только изнасиловав или убив человека, он ощущает свое превосходство. Ради этого «самоутверждения» он убивает ни в чем не повинных людей, испытывая пьянящее чувство своего превосходства над ними, ведь это он решает, жить этому человеку или нет.

Глухов загасил сигарету и потянулся за новой.

— Спасибо. Очень интересно, но не ново. Я про это уже слышал. Скажи, Абрамов почему ты считаешь, что этот самый маньяк проживает где-то в районе станции Васильево?

— Да, я до сих пор так считаю. Ведь это не такой большой поселок и его можно было отработать довольно быстро и эффективно. Но, как ни странно, мне никто не верит и все считают, что никакой связи между исчезновениями женщин, а тем более привязки исчезновений к поселку Васильево, не имеется.

— Понятно. Я доложу своему руководству. Может мы тебе чем-то в этом вопросе и поможем. Ты знаешь, у нас тоже есть возможности в этом деле.

— Спасибо. Буду надеяться на вашу помощь.

— Если я тебя правильно понял, ты, похоже, хочешь поехать в Васильево и поискать девочку там?

— Да. Я завтра поеду в Васильево. Может, повезет, и я что-то узнаю о девочке.

— Удачи тебе.

* * *

На следующий день с разрешения Костина я выехал в поселок Васильево. Накануне вечером прошел сильный дождь, который оставил после себя много больших и глубоких луж, в которых, распушив крылья, купались голуби.

Я зашел в первый магазин, который находился не так далеко от станции. Поздоровавшись с миловидной продавщицей, я протянул ей фотографию Веры.

— Посмотрите, пожалуйста. Вы случайно не видели эту девочку?

Продавщица взяла в руки фотографию и сразу же вернула ее мне.

— Нет. Этой девочки я здесь не видела. Скажите, это правда, что вы разыскиваете ту девочку, которая две недели назад пропала в Казани? Говорят, что ее прямо из дома увел какой-то мужчина?

— Правда, — коротко ответил я ей. — Скажите, как вы работаете? Посменно, неделями, а затем меняетесь?

— Неделями, — ответила продавщица. — Подождите минуточку, моя сменщица здесь, сейчас я ее приглашу к вам. Может она вам чем-то поможет?

Она скрылась в подсобном помещении. Прошло минут пять, если не больше, из подсобки вышла продавщица в сопровождении своей сменщицы. Я снова достал из кармана фотографию девочки и протянул ее сменщице.

— Может, вы случайно видели эту девочку? Она пропала две недели назад.

Женщина осторожно, словно боясь ожечься, взяла в руки фотографию и сразу же положила ее обратно на прилавок. По ее реакции я моментально понял, что ей знакома эта девочка.

— Нет. Я не видела эту девочку, — тихо произнесла она и покосилась на свою подругу по работе. — Сами знаете, народу за день заходит много, разве всех запомнишь.

Она еще раз с опаской взглянула на фотографию и отвела взгляд в сторону.

— Нет так нет. Не приведи Господь, чтобы у вас кто-нибудь пропал, а особенно ребенок. Вы знаете, в чем главная трагедия в исчезновении этой девочки? Вы не поверите, но это наше равнодушие. Кто-то ее увел прямо из дома, с кем-то этот человек ехал в транспорте, держа девочку за руку. Их видели десятки, а может и сотни людей, но всем им сейчас не до судьбы этой девочки. Проще сказать — «я не знаю» или «я ничего не видел», ведь это чужая девочка, а не твоя. Просто не понимаю, как могут после этого жить эти люди. Ведь от их сознательности зависит жизнь этой девочки.

Я взял фотографию и направился к выходу из магазина.

— Мужчина! Погодите! — окликнула меня сменщица.

Я остановился в дверях и обернулся.

— Погодите! Я видела эту девочку неделю назад. Она с какой-то молодой женщиной заходила в наш магазин. Я тогда обратила на нее внимание. Мне показалось, что девочка

русская, а женщина — татарка. Девочка попросила купить ей шоколадку и та купила. Потом, насколько я помню, они пошли в сторону железнодорожной станции.

— Скажите, а вы раньше видели здесь эту женщину? Она ваша, местная?

— По-моему, я ее где-то встречала. Может быть, она живет в нашем поселке или работает здесь, в санатории. Но точно не скажу.

— Вы можете ее описать?

— Не знаю. Я ее особо не рассматривала.

— Может, вы завтра подъедете к нам в МВД? С ваших слов художник постарается нарисовать портрет этой женщины.

Мое предложение, похоже, не обрадовало ее. Ехать в Казань ей явно не хотелось.

— Я вас очень прошу, помогите нам.

Поколебавшись с минуту, она согласилась. Мы быстро договорились о времени встречи, и я вышел из магазина. Больше в этот день мне не удалось ничего узнать. Но и то, что мне все-таки удалось напасть на след девочки, было большой удачей.

* * *

О результатах поездки я доложил начальнику управления уголовного розыска. Выслушав меня, он почему-то улыбнулся.

— Ты знаешь, Виктор, у тебя у самого, похоже, возникла навязчивая мания, что все эти исчезновения связаны с поселком Васильево. Я теперь уже начинаю бояться, что очередное громкое исчезновение какой-нибудь женщины ты снова свяжешь с поселком Васильево.

— Юрий Васильевич, все мои выводы сделаны не на пустом месте. Обо всех показаниях свидетелей я вам докладывал. Я отлично понимаю, что вам, а особенно прокуратуре, нужны трупы, чтобы возбудить уголовные дела. Однако для того чтобы найти трупы этих женщин, нужно их искать. Преступник прячет эти трупы, он не хочет, чтобы мы их нашли. Я один не в состоянии прочесать весь этот район, а Зеленодольский отдел милиции вообще не хочет ничего делать в этом направлении, они просто занимаются отписками.

— Я не снимаю тебя с этого дела. Работай, может тебе и повезет. Единственное, о чем я тебя прошу — больше никому не рассказывай о маньяке. Тебе уже один раз сказал об этом прокурор и я сейчас с ним полностью согласен. Мы живем в другом мире, это не Америка. У нас нет и не может быть того, о чем ты всем рассказываешь. Так что иди, работай. Если что, докладывай.

Первое, что я увидел, когда вошел к себе в кабинет, была большая кипа розыскных дел, лежавшая у меня на столе.

— Хватит, Абрамов, валять дурака и пудрить мозги руководству управления рассказами о серийном убийце. Спустись на землю. Вот дела, давай изучай, пиши указания. Я посмотрел на начальника отделения. Он еле сдерживался, чтобы не улыбнуться.

— Вот тебе и привет, товарищ Абрамов, от начальника отделения. Ты забыл одну старую истину, что с начальниками спорить и ругаться бесполезно, наживешь лишь одни неприятности. Ты не смотри, что дел так много. Хватит, ты слишком много времени занимался не тем, чем должен.

— Хорошо. Я все понял, товарищ начальник. За все нужно платить.

Я посмотрел на Козина. Тот явно был доволен решением своего начальника.

Я проснулся и, открыв глаза, пытался понять, где я.

Мне снова снился все тот же сон — что меня преследует группа моджахедов. Я снова бежал по этим голым камням в надежде где-то укрыться. Пули высекали снопы искр, ударяясь в громадные валуны, и с воем уходили куда-то вверх. Наконец я упал среди камней и почувствовал, что уже не могу бежать. Я положил свой автомат на камень и отстегнул магазин. Достав из него патрон, я положил его в карман куртки.

— Это мой, — подумал я.

Они лезли со всех сторон, их бородатые лица мелькали за камнями. Я стрелял до тех пор, пока в автомате были патроны. Положив рядом с собой автомат, я достал из кармана куртки блестящий патрон. Он сверкал на солнце, как золотой. Я зарядил автомат и упер ствол дулом под подбородок. Из-за камня показалась голова моджахеда. Он встал в полный рост и, держа автомат наперевес, направился в мою сторону. Присмотревшись, я узнал в нем своего начальника отделения. Вдруг все это исчезло, я по-прежнему лежал среди камней один, и только ветер где-то завывал, словно шакал. Я посмотрел на свой автомат, из ствола которого почему-то шел легкий дымок, и с ужасом подумал, что теперь у меня не осталось ни одного патрона. От этой страшной мысли, я хотел закричать, но голоса не было.

Окончательно проснувшись, я поднялся с кровати и направился на кухню. Вскипятив чайник, налил себе бокал чая. Я сидел за столом и по-прежнему был во власти своего сна.

«Надо же такому присниться, — подумал я. — Мой начальник и вдруг моджахед».

Я невольно улыбнулся. Весь остаток ночи я провел на кухне. Сидя на жестком табурете, я пытался разобраться, что могло связывать пропавших женщин и эту маленькую девочку, почему их пути сходились в поселке Васильево. Я отлично понимал, что связь существует, и скорее всего эта связь — один человек, проживающий или работающий там. Если с женщинами было все относительно ясно, то с исчезновением девочки было абсолютно непонятно. Неясно было одно — как он мог зайти к ней домой и увести ее? Откуда он мог знать, что она одна дома, не мог же он следить за ее матерью и бабушкой? Я искал ответа, но никак не мог найти.

Я и не заметил, как рассвело, из-за крыши соседнего дома показалось яркое летнее солнце. Приняв душ и чисто побрившись, я начал собираться на работу.

— Виктор, ты куда в такую рань? — спросила меня жена.

— На работу. У меня много работы и я решил поработать с утра, пока в кабинете никого нет.

Она встала и быстро приготовила мне завтрак. Через полчаса я уже шел по улице Вишневого в сторону парка имени Горького. Солнце, которое еще час назад так ласково заглядывало ко мне в окно, исчезло за большой, темной тучей. Стало как-то неудобно.

«Вот так в жизни и бывает, что даже такое могучее, сильное светило может закрыть маленькая серая тучка», — подумал я.

Сев в трамвай, я быстро доехал до Ленинского сада и направился в министерство.

— Леха, а Леха! У нас после вчерашнего что-то осталось или нет? Умираю...

— А хрен его знает... Встань, посмотри. У нищих слуг не бывает.

Белов пересилил себя и медленно поднялся с грязной простыни, которой был застлан диван. Он нагнулся и стал перебирать пустую посуду из-под водки и вина, которая скопилась у них под столом за эти десять суток.

— Ну что, нашел? — поинтересовался у него Сергеев.

Андрей что-то промычал в ответ. Он поднялся с колен и поставил на стол бутылку с остатками водки.

— Кажется, что-то есть, — ответил он, еле ворочая пересохшим языком. — Давай, вставай, отравимся.

Сергеев поднялся с кровати и, шатаясь и опираясь рукой о стену, направился к столу, заваленному остатками вчерашней трапезы. Сев за стол, он разлил водку по стаканам. Они молча выпили и стали закусывать.

— Леха, тебе нужно срочно найти бабу, чтобы она следила за домом.

— А почему не тебе? — спросил его Сергеев.

— А потому, что у меня, в отличие от тебя, нет дома. Хочешь, я познакомлю тебя со своей двоюродной сестрой? Ей двадцать три года, молодая справная баба. Правда, немного крикливая, а так ничего.

— Слушай, Белов. А что это она в такие годы сидит дома? Потому что не нужна никому?

— Почему не нужна? Она была замужем, но они расстались.

Алексей почесал затылок и, взглянув на хаос, творящийся в его доме, произнес:

— А что? Я даже не против. Вези ее сюда, посмотрим. Ты правильно заметил, дом без бабы, как без дверей.

— И я про то. Самое главное, она умеет держать язык за зубами. Ее хоть убивай, слова из нее лишнего не вытянешь.

— Это хорошо. Ты сам знаешь, что я не люблю людей, которые суют свой нос в мои дела. А я ей понравлюсь?

— А что? Ты мужик видный. Ля-ля травить умеешь. А это самое важное для баб. Эту мужики баб любят глазами, а бабы ушами.

Сергеев взял в руки бутылку и опрокинул ее над стаканом. Бутылка была пустой.

— Когда привезешь?

— Могу и сегодня. Сейчас немного оклемаюсь и рвану в Казань.

— Хорошо. А сейчас сходи в сарай. Там под тазом должна лежать бутылка с самогоном. Тащи ее сюда.

Белов моментально исчез за дверью. Вернулся он через минуты две с бутылкой. Он поставил ее на стол, а сам присел рядом с Сергеевым.

— Леха, может, котлет наделаем? Мясо же есть, а то надоели все эти консервы.

— Что, не нравится здоровая пища? Сейчас вся страна их жрет и молчит, а тебе вдруг надоело?

— Да я так, к слову. Если мясо сейчас не сожрать, то оно испортится. Что жалеешь? Да и бабе будет приятно, когда ты ее мясом угостишь. Баба — она же тоже человек, и вкусно пожрать тоже хочет.

— Баба не человек, а корова. И ты этого никогда не забывай. Не они нас жрут, а мы их. И право выбора у нас, а не у них. Разливай.

Белов разлил самогон по стаканам. Они снова выпили. Белов подошел к холодильнику, достал из него большой кусок мяса и положил его на блюдо.

— Леха, ты мне денег на билет до Казани дашь?

— Белов, откуда у меня деньги? Тебя, похоже, сдали вовремя, но с большими недоделками. Что, без денег не сможешь доехать до Казани?

— Все понял. Нет, так нет. Поеду, как обычно.

— Вот и вали в город. Я сам здесь наведу порядок. А ты без бабы не возвращайся.

Они допили самогон. Белов умылся и пошел на станцию.

* * *

Было около восьми часов вечера, когда в дом к Сергееву вошел Белов. Он был не один, вместе с ним была молодая женщина, про таких женщин, как она, в народе говорят — кровь с молоком. Она была чуть выше среднего роста, гладко зачесанные назад волосы были сплетены в толстую косу.

— Лида, — коротко представилась она Сергееву.

— Алексей, — ответил он и, немного смутившись, пригласил ее пройти в дом.

— Да, грязновато у вас мальчики. Сразу чувствуется отсутствие женской руки. Ничего, я сейчас мигом наведу здесь порядок.

Она, закатав рукава платья, попросила выйти их из дома. Пока они курили, сидя на завалинке дома, она быстро вымыла пол и, собрав пустые бутылки в коробку, выставила ее на улицу.

— Что вам приготовить из мяса? — спросила она Сергеева.

— Да Андрей хотел котлет, — ответил ей Алексей. — Может, вам чем-то помочь?

— Что у меня, рук нет? Сама могу все сделать. Скажите, вы правда бывший преподаватель? Мне Андрей рассказал, что вас бросила жена, что ваша молодая любовница, чтобы завладеть вашей квартирой, упрятала вас за решетку?

Алексей посмотрел на Белова так, что у того по коже пробежали мурашки.

— Эх, Андрей, Андрей. Вот и доверься человеку. Недаром говорят, если рассказать все Андрею, то об этом узнает и свинья.

— Да вы не обижайтесь. Он мужик хороший, болтун только.

— Вот и я об этом говорю. Вот видите, вы все про меня знаете, мне вам даже рассказать нечего.

Она скрылась за дверью. Сергеев схватил Белова за лацканы пиджака и подтянул его к себе.

— Что ты еще ей про меня рассказал? Может, рассказал и о мясе? Смотри, Андрей, не заиграйся.

— Да ты что, Леха? Я же только так, чтобы возбудить в ней интерес к тебе и не более. Не мог же я сказать ей, что ты просто охранник?

Сергеев разжал кулаки и освободил лацканы пиджака. Белов отошел в сторону и пробубнил себе под нос:

— Вот и делай людям добро.

Они выкурили еще по одной сигарете, прежде чем Лидия позвала их в дом. Они вошли в комнату. За час она сотворила просто чудо. Дом снова заблестел чистотой, а из кухни до них

доносился запах жареного мяса.

— Давайте, мальчики, садитесь за стол.

Они вымыли руки и прошли в комнату. Сергеев достал из холодильника бутылку водки и поставил ее на стол. Разлив водку, он предложил выпить за женщину. Выпив, стали закусывать жареным мясом.

— Леша, ты где покупаешь такое классное мясо? — спросила она.

— Места нужно знать, — уклончиво ответил он. — Нравится?

— Да. Только не пойму, что это. Телятина, молодая свинина?

— Ни то, ни другое. Это человечина.

Рука Лиды дрогнула. Она положила мясо обратно в тарелку и посмотрела на Сергеева.

— Ты, ешь, ешь. Это я так пошутил, — сказал он и снова налил всем водки.

Она натянуто рассмеялась и, взяв кусок мяса, положила его в рот.

— Ну, у вас и шутки, Леша. Я сначала и не поняла, серьезно вы говорите или нет.

— Вот такой я шутник. Живу один, словно бобыль, если бы не вы, то покрылся бы мхом, — сказал он и громко рассмеялся.

Не стесняясь Белова, он положил свою большую и сильную руку на колено Лиды. Она молча посмотрела на него, но убирать руку с колена не стала.

* * *

Они проснулись утром в одной кровати. Пока он нежился в постели, Лида хлопотала на кухне, готовя ему завтрак.

— Леша, ты знаешь, что у нас заканчивается мясо?

«У нас, — скептически подумал он, вспоминая ночь, проведенную с этой молодой женщиной. — Не, Мадина в постели намного лучше нее».

— Леша, давай вставай, хватит разлеживаться. Кто рано встает, тому, говорят, Бог подает.

«Бог здесь только один, это я», — снова подумал он.

Он стал с кровати и в трусах и майке направился на кухню. За газовой плитой стояла Лида и жарила оладьи. Он подошел сзади и обнял ее. Рука его медленно скользнула с шеи на пышную грудь.

— Отстань, — довольно жестко произнесла она. — Что, тебе ночи не хватило? И так всю ночь издевался надо мной.

— Ты что, Лида? Ночью я тебя любил, а не издевался.

— Если ты это называешь любовью, то мне такая любовь не нужна. Я думала, что встретила ученого человека, романтика, а ты оказался кобель кобелем.

— Так это у меня от природы. Ее, Лида, учеными степенями не спрячешь. А что, тебе не понравилась?

— Я не об этом. Я не люблю, когда меня хватают тогда, когда я этого не хочу.

Они сели завтракать. Рука Сергеева привычно скользнула под стол и достала бутылку водки. Из шкафа он достал два стакана. Он молча разлил водку и поднял стакан.

— За здоровье, — он опрокинул водку в рот.

Поставив пустой стакан на стол, он посмотрел на Лиду, которая даже не прикоснулась к стакану.

— А что не пьешь? — тихо спросил он. — Запомни только одно, что ты должна делать лишь то, что я тебе разрешаю. Ты поняла это?

— Что ты мне указываешь, что мне делать, а что нет? Если я тебе не нужна, так и скажи.

Сергеев промолчал, хотя внутри него все встало дыбом. Эта женщина чем-то напоминала ему одну из сестер, такую же сварливую и дюже вредную. Чтобы сдержаться, он встал из-за стола и вышел на улицу. Вслед за ним из дома вышла Лида. Взглянув на курившего на завалинке Алексея, она сунула ему в руки авоську.

— Хватит курить, сходи в магазин и купи хлеба.

Сергеев взял авоську и пошел в магазин. Купив хлеб, на выходе из магазина столкнулся с Беловым.

— Ну и как, молодожен? — поинтересовался он у Сергеева. — Все нормально?

— Да пошел ты вместе со своей родственницей. Теперь я понял, почему она одна.

— И почему?

— Ее проще убить, чем жить с ней всю жизнь. Так хоть отсидишь и выйдешь, а то дом — как тюрьма. Я сегодня поеду в город. У меня пустой холодильник, нужно мясо. Так что ты, Андрей, подходи ко мне часов в девять вечера, будет нужна твоя помощь.

— Базара нет. Буду в девять, — Белов прошмыгнул мимо него в магазин.

Сергеев пришел домой и, выложив купленные им продукты на стол, начал собираться.

— Это ты куда собрался? — спросила его новая сожительница.

— Хочу съездить в Казань. Там у меня дела.

— Я тоже хочу съездить в город, нужно забрать кое-какие вещи. Может, поедем вместе?

— Нет, не могу. Мне нужно ехать сейчас.

— Давай, езжай. Я тогда поеду после обеда. Сейчас поставлю варить суп, когда он сварится, тогда и поеду.

— Дело твое.

* * *

Сергеев шел по вокзалу, пристально вглядываясь в лица женщин. Многие из них были с детьми, и на их лицах трудно было что-то прочесть, кроме усталости. Наконец, его взгляд остановился на молодой женщине. Она сидела на жестком сиденье и дремала. Глаза ее были закрыты, рот приоткрылся. Оглянувшись по сторонам, он присел рядом с женщиной и осторожно толкнул ее локтем. Та открыла глаза и молча посмотрела на него.

— Что нужно? — спросила она. — Ты из милиции?

— Разве я похож на мента? Просто задел случайно. И давно ты здесь чалишься?

Она старалась угадать, что нужно этому человеку от нее.

— Говоришь, что не мент, а задаешь ментовские вопросы.

— Слушай, давай я отгадаю, откуда ты, — предложил он ей. — Глядя на тебя, я сразу же понял, что ты недавно откинулась с зоны. Раз ты на вокзале в Казани, значит, отбывала свой срок в Пановке. Угадал?

Женщина улыбнулась, показав прокуренные желтые зубы.

— Дай закурить. Ты, похоже, тоже из зеков? Я смотрю, ты мужик тертый. Чем пытаться женщину, лучше бы угостил красненьким вином. У меня голова раскалывается с похмелья.

— А почему бы и не угостить? Ты, наверное, здесь все точки знаешь. Давай, веди!

Она поднялась с сиденья и медленно направилась в сторону перрона. Следом за ней, на расстоянии нескольких метров, шел Сергеев. Он иногда бросал взгляд по сторонам, боясь встретиться с кем-то из знакомых. После убийства Верочки он стал вести себя осторожнее. Он не хотел, чтобы его видели с этой женщиной.

Она подошла к запасному выходу привокзального ресторана и стала громко стучать в дверь. Через некоторое время дверь приоткрылась, в дверях показалась женщина, одетая в белый халат.

— Ты что ломишься? Хочешь, чтобы я вызвала милицию? — закричала она. — А ну, отойди от двери!

— Ты что орешь, словно рожает? Давай, вызывай ментов, посмотрим, что они мне сделают!

Женщина замолчала и посмотрела на нее.

— Что нужно?

— Дай два флакона красненького.

— Что значит «дай»? Дашь деньги, тогда и дам. Милостыню я не подаю.

Женщина молча посмотрела на Сергеева. Он достал из кармана деньги и молча протянул их женщине в халате. Та быстро схватила деньги и исчезла за дверью. Прошло минут пять, прежде чем она снова появилась в дверях.

— Вот, возьми, — она сунула ему в руки две бутылки «Агдама».

Сергеев посмотрел на свою новую знакомую.

— Куда пойдём пить?

Она молча показала рукой в сторону пляжа «Локомотив» и направилась в ту сторону.

«А она ничего, если ее хорошенько отмыть, — подумал он, наблюдая за ее походкой. — Ничем не хуже Лидки».

Они пересекли железнодорожные пути, женщина остановилась и предложила присесть под кустами. Сев на траву, Алексей начал открывать бутылки с вином.

— Тебя как звать? — спросил он женщину.

— Люба, — ответила она. — А тебя?

— Алексей. Ты откуда родом? Давно бичуешь?

— Я местная. Пока сидела, мать умерла. Брат не пустил домой, говорит, что у него семья и мне здесь не место.

— И что ты решила? Как думаешь жить дальше?

— Не знаю, пока не решила. Может, завербуюсь куда-нибудь, а пока лето, можно и на вокзале спать.

— А родственники как на это смотрят?

— Им не до меня. Я кусок отрезанный.

— Если хочешь, то поехали со мной. У меня дом в Васильево, места хватит. Кстати, я хорошо знаю местного начальника отделения милиции. Поговорю с ним, поможет сделать тебе паспорт. Я недавно помог своему корешу. Мы вместе с ним отбывали срок на «двойке». Сейчас работает на швейной фабрике в Зеленом Доле.

Люба посмотрела на него как на инопланетянина.

— Ты шутишь? Сейчас поимеешь меня и поминай как звали? Зачем я тебе?

— Дело твое. Хотел тебе помочь, не хочешь, не надо. Помогла бы моей жене на огороде. Она у меня больная, работать не может.

— Вот с этого и начинал бы, что нужен работник. А то гоняешь порожняки. Я уже давно никому не верю, ни ментам, ни таким, как ты.

— Ну, поедешь со мной?

— Давай выпьем, а потом поговорим.

Они чокнулись бутылками и стали пить вино.

* * *

Люба умерла быстро, даже не почувствовав боли. Сергеев и Белов приподняли женское тело и повесили его на крюки. Привычно орудуя большим и острым ножом, Алексей быстро разделявал труп. Он бросал большие куски мяса в большой эмалированный таз. Когда тот наполнился еще теплым мясом, они сложили кости в большой холщовый мешок и вынесли во двор. Осмотревшись и не заметив ничего подозрительного, они быстро закопали кости в заранее подготовленной яме. Пока Белов закапывал кости, Сергеев вернулся в сарай и вышел оттуда, держа в руках отрубленную женскую голову. Он положил ее на землю и несколько раз ударил по ней обухом топора. Как-то, еще в тюрьме, он прочитал в одной из книг, что ученые могут воссоздать прижизненный образ человека по черепу, поэтому, когда под ударами топора с хрустом сломались кости черепа, он успокоился. Теперь ни одному ученому не удастся сделать это. Он взял в руки штыковую лопату и, вырыв небольшую ямку, бросил туда женскую голову.

— Леха! Давай я зарю поглубже, а то твои собаки разроют.

Он взял из рук Сергеева лопату и стал копать яму. Пока он возился в огороде, Алексей разделал мясо и сложил его в холодильник. Несколько кусков остались в тазу, так как не влезли в морозильник. Он взял большую алюминиевую кастрюлю и бросил в нее мясо. Залив мясо водой, он поставил ее на газовую плиту.

Дверь дома открылась, и в дверях показался Белов.

— Все Леха, дело сделано. Давай махнем.

Сергеев достал бутылку самогона. Не успели они выпить, как в дом вошла Лида.

— Так и знала. Стоит мне только уйти, сразу появляется бутылка. А тебе что здесь надо? Иди к себе домой, там и пей.

— А что ты здесь командуешь? — обижено произнес Белов. — Я не к тебе пришел, а к Лехе!

— Еще мне поговори, — грозно произнесла Лида, упершись руками в бедра. — Ты хочешь, чтобы я тебя выкинула из дома? Сейчас ты узнаешь, как это делается.

— Не трогай Андрея. Это мой единственный друг.

— Если хотите пить, тогда идите во двор, там и пейте, — она, демонстративно повернувшись к ним спиной, прошла в комнату.

— Ну и сука, — тихо сказал Белов. — Вот и делай людям добро. Если так пойдет и дальше, то придется нам ходить здесь по одной половице.

— Посмотрим, — ответил Сергеев.

Он встал из-за стола и прошел на кухню. Посолив варившееся мясо, он вернулся в комнату и, взяв самогон и два стакана, направился к двери. Вслед за ним, прихватив закуску со стола, вышел и Белов.

Жизнь моя снова вернулась в размеренное русло. Я изучал розыскные дела, ездил в командировки, принимал участие в засадах и задержаниях преступников, скрывшихся от следствия и суда. Однако в моей голове по-прежнему сидела мысль о тех пропавших женщинах, которые, как я считал, стали жертвой серийного маньяка.

Однажды, проезжая мимо Кировского отдела милиции, я не удержался и зашел к знакомому сотруднику уголовного розыска, который занимался розыском граждан, пропавших без вести.

— Привет, Борис, — поздоровался я с ним. — Есть что-то новое по Семшовой?

Он посмотрел куда-то мимо меня и улыбнулся.

— Откуда, Виктор Николаевич? Конечно, нет ничего. Я и мужа ее на сутки закрывал, рассчитывал, что он мне хоть что-то расскажет.

— Он не при делах, — ответил я ему. — Он алкоголик конченный, но убить жену он не мог.

— Но люди говорят, что он гонял ее в последнее время. Мало ли что, мог и убить по неосторожности.

— Я с ним разговаривал в свое время, он не при делах. А ты не пробовал искать Семшову в Васильево? Насколько я помню, ее знакомая Рая видела ее именно на платформе в Васильево в сопровождении какого-то мужчины.

— Да врет она все. Неужели вы поверили какой-то пьянице? Они что только не придумают, когда ты их подождешь. Кстати, Виктор Николаевич, когда я с ней разговаривал в последний раз, то она спрашивала меня о вас, просила, чтобы я дал ей ваш номер телефона.

— И что? Дал?

— Дал. Говорит, что у нее был ваш номер телефона, но она его потеряла. Правда это?

Я молча кивнул и, не прощаясь, направился к выходу.

— Виктор Николаевич? Может, чаю попьете? — услышал я вдогонку.

Я вышел из районного отдела милиции и сразу же направился к дому Семшова. Именно там я рассчитывал найти Раю. Я осторожно поднялся по скрипучим деревянным ступенькам и оказался на втором этаже. За мое отсутствие здесь практически ничего не изменилось. Те же оцинкованные корыта висели на гвоздях, вбитых в стенку коридора, все тот же устойчивый запах кошачьей мочи и человеческого пота.

Я остановился у двери Семшова и сильно постучал. За дверью было тихо. Неожиданно для меня открылась соседняя дверь и в проеме показалась лохматая старушечья голова.

— Не стучи, его нет дома. Он еще с утра ушел и больше не возвращался, — прошамкала она беззубым ртом.

— А где его можно найти?

— Они там, за домом собираются всей шайкой. Там и ищи.

Я поблагодарил ее и направился на улицу. Обогнув дом, я заметил группу людей, сидящих за сколоченным из досок столом. Они громко разговаривали и смеялись. На столе стояло несколько пустых бутылок из-под вина и два полиэтиленовых пакета с пивом. Среди них я увидел Семшова и Раю.

— Привет, мужики, — поздоровался я с ними. — Пьете? А кто будет строить коммунизм?

Мужики с интересом посмотрели на меня. Они, похоже, не знали, как вести себя с неожиданным гостем.

— Давай, вали отсюда! Чего приперся? Проблемы нужны?

— Да я не к вам. Мне женщина ваша нужна, — ответил я вполне дружелюбно, давая им понять, что я не намерен своим присутствием портить их застолье. — Рая, мне нужно с тобой поговорить. Давай отойдем в сторону.

— Вот и у Райки появился, видимо, постоянный клиент, — сказал кто-то из них и все громко засмеялись. — Чего сидишь, иди, ублажи мужчину. Может, он тебе и на пиво даст.

Рая встала из-за стола и, взглянув на меня, что-то негромко сказала сидевшим за столом мужчинам, чем вызвала у них новый приступ хохота. Мы отошли в сторону.

— Рая, мне сказали, что вы меня искали. Это правда?

— Да. Это было с месяц назад. Я позвонила вам на работу, но какой-то мужчина сказал мне, что вас нет на работе и что больше вы розыском Семшовой не занимаетесь.

— Что случилось? Что вас заставило позвонить мне?

— Вы знаете, я снова видела того мужчину, с которым я видела Шуру. Вы, наверное помните, я тогда вам говорила, что видела ее на перроне станции Васильево. Так вот, я снова видела этого мужчину. Он тогда шел с маленькой девочкой лет десяти-двенадцати.

— Значит, вы снова его видели в Васильево?

— Да. Это был он.

— Расскажите, как он выглядит и что за девочка была с ним?

Она на секунду задумалась, а затем стала описывать внешность этого человека.

— Мужчина выше среднего роста. На вид где-то под сорок. Темные волосы, немного сутулитесь. И еще, он постоянно озирается по сторонам, словно искал кого-то или боялся.

— Ну, а как выглядела девочка, которая была с ним?

— Небольшого роста. Волосы светлые, заплетенные в две косички. На ней было голубенькое платье в белый горошек.

— Вы ничего не путаете? — кровь бросилась мне в лицо.

— Да нет. Я была трезвая, как стеклышко.

— Извини меня, Рая, но нам с тобой нужно проехать или дойти в Кировский отдел милиции. Я хочу тебя подробно расспросить об этом.

— А без этого нельзя? — спросила она меня и с сожалением посмотрела, как мужчины разливают пиво в баночки из-под сметаны.

— Нет, нельзя, — коротко ответил я ей и, взяв ее под руку, осторожно направился в сторону дороги.

* * *

Я вернулся на работу и сразу же направился в кабинет начальника управления. Дверь кабинета была заперта. Немного постояв около двери, я медленно направился к себе. Подняв телефонную трубку, я позвонил дежурному по МВД.

— Привет, Коля. А где у нас Костин?

— Он выехал в Нижнекамск. Сказал, что его не будет дня два.

— Понятно. Спасибо, Коля.

Я положил трубку и посмотрел на начальника отделения, который отложил в сторону

газету и внимательно слушал мой диалог с дежурным по МВД.

— Мог бы и меня спросить, — произнес он. — А что, так приспичило, что ждать невтерпеж?

— Угадали, — коротко ответил я ему.

— Наверное, тебя опять заклинило с поселком Васильево. Ты выпей лекарства, успокойся.

В углу тихо засмеялся Козин и чтобы я не видел его веселого лица, отвернулся к окну.

— Сходи к заместителю начальника управления. Может, он послушает твои сказки о поселке Васильево, — предложил мне Козин и снова довольно заулыбался.

Я промолчал. Мне не хотелось спорить и что-то доказывать этим людям. В нашей розыскной жизни, помимо настоящих оперативников, всегда существовали и чиновники, которые никогда не занимались раскрытием преступлений, но всегда были при хороших должностях и высоких званиях. Именно они представляли уголовный розыск при награждениях, ведь за ошибки, как правило, расплачивались рядовые исполнители. К таким чиновникам от розыска можно было отнести и моего непосредственного начальника отделения.

Я достал из сейфа розыскные дела и приступил к их изучению. Но работать я не мог, перечитывал несколько раз одну и ту же страницу и никак не мог понять смысл объяснения. Голова моя была занята совсем другим.

Я разыскал в своем блокноте приметы пропавшей девочки и руки мои задрожали. Я положил блокнот на стол. Приметы полностью совпадали с показаниями Раи, вплоть до описания одежды.

«Неужели у меня появился свидетель, подтверждающий мою первоначальную версию о причастности одного и того же человека ко всем этим исчезновениям?», — все еще не веря, думал я.

Я набрал номер следователя прокуратуры, который, как и я, занимался в свое время изучением этих розыскных дел.

— Ну, возьми, пожалуйста, подними трубку, — чуть ли не закричал я в трубку телефона.

Однако на том конце провода, похоже, никого не было. Я положил трубку и устало откинулся на спинку стула. Протянув руку, я достал из пачки сигарету и щелкнул зажигалкой.

«Как же я сразу не догадался, что этой девочкой, которую вел незнакомец, была Вера, — подумал я, выпуская струю табачного дыма в потолок кабинета. — А что изменилось бы, если бы ты тогда догадался об этом? Неужели ты рассчитываешь на то, что сможешь вот так просто переубедить этих чиновников?»

Я снова вспомнил гневное выступление прокурора, его нелестные слова в мой адрес. От этих воспоминаний мое настроение окончательно испортилось. Я сложил розыскные дела в сейф и посмотрел на часы. Они показывали начало восьмого вечера.

* * *

— Алексей, ты где купил это мясо? — спросила Лида.

— А что, тебе не нравится? Купил там же, где и всегда покупал в последнее время.

— Попробуй сам, может, тогда поймешь, какое мясо ты в этот раз приволок домой, —

уже чуть ли не кричала Лида. — Вы с Андреем уже с ума сошли от этой пьянки. Совсем нюх потеряли.

Сергеев подцепил вилкой большой кусок мяса и выложил его на металлическую тарелку. Отрезав кусочек, он положил его в рот. Мясо действительно сильно пахло каким-то лекарством и было несъедобным. Он посмотрел на Лиду, но та, сделав обиженное лицо, отвернулась от него и стала смотреть в окно.

— Ты что отворачиваешься от меня? — спросил он ее. — Откуда я мог знать, что мясо окажется таким вонючим?

— Перед тем, как тратить деньги, нужно проверять, что покупаешь. Отдай это мясо собакам, если они будут его жрать.

Алексей вынул из холодильника несколько больших кусков мяса и положил в эмалированный таз. Дождавшись, когда Лида пошла в магазин, он прошел в сарай и достал нехитрые вещи Любы, которые он не успел еще сжечь. Покопавшись в них, он нашел медицинскую справку. Оказывается, у нее был сломан позвоночник и она принимала большое количество лекарств, в том числе и антибиотиков.

«Так вот почему мясо так воняло лекарствами, — подумал он. — Надо же так проколоться. Вроде бы баба как баба. Кто же мог подумать, что она такая больная».

Он вернулся домой, взял таз с мясом и, выйдя во двор, швырнул его собакам. Несмотря на то, что мясо было замерзшим, собаки с удовольствием съели его.

«Вот и нет Любы, — подумал он, наблюдая за собаками. — Была и нет».

Вернувшись в дом, он снова заглянул в морозильник. Там лежал небольшой кусок мяса. Он закрыл морозильник и сел на стул.

— Чего сидишь? — строго спросила его Лидия, вернувшись из магазина. — Другие мужики деньги зарабатывают, а этот все сидит дома, ждет, когда его накормят.

Он молча улыбнулся ее словам. Все эти разговоры о еде и деньгах начинали выводить его из себя.

— Может, ты прекратишь ворчать? Мне все это уже надоело. Сейчас договоришься у меня, гадина.

Он встал и направился к ней. Но Лида, похоже, предполагала подобное развитие событий. Она встала боком к нему, уперев в бока свои сильные руки.

— А ну, тронь! Чего остановился? Ты думаешь, я не знаю, чем вы с моим братцем здесь занимались? Мне соседи рассказали, как вы с ним таскали сюда баб, которые потом куда-то исчезали. Я вот напишу в милицию, пусть они с вами разберутся, поищут здесь в саду. Может, и найдут там человеческие косточки.

Сергеев остановился в нерешительности. Где-то внутри у него что-то щелкнуло, и душу на какой-то момент сковал страх. Рука, поднятая для удара, безвольно опустилась. Он посмотрел на нее и, грубо выругавшись, вышел на улицу.

Почувствовав его нерешительность, она вышла вслед за ним на крыльцо и стала его громко отчитывать, привлекая к себе внимание соседей.

— Заткнись, сука, — грозно произнес он.

Но это еще больше распалило ее.

— Ну, ударь меня, сволочь. Чего испугался? Я тебе не Мадина, которую ты мог гонять, как хотел. Ты сам у меня будешь бегать как собака.

Он махнул рукой и пошел к Белову.

Сергеев сидел в доме и доедал остатки каши. Его новая подруга с утра ушла в магазин и вот уже более часа где-то ходила. Вдруг дверь приоткрылась и в дом вошла Мадина. Она остановилась в дверях и, прислонившись к дверному косяку, тихо спросила:

— Как живешь, Леша? Я слышала, что сейчас у тебя новая женщина?

Он хотел что-то сказать, но, поперхнувшись кашей, закашлялся.

— Видно хорошо, если молчишь. А я вот зашла забрать кое-какие свои вещи. Надеюсь, ты их ей подарить еще не успел?

Он встал из-за стола и подошел к ней. Неожиданно он крепко обнял ее.

— Оставайся у меня. Я больше не могу жить с этой курвой.

Она усмехнулась и как бы между прочим, сказала:

— А ты убей ее и съешь. Тебе же это привычно.

— Ты, наверное, права. Два медведя в одной берлоге не живут. Выбора нет, или она меня посадит, или я ее завалю.

— Вот когда ее здесь не будет, тогда и приду, — сказала она и, покачивая крутыми бедрами, вышла из дома.

Он быстро оделся и направился к Белову. Подойдя к его дому, он заметил Андрея, копавшегося в огороде.

— Иди сюда, — позвал он его. — Дело есть.

Тот бросил лопату и, вытерев вспотевшие от работы ладони о свои грязные штаны, подошел к забору.

— Что случилось?

— Да, брось ты копаться в земле, как крестьянин. Можно подумать, что эта работа тебе нравится. Я же знаю, что ты работать не любишь.

— А кто любит? Ты, что ли?

— Хорош базарить. Пошли со мной, дело есть.

— Погоди немного, сейчас переоденусь только.

— Я тебя что, на свадьбу зову? И так сойдет.

Андрей открыл калитку и вышел на аллею.

— Ты знаешь, эта сука решила запалить нас с тобой. Ты ей случайно ничего не рассказывал?

— Да ты что, Леха? С чего это ты взял? Я что, ненормальный что ли? Сам себе приговор подписывать?

— Тогда откуда она узнала про баб? Хочешь сказать, что ей об этом в магазине рассказали?

Белов с испугом посмотрел на Сергеева. Тот сразу догадался, что к этим разговорам причастен его близкий друг. Он схватил его за горло и прижал к забору.

— С огнем играешь, Андрюша. Если меня повяжут, я один по делу не пойду. Ты понял меня?

— Ты что, Леха. Я ей только рассказал, что у тебя было много баб и ничего более. Честное слово. Могу поклясться памятью матери.

— Мне твои клятвы по барабану. Ты ее притащил ко мне, ты ее...

Он не договорил, однако Белов все понял и без слов.

— Леша, может не надо. Что ни говори, все-таки родня.

— Мне какая разница, кто она тебе. Если она нас с тобой дуриком запалит, то мне все равно, была она твоей родственницей или нет. Так что пошли ко мне. Больше я откладывать это дело не могу. Посмотрим, какое у нее мясо. Может тоже воняет гадостью.

Они молча направились к дому Сергеева, каждый из них думал о чем-то своем.

* * *

Они тихо вошли в дом и остановились около порога. Лида уже пришла из магазина и, стоя к ним спиной, выкладывала на стол покупки. Услышав за своей спиной шорох, она обернулась и увидела Сергеева и своего родственника.

— Вот алкаши, — возмущенно сказала она. — Хорошие люди еще спят, а эти уже соображают.

Хозяин молча прошел на кухню и взял там топор, с которым вышел в комнату. Заметив топор в его руках, она сразу догадалась, что ее ожидает. Она хотела выскочить во двор, но Андрей перекрыл ей путь к отступлению. От охватившего ее страха ноги ее подкосились и она, теряя сознание, медленно осела около стола.

Алексей быстро связал ей руки, а в рот засунул кухонную тряпку, лежавшую на столе. Они вдвоем кое-как подняли ее обмякшее тело и положили на кровать. Он быстро сорвал с нее всю одежду и совершил с ней половой акт.

Белов сидел на стуле и внимательно наблюдал за лицом своей родственницы. Он сразу заметил, когда она пришла в себя и отчаянно попыталась сбросить с себя Сергеева.

Застегнув брюки, Сергеев посмотрел на Андрея, которого трясло то ли от страха, то ли от чего-то другого.

— Ты что трясешься? — строго спросил он его. — Может, снова захотел на зону? Сейчас, брат, зоны для тебя не будет. Просто выведут в пустой коридор и выстрелом в затылок отправят тебя на тот свет. Давай, снимай штаны. Поимей ее, пока она еще жива.

Андрей словно робот безропотно снял с себя одежду и отвернувшись в сторону, чтобы не видеть побелевшего от страха лица Лиды, полез к ней в постель. Он долго возился на ней, пока не сделал свое дело.

Он не заметил, как Сергеев сходил в сарай и принес оттуда оцинкованную ванну, которую поставил посреди комнаты. Они вдвоем стащили обнаженную Лиду с кровати и положили на пол около ванны. Сергеев взял в руки большой нож и привычным движением руки перерезал ей горло. Спустив кровь в ванну, они вынесли тело в сарай и стали его разделывать.

Набив холодильник мясом, они быстро закопали кости в саду.

— Леха, а где голова? — произнес немного напуганно Андрей.

— Я ее сунул в бочку с водой, чтобы показать Мадине.

— Может, все-таки закопаем? Зачем она тебе?

— Заткнись! Лучше сбегай в магазин, купи бухалова. Нужно помянуть твою родственницу, — произнес он и расхохотался над своей шуткой.

— Деньги давай.

— Эх, Андрей. Ты до сих пор так ничего и не понял. Со своими деньгами я и без тебя купил бы. А ты попрыгай, может и зазвенит где-то в карманах мелочь.

Белов сделал обиженное лицо и направился к воротам.

— Ты это куда? — тихо спросил его Сергеев. — Что, обиделся? Я просто пошутил. Сейчас вместе сходим в магазин.

Он быстро скрылся в доме и вскоре показался вновь. Забрызганную кровью одежду он оставил дома, и сейчас он был в чистых брюках и обуви.

— Мне тоже надо переодеться. Смотри, у меня все штаны в крови.

Они направились к дому Белова. Вскоре они вместе шагали в сторону ближайшего магазина.

* * *

Вечером они закатили пир. Сергеев быстро обжарил печень и сердце. Он поставил горячую сковороду, полную мяса, на кухонный стол и стал разливать водку.

— Ну, давай помянем рабу Божью Лидию, — произнес он и поднял стакан с водкой.

Они молча выпили и приступили к ужину. За разговорами они не заметили, как в дом вошла Мадина. Она поставила у порога сумку с вещами и, пройдя на кухню, села за стол.

— А ты как узнала? — поинтересовался у нее Сергеев.

— Сердцем почувствовала, — ответила она и положила большой кусок печени к себе в тарелку.

— Пить будешь? — спросил ее Белов и, не дождавшись ответа, взял с полки стакан и налил ей водки.

Сергеев обнял ее за плечи и смачно поцеловал ее в губы.

— Вот за это я и люблю эту женщину! — он снова поцеловал ее.

В этот вечер они сидели допоздна. Первым не выдержал эту спиртную гонку Белов. Он сполз со стула и растянулся на полу, обняв ножку стола. Сергеев обнял Мадину и подняв ее на руки, понес в спальню. Она снова пережила то, что переживала с этим человеком при их первой близости. Пьяный Алексей творил с ней все, что хотел и чем грубее был он, тем ей было приятнее. Устав заниматься любовью, он лег на спину и закурил.

— Леша, а ты меня мог бы вот так убить, как ее? — спросила она его.

Ему явно не хотелось отвечать на этот вопрос. Честно признаться, он планировал заманить ее к себе в дом и убить. Однако, сейчас он несколько не жалел, что сохранил ей жизнь. При всей его ненависти к женщинам, лежавшая рядом с ним женщина почему-то не вызывала у него ничего, кроме нежности.

Он нежно погладил ее светлую бархатную кожу и, повернувшись к ней лицом, поцеловал ее грудь. Этого было вполне достаточно, чтобы в этой хрупкой женщине снова вспыхнул вулкан страсти. Она крепко обняла его и стала неистово целовать губы, шею, волосатую грудь. Почувствовав прикосновение его руки к бедру, она почувствовала, что снова улетает куда-то вдаль, где кроме блаженства ничего не было.

Утром она встала рано. Быстро убрав со стола обедашки вечернего пиршества, она стала готовить завтрак мужчинам. На полу около стола по-прежнему крепко спал Белов. Его небольшой рот был широко открыт, а на щеке белой дорожкой засохла слюна. Временами из его могучей груди вырывался полужверинный рык, отчего ей становилось почему-то смешно.

Первым проснулся Сергеев. Он вошел на кухню в длинных семейных трусах и, заметив стоящую у плиты Мадину, улыбнулся ей. Впервые за последний месяц никто его не обзывал

алкоголиком и не кричал на него. Обняв ее, он толкнул ногой спящего Белова:

— Сходи, умойся!

Когда тот вернулся со двора, Сергеев уже сидел за столом и поедал мясо со сковороды.

* * *

Я с нескрываемым нетерпением ждал возвращения из командировки начальника управления уголовного розыска Костина. Мне не терпелось доложить ему о показаниях Раи, которые существенно меняли всю ситуацию.

— Юрий Васильевич? — обратился я к нему по телефону. — Позвольте мне зайти к вам и доложить по пропавшим женщинам.

— Что-то накопал? — поинтересовался он.

— Да, Юрий Васильевич. Есть кое-что новое.

— Сейчас я занят. Зайди через полчаса, я буду ждать тебя, — ответил он.

Начальник отделения отложил трубку и с нескрываемым интересом посмотрел на меня.

— А что ты мне об этом не доложил? Начальник я тебе или нет?

— Вам же это неинтересно. Когда я попытался вам это доложить, вы предложили мне обратиться к врачу, посчитав меня психически больным. Так что увольте меня от доклада вам.

— Слушай, Абрамов! Ты же не маленький мальчик. Мало ли что бывает на работе. Ну, поругал я тебя, и что?

— Да ничего. Я понимаю, почему вы завели сейчас этот разговор. Вы просто боитесь, что вас об этом может спросить начальник управления, а вы ничего не знаете. Вы бы не стали у меня интересоваться этим, если бы не услышали, что Костин в этом заинтересован. А в отношении мальчика, могу сказать лишь одно, что я уже давно не мальчик. Я воевал в Афганистане и всегда уважал своих командиров, так как от их решений зависело, останемся мы живыми или нет.

Я еще хотел сказать ему что-нибудь горькое и обидное, но вовремя остановился. Я не собирался с ним спорить, так как спорить с начальником, что мочиться против ветра. Это первое. А второе, я хорошо знал, что ему уже давно все равно, что творится здесь, в этом кабинете. Он напоминал мне солдата с его дембельским календарем, который зачеркивал на нем очередной прожитый день. Сейчас для него самым важным было не проколоться на серьезной теме, и этой темой мог стать серийный убийца, который регулярно и последовательно уничтожал женщин. Только этот момент и заставил его напомнить мне, что он руководитель подразделения.

— Чего замолчал? — спросил он меня. — Давай, продолжай.

— Что продолжать? Вы действительно хотите это знать или так, на всякий случай?

— Хочу, — коротко ответил он.

Я коротко доложил ему о результатах встречи с Раей. Он молча выслушал и вопросительно посмотрел на меня.

— И что это нам дает? Разве можно верить какой-то алкоголичке? Мало ли, что ей привидится после пьянки!

— Теперь решайте, как начальник отделения по розыску лиц, пропавших без вести, что вы должны предпринять, получив подобную информацию? Проверять ее или нет? Проверить

ее я один не могу, нужны люди. У вас возможностей намного больше, чем у меня.

— Слушай, Абрамов. Зачем ты загоняешь меня в угол? У Костина, еще больше возможностей, чем у меня. Доложи ему, пусть он и решает, что делать дальше.

— Вот видите, требуете от меня доклада, а сами не можете принять никакого решения, а вернее, не хотите даже посоветовать мне, как проверить эту информацию.

Я замолчал. Шарик был на его стороне. Теперь он уже не мог сказать, что не знал про эту информацию. По-моему, он был уже не рад, что заставил меня доложить об этом. Я пристально смотрел на него, мой взгляд заставлял его ерзать на стуле.

— Что мне сказать начальнику управления, если он спросит меня о вас? То есть о принятом вами решении по этому вопросу?

Вот этого мне не стоило говорить! Он взорвался и в течение десяти минут высказывал мне все, что накопилось у него ко мне за последнее время. Я даже не мог предполагать о многом из того, что он обрушил на меня за этот короткое время. Выслушав его, я понял только одно — он не собирается ничего предпринимать, и в случае серьезного наезда на него со стороны руководства министерства он просто напишет рапорт и уйдет на заслуженный отдых.

— Вот и поговорили. Вы хотели узнать о моей информации, я вам доложил.

Раздался телефонный звонок. Начальник снял трубку и молча передал ее мне.

— Заходи, — сказал начальник управления.

Я положил трубку и, взглянув на начальника отделения, который взял в руки газету и собрался ее читать, направился к Костину.

* * *

Костин внимательно выслушал меня. Похоже, полученная мной информация насторожила его.

— Этой женщине можно верить? — спросил он меня.

— Юрий Васильевич, она дала не только устные показания, но и письменные. Она расписалась под ними. Во-вторых, откуда она могла знать о пропавшей девочке? А самое главное — она точно указала, во что девочка была в тот день одета, а ведь мы до сих пор не дали какой-то официальной информации об ее исчезновении.

Он еще раз посмотрел на меня и поднял трубку телефона.

— Заместитель министра у себя? — поинтересовался он то ли у дежурного по МВД, то ли у секретаря, и, получив положительный ответ, встал из-за стола.

— Ну что, Абрамов? Пойдем доказывать заместителю министра версию о серийном убийце. Может, он решит вопрос о проведении нужной нам операции?

Я встал из-за стола и последовал вслед за ним. Мы спустились на второй этаж и вошли в приемную заместителя министра.

— Извините, — произнесла секретарь, — Заместитель министра сейчас разговаривает по телефону. Посидите немного, как только он освободится, он примет вас.

Мы с Костиным сели на стулья и стали ждать приглашения. Заместитель министра разговаривал довольно громко, и до нас доносились из-за двери отдельные слова и фразы, по которым можно было догадаться, что он кого-то здорово отчитывает.

— Похоже, мы не вовремя, — тихо сказал я и посмотрел на Костина.

Он сделал вид, что не услышал меня, хотя наверняка тоже подумал об этом. Ждать пришлось минут десять. Наконец секретарь разрешила нам войти. Открыв дверь кабинета, первым в него вошел Костин, подошел к заместителю министра и поздоровался за руку.

— Марсель Рашидович, сейчас Абрамов доложил мне довольно интересную информацию, связанную с исчезновением женщин. Он уверяет, что эта информация получена им лично и достоверна. Я хотел, чтобы вы сами послушали Абрамова. Если верить этой информации, то у нас под боком действительно действует серийный убийца.

— Садись, не стой, — заместитель министра указал мне на стул. — Давай, что у тебя?

Мне пришлось снова докладывать. На этот раз я решил полностью доложить всю имеющуюся у меня информацию. Докладывая, я внимательно наблюдал за реакцией заместителя министра, однако лицо его оставалось абсолютно спокойным. Ни один мускул не дернулся на его лице. Когда я закончил, он встал из-за стола и подошел к окну. Отодвинув штору, он взглянул на улицу и повернулся ко мне.

— Ты сам понимаешь, о чем ты сейчас здесь говорил? — спросил он меня. — Похоже, что нет. Сейчас все силы МВД СССР брошены на раскрытие убийств в Витебской области. Ты что-нибудь слышал об операции «Лесополоса»? К вышке приговорены уже двое, а убийства не прекращаются. Представь, что в это самое время мы вдруг тоже заявляем о том, что у нас появился такой же серийный убийца? Чего ожидать от МВД СССР? Приедет бригада, все здесь перевернут, сделают оргвыводы и уедут, а раскрывать и расхлебывать все это придется нам. Мне, например, это не нужно. Я еще хочу немного поработать на этой должности. А во-вторых, все это теория. Трупов нет, а значит, нет и убийств. Найди мне хоть одно тело, и я скажу, что ты прав. А так, все вроде бы красиво, все вписывается в твою теорию. Все, кроме одного. А это главное. Нет трупов.

Я стоял и периодически переводил свой взгляд с заместителя министра на начальника управления. Поймав на себе мой взгляд, Юрий Васильевич, поднялся из-за стола.

— Марсель Рашидович! Вы знаете, что я не в силах самостоятельно провести там, в поселке Васильево, поисковые мероприятия. Мне нужны дополнительные силы. Я многого у вас не прошу, дайте мне сотрудников из подразделений общественной безопасности, и мы перевернем весь этот поселок вместе с этими садами и огородами.

— Ты хорошо знаешь, Юрий Васильевич, что эти подразделения не подчиняются мне. Для того, чтобы их задействовать в вашей операции, нужен приказ министра. Без этого ничего не получится. Я не уверен в том, что он подпишет подобный приказ, и поэтому я к нему не пойду. Найдите хоть один труп, тогда посмотрим.

Мы вышли из его кабинета и направились к себе. Костин остановился около своего кабинета и, повернувшись ко мне, тихо произнес:

— Я уверен, что ты прав. Но я ничего изменить не могу, ты видел. Ищи трупы.

* * *

Вечером к Сергееву заглянул его знакомый.

— Леша, выручи мясом. Друзья неожиданно нагрянули, хотел сделать для них шашлык, сунулся в холодильник, а там пусто.

— Сейчас посмотрю, есть у меня мясо или нет, — он направился в дом.

Вернулся он минут через пять с пакетом в руках.

— Вот, посмотри, — он протянул знакомому пакет.

Тот заглянул внутрь. Там лежал приличный кусок мяса.

— Спасибо, Леша! С тобой как за него рассчитаться, деньгами или мясом?

— Мне все равно. Чем отдашь, тому и буду рад.

Знакомый полез в карман и достал деньги. Отсчитав несколько купюр, он протянул их Сергееву.

— Много даешь. Там всего-то около двух килограмм.

— Дело не в деньгах, Леша, а в уважении — ответил знакомый и чуть ли не силой сунул ему в карман деньги. — Кстати, а где твоя хозяйка?

— Мадина, что ли? Она дома.

— Я про новую твою женщину спрашиваю, про Лиду. Ты знаешь, она мне понравилась. Не баба, а конь!

Сергеев усмехнулся и посмотрел на знакомого.

— Уехала она, в Казань. Разругалась со мной и поехала в город.

— Ты, может, мне ее адресок дашь? Буду в Казани — заеду или позвоню.

— Сейчас не помню. Зайдешь как-нибудь на днях, приготовлю.

Знакомый, еще раз поблагодарив за мясо, направился в сторону своего дома. На порог дома вышла Мадина. Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, она с укором посмотрела на него:

— Дурак ты, Леша. Ладно сам запалишься, так ты и нас с Беловым к стене поставишь.

— Не переживай, Мадина. Он берет мясо у меня не первый раз, и ничего. Неужели ты думаешь, что он сейчас понесет этот кусок в милицию? Через час от мяса ничего не останется!

Она покрутила пальцем у виска, чем вызвала у Сергеева улыбку.

— Вот, возьми деньги и сгоняй в магазин. Купи водки и еще чего-нибудь.

Она взяла деньги и скрылась в доме. Через некоторое время она вышла из дома и направилась в магазин. Он проводил ее ладную фигуру взглядом до поворота и достал из кармана брюк сигареты. Прикурив, он направился к Белову.

Около дома Белова он остановился в нерешительности. Из открытых окон дома неслась нецензурная брань. До него доносились голоса то хозяйки дома, то ее сожителя. Заметив в окне Белова, он махнул ему рукой. Тот вышел, кипящий от злости. Он молча протянул Алексею руку.

— Что брат, трудно жить, когда верховодит баба? Они, похоже, все такие. Хотят, чтобы мужик деньги домой приносил и при этом сидел у нее под юбкой. Так, брат, в жизни не бывает.

— Слушай, Леха, может, мою бабу тоже под топор? Надоела до смерти!

— Ты что? Заболел, что ли? Кому эта старая калоша нужна? Да об нее все зубы обломаешь!

— А мы жрать ее не будем. Просто грохнем и закопаем!

— Вот ты и грохай! Мне лишних баб не надо. На мне и так не один десяток висит.

От этих слов Белов пришел в ужас. Он со страхом посмотрел на Сергеева и тихо спросил:

— Не врешь? Неужели так много замочил?

— Не только замочил, но и съел! Так что решай свои проблемы сам. Не буду же я глушить всех твоих баб, которых у тебя, может быть, с десяток? Не нравится — в яму ее и

все!

— Слушай, Леха, а они тебе не снятся?

— Нет, Андрей. Мне сейчас ничего не снится, кроме воли. Хочу погулять это лето, а там куда кривая выведет. Чувствую я холод в затылке. Я сидел с одним смертником в камере. Так вот, он мне рассказывал, что как зачитали ему приговор, так стали у него с этого момента мерзнуть спина и затылок. Не знаю почему, но и у меня тоже мерзнет спина и затылок. Стою под солнцем, а спине холодно и сыро, как будто на сырой земле лежу.

Он достал из кармана сигареты и, угостив Белова, закурил.

— Пошли ко мне. Сейчас Мадинка водки принесет. Посидим, попьем...

Они докурили и направились к Сергееву.

* * *

Прошло несколько дней. Вечером к Сергееву зашел его знакомый, Константин, который несколько дней назад купил у него крупный кусок мяса. Алексей был дома один и поэтому очень обрадовался его приходу. Он был сильно выпивши, душа требовала продолжения банкета, а денег у него не было.

— Привет! — радостно произнес Сергей, увидев входящего в калитку Константина. — Слушай, друг, выручай. Умираю, как выпить хочу! Вот видишь — беда, никого нет дома. Мадинка ушла куда-то, денег нет...

— Так в чем дело, Леша?! У меня деньги есть, я сейчас быстро схожу в магазин и вернусь!

Константин чуть ли не бегом устремился по аллее в сторону ближайшего магазина. Купив бутылку водки, он вернулся к Сергееву.

— Где будем пить? — спросил Константин. — Здесь или дома?

— Да все равно.

— Айда в дом. Не хочу светиться на улице, — сказал Константин.

Они прошли на кухню. Сергей достал из шкафа два граненых стакана и поставил их на стол.

— Разливай!

— Слушай, Леша, закуска есть? Я без закуски пить не могу.

— Мясо будешь?

Константин молча кивнул и стал нарезать хлеб большим кухонным ножом. Потом снял с газовой плиты сковороду, наполненную большими кусками мяса, и поставил ее на стол.

— Ну, что вздрогнем? — Константин поднял стакан.

— Что значит «вздрогнем»? Что ты об этом знаешь?

Константин пропустил его реплику мимо ушей и опрокинул водку в рот. Подцепив вилкой кусок жареного мяса, он стал закусывать.

— Алексей! Ты мне тогда обещал написать домашний адрес Лиды. Помнишь?

— А-а, зачем она тебе? Эта баба не стоит того, чтобы с ней связываться.

— Я что-то тебя сегодня, Леша, не понимаю. Загадками какими-то говоришь.

— Какими загадками, Костя? Мы сейчас закусываем твоей Лидкой!

— Это в каком смысле? Ты, Леша, похоже, перебрал и болтаешь чепуху.

— Глупый ты человек, Костя, если не понимаешь. Убил я Лидку, а сейчас мы жрем ее

тело!

Лицо Константина побелело то ли от страха, то ли от отвращения.

— Все правильно, я и тогда дал тебе кусок ее ягоды. Вы же спорили его, даже не подумав, что едите человечину!

Сергеев встал из-за стола и, шатаясь, подошел к Константину.

— Не веришь, давай выйдем. Я тебе докажу!

Он схватил его за рукав куртки и потянул к выходу. Константин встал из-за стола и молча пошел за Алексеем. Тот вышел во двор и, шатаясь, направился к металлической бочке, наполненной дождевой водой.

— Вот, смотри, — он сунул руку в бочку.

Пошарив рукой, он медленно вытащил женскую голову, в которой Константин узнал Лиду.

— Ну, что?! Ты понял, что я прав и жрал ты ее, а не телятину!

От вида человеческой головы Константину стало плохо. Спазм сжал его горло, не давая возможности произнести ни одного слова. Он медленно попятился от этого страшного человека, и, споткнувшись, упал на спину. Мгновенно вскочив на ноги, устремился к калитке. Руки его дрожали, и он никак не мог открыть шпингалет на калитке. Он с силой дернул ее на себя и, вырвав ее с корнем, бросился бежать вдоль аллеи. Его гнал животный страх, который мертвой хваткой сжал его изнутри. Он бежал, стараясь не оглядываться. Ему казалось, что за ним бежит Сергеев, размахивая большим кухонным ножом. Забежав к себе в дом, он закрылся на все засовы. Всю ночь он не спал, бродя из одной комнаты в другую. С первыми лучами солнца он вышел из дома и, стараясь миновать дом Сергеева, направился в милицию.

* * *

Утром я, как обычно, пришел на работу и сел за свой рабочий стол. Меня поразило лицо моего начальника отделения. Его словно подменили. Оно было сосредоточенным, как у студента, который вытащил билет с невыученным вопросом.

— Виктор, тебя с утра разыскивает Костин. Ты что, пешком шел на работу?

— Да, пешком. А что?

— Давай, иди к начальнику, он уже дважды звонил мне, интересовался, когда ты подойдешь.

— Что случилось? Почему меня разыскивает начальник управления?

Я направился к Костину.

— Ты где ходишь? — спросил он меня. — Я уже минут тридцать разыскиваю тебя!

— Да нигде. Просто я пешком добирался до работы.

— Выходи на улицу, мы сейчас с тобой едем в Васильево. Сегодня утром в милицию обратился один из садоводов, утверждая, что охранник садового общества «Каенлык», находясь в нетрезвом состоянии, сообщил ему, что он убил нескольких женщин и съел их. Сейчас этот охранник, Сергеев, задержан. Вместе с ним задержана его сожительница и его близкий друг Белов. Участок оцеплен нарядом милиции. Давай, поехали, сейчас туда подъедет рота солдат. Они перероют весь его участок.

Я направился на улицу, где у подъезда нас ждала «Волга» начальника управления

уголовного розыска. Пока я ждал Костина, я успел выкурить сигарету. Наконец Юрий Васильевич вышел из дверей министерства.

— Давай, в поселок Васильево — приказал он, садясь в машину.

Машина, взревев мощным двигателем, сорвалась с места.

— Абрамов! — обращаясь ко мне, сказал Костин. — Ты оказался абсолютно прав. Похоже, там действительно действовал маньяк. Этот мужик, что сегодня утром прибежал в отделение милиции, рассказал, что этот охранник Сергеев показал отрезанную женскую голову, которую он почему-то хранил в бочке с дождевой водой. Пока мы знаем лишь об одной женщине. Не дай Бог, если мы найдем и всех остальных.

Я сидел на заднем сиденье машины и не знал, что мне ответить Костину. В этот момент мне казалось, что теперь в наличии серийного убийцы наконец-то убедятся не только начальник управления уголовного розыска, все-таки поверивший мне, но и другие, насмеявшиеся надо мной. Однако я не испытывал никакого торжества, мне просто было обидно, что мы не смогли спасти несколько женщин, которых, по всей вероятности, убил этот страшный человек.

— Ты что молчишь? — спросил меня Костин.

— А что говорить, Юрий Васильевич? Радоваться тому, что я оказался прав? Что-то не хочется. Обвинять кого-то в бездействии? Тоже не хочу, а вернее, не могу. Формально они были абсолютно правы. Сейчас мы обнаружили первый труп. Посмотрим, есть там серия или нет. Начнем копать и станет ясно, кто прав. Если мы найдем какие-то захоронения, прав я. Если нет, будем считать это просто убийством.

— Да, Виктор, скоро все выяснится.

Мы быстро миновали поселок Залесный, и машина, набрав скорость, птицей устремилась по трассе. Я молча смотрел в окно.

«Неужели нужно было дожидаться обнаружения трупа, чтобы предпринять какие-то практические меры к розыску пропавших людей? — думал я. — Интересно, что на этот раз скажут люди из республиканской прокуратуры? Наверное, сделают вид, что впервые слышат о серийном убийце и начнут искать крайнего среди сотрудников уголовного розыска, обвиняя их в пассивности. Крайнего они непременно найдут и постараются погуще облить грязью, чтобы на его фоне выглядеть чистенькими. И самое главное, никто им в этом не помешает».

— Абрамов! Ты что, оглох? — Костин толкнул меня рукой.

— Извините, Юрий Васильевич, задумался.

— Слушай, как ты считаешь, сколько мы там найдем? — спросил он.

Я на миг задумался, а затем ответил.

— Мне кажется больше, чем ожидаем. Но наши там будут все.

— Ты меня не пугай!

— А я и не пугаю, Юрий Васильевич. Захочет ли прокуратура работать по остальным? Если он убивал людей, то ему было абсолютно безразлично, откуда эти люди, из Казани или других городов Советского Союза. Самое страшное, я думаю, будет заключаться в том, что мы не сможем установить всех. Вы же сами знаете, от чего мы отталкиваемся — это опознавательная карта. Малейшая неточность в ней лишает нас возможности идентифицировать человека, это раз. А во-вторых, есть заявление об исчезновении, значит, есть и лицо, которое мы должны разыскивать. Нет заявления, значит, и нет лица.

— Ты, что хочешь сказать, что там мы найдем останки и других пропавших, о которых

мы ничего не знаем?

— Я не исключаю этого, — ответил я.

Машина, не доезжая до Зеленодольска, свернула налево и, сбросив скорость, медленно поползла вперед по разбитой дороге.

* * *

Нас остановил сотрудник милиции. Водитель открыл боковое окно и что-то ему сказал. Тот медленно подошел к машине и начал объяснять водителю, как нам лучше проехать к месту преступления. Проехав метров пятьсот, водитель остановил машину недалеко от группы сотрудников милиции, среди которых я узнал заместителя министра и прокурора. Сотрудники милиции и солдаты осматривали надворные постройки, а отдельная группа тщательно вскапывала огородный участок.

Я вышел из машины и закурил. Костин о чем-то разговаривал с заместителем министра и иногда бросал в мою сторону взгляд. Мимо меня, не здороваясь, прошел начальник отделения поселка Васильево и участковый инспектор Гараев.

— Я что-то нашел! — крикнул солдат внутренних войск.

Побросав лопаты, все копавшие в огороде люди бросились к нему и, образовав вокруг него круг, стали наблюдать как он тащит на себя мешок с чем-то тяжелым. Руководство министерства и прокурор тоже направились к этому месту. Наконец солдату удалось вытащить из земли мешок. От мешка сильно тянуло трупным запахом и гнилью. Развязав мешок, солдат заглянул внутрь. Лицо его побелело, и он молча повалился на землю. В мешке находились человеческие кости и полусгнившие внутренности.

Костин махнул мне рукой. Я молча подошел к нему и встал рядом.

— Вот видишь? Ты оказался абсолютно прав. Похоже, он их убивал, разделывал, а кости зарывал в огороде.

Я взглянул на мешок и отвернулся. Нет, я не боялся мертвых, и останки человека не вызывали во мне отвращения. Мне приходилось видеть и не такое, когда я воевал в Афганистане. Но там была война, а здесь был мир, наполненный запахом цветущих цветов и поспевающих яблок.

— Чего отворачиваешься? Неприятно? — спросил меня заместитель министра.

— Не то чтобы неприятно, а просто обидно. Ведь вы могли их спасти, но не захотели.

— Что ты сказал? А ну, повтори! — с угрозой в голосе произнес заместитель министра.

— Вы не глухой и все хорошо слышали, — ответил я и, повернувшись, направился в сторону машины, около которой стоял водитель.

— Абрамов! — окликнул меня Костин. — Подойди ко мне.

Я молча посмотрел на него и подошел.

— Что ты сказал заместителю министра? Ты хоть даешь отчет своим словам?

— Сказал то, что думал, — ответил я. — Если будет нужно, могу все это снова повторить ему и прокурору. Сейчас начнут искать крайних в этой истории. Найдут стрелочника и сотрут его в порошок. Однако никто из этих людей, облеченных властью, не возьмет на себя никакой ответственности, хотя во всем виноваты они. «У нас в социалистической стране не может быть серийных маньяков», — твердили они. Вот пусть сейчас и посмотрят на все это, может, тогда до них дойдет, что люди везде одинаковы и

ничего не зависит от политической модели государства.

— Иди, сядь в машину. Я не хочу, чтобы ты попадался им на глаза, — предложил мне он.

Я молча направился к машине и, открыв заднюю дверь, сел в нее.

* * *

Я сидел в машине и внимательно наблюдал, как солдаты и сотрудники милиции один за другим извлекали из земли мешки, в которых находились человеческие останки. В углу, где стояла бочка с дождевой водой, в которой была обнаружена женская голова, при раскопках было обнаружено несколько разбитых чем-то тяжелым человеческих черепов, среди которых оказался и детский череп, по всей вероятности, принадлежавший пропавшей Вере. Вскоре в сарае среди аккуратно сложенных поленьев были обнаружены окровавленные тряпки, а вернее все то, что осталось от одежды жертв. Там же было обнаружено и голубенькое платье Веры.

К машине подошел Костин и молча сел в нее.

— В министерство, — коротко приказал он водителю и, повернувшись ко мне, тихо произнес:

— Сейчас тебе предстоит большая работа. Нужно принять все меры по установлению личности убитых женщин.

— Я все понял, Юрий Васильевич. Кто из наших ребят будет непосредственно работать с Сергеевым, с его сожительницей и Беловым?

— Пока еще не решил. Здесь нужны неординарные сотрудники.

— А что прокуратура?

— Лучше бы ты меня об этом не спрашивал. Прокурор просто в трансе. Пока тоже не определился со следователем. Сейчас приедем на место и будем решать, кого включать в оперативно-следственную группу. Не исключено, что в состав группы войдут и сотрудники из МВД СССР. Заместитель просил меня, чтобы я переговорил с тобой. Он не хочет, чтобы москвичи узнали про все это в подробностях. Пусть считают, что мы оперативным путем вышли на этого Сергеева, а о твоих предварительных выводах — никому ни слова.

Я невольно улыбнулся и отвернулся.

— Чего молчишь?

— А что говорить-то, Юрий Васильевич? Теперь каждый будет спасаться, как может.

— Это ты на что намекаешь?

— Вы и сами это хорошо понимаете. Сейчас встанет вопрос, кто занимался розыском этих лиц? Скажут, что Абрамов. Мне не хотелось бы оказаться крайним в этой ситуации.

— А, вот ты о чем? Я тебя отлично понимаю.

— А разве я не прав? Почему я должен спасти заместителя министра или прокурора?

— Ты не переживай. Их спасти не нужно. Они в этой ситуации окажутся не обвиняемыми, а обвинителями. Им в отличие от нас с тобой ничего не грозит.

Костин замолчал. Он, по всей вероятности, тоже просчитывал различные варианты развития событий. Так молча мы и доехали до МВД. Костин вышел из машины и, обернувшись ко мне, попросил меня зайти к нему вместе с начальником отделения и Козиним.

Я поднялся к себе в кабинет и передал приказ Костина начальнику отделения. Тот моментально засуетился. Убрал со стола свои газеты и испугано посмотрел на меня.

— Виктор, скажи, а ты случайно не в курсе, по какому вопросу он нас собирает? Ты наверняка знаешь.

— Откуда я могу это знать? Думаю, что это связано с обнаруженными сегодня останками человеческих тел. Вы же сами утверждали, что этого не может быть, что я психически больной человек. Вот и напросились на этот разговор с Костиным.

— Значит, все-таки настучал на нас Козиным?

— Почему настучал? Просто доложил. Стучат козлы рогами, а люди доводят до сведения руководителей.

Я посмотрел на растерянное лицо своего начальника. Мне в какой-то момент стало жалко его, так как, по моим соображениям, он мог стать именно тем стрелочником, на которого могли повесть весь этот негатив в работе уголовного розыска.

— Да не суетитесь, никому и ничего я не говорил. Зачем мне все это? Это вы бежали к Костину, просили его убрать меня из отделения, видимо, я тогда вам здорово мешал читать газеты. Я, в отличие от вас, к руководству не бежал, мне это не нужно.

Мои слова в какой-то степени успокоили его. Страх пропал с его лица.

— Слушай, расскажи, что вы там нашли в Васильево? Неужели все твои слова попали в цвет? Если это так, то я снимаю перед тобой шляпу. Я всегда всем говорил, что из тебя выйдет толк.

В этот момент в кабинет вошел Козин и удивленно посмотрел на начальника отделения.

— Что произошло?

— Сейчас пойдем к Костину. Он там нам все расскажет, — ответил ему начальник отделения.

В этот момент на столе начальника зазвонил телефон. Он снял трубку и почти сразу опустил ее на рычаг телефона.

— Пошли, — коротко произнес он и направился к двери. Вслед за ним двинулись и мы с Козиным.

* * *

Я молча сидел в уголке кабинета и слушал исповедь Сергеева. Вспомнив рассказ оперативника Валеева, который мне рассказал, как он закрывал Сергеева в камере, я невольно улыбнулся, представив все это.

Алексей уверенно вошел в камеру предварительного заключения и широко улыбнувшись, громко произнес:

— Представляюсь по поводу водворения в вашу тихую камеру. Сергеев, убийца и людоед.

Сидевшие в камере люди были удивлены. Ему просто никто не поверил.

— Вы еще будете вспоминать и рассказывать, как вы сидели в одной камере с Васильевским людоедом.

На другой день сидевшие в камере заключенные потребовали у администрации учреждения, чтобы Сергеева перевели в другую камеру, так как никто из них не хотел сидеть, а тем более ночевать с этим страшным человеком.

Первые два дня он полностью отрицал свою причастность к убийству женщин, перекладывая всю вину на своего товарища Белова Андрея. Только после того, как его ознакомили с показаниями Мадины Шариповой и Белова, он начал давать показания.

Сейчас я сидел в углу небольшого кабинета и внимательно слушал Сергеева, который, словно забыв, где он находится, воодушевленно рассказывал Валееву, как он убивал женщину по имени Рита, а затем якобы разделав ее тело, утопил все останки в Волге. Мне верилось и не верилось в это. За ним уже числилось семь доказанных эпизодов убийств. Все убитые им женщины и одна девочка проживали в городе Казани и по ним у нас были заведены розыскные дела.

В этот раз он рассказывал похожую историю, только жертвой этого убийства была пока не установленная нами женщина в возрасте двадцати пяти — тридцати лет, уроженка и жительница далекого Биробиджана. Когда он закончил свой рассказ, я задал ему вопрос:

— Скажите, Сергеев, как выглядела эта Рита?

Он на какой-то миг замолчал, посмотрел на Валеева и стал рассказывать.

— Я ее снял на вокзале. Она сидела на втором этаже пригородного вокзала и читала какую-то книгу. Я сел рядом и завел с ней разговор. Сначала она молчала и подозрительно смотрела на меня. Однако минут через двадцать она пошла со мной на контакт. Она мне рассказала, что зовут ее Рита, что она родом из Биробиджана. Отец и мать скончались года три назад и с тех пор она живет одна. Родственников у нее там нет. Единственная родная сестра проживает где-то в Карелии. Связь она с ней не поддерживала. В Казань она приехала к своей знакомой, с которой познакомилась в одном из санаториев, расположенных на Северном Кавказе. Сейчас собирается ехать домой. Она показала мне билет до Свердловска. Мне не пришлось ее долго уговаривать. Она сдала билет и поехала со мной в Васильево.

Я прервал его рассказ, так как не поверил в то, что женщина добровольно сдала приобретенный ею билет на поезд.

— Все так и было, гражданин начальник. Я ей просто пообещал достать любой билет, сославшись на брата, который якобы работал в управлении перевозок. Так вот, после того как она сдала билет, мы с ней направились ко мне домой. По дороге я купил две бутылки водки и уже дома мы с ней закатили небольшой пир. Она выпила рюмки две водки и сильно опьянела. Заметив это, я отнес ее на кровать и изнасиловал ее, как вы говорите, в извращенной форме. Она пыталась оказать мне сопротивление, я ее вырубил сильным ударом по голове. Сначала я испугался, что убил ее, так как это не входило в мои планы. Я сидел рядом с ее телом и не знал, что мне с ним делать. Рита очнулась и тихо застонала. Второго срока за изнасилование я не хотел. Я встал с кровати и принес домой оцинкованное корыто. Стащив ее с постели, я перерезал ей горло. Когда кровь стекла, я разделал ее тело. Отделил мясо от костей, а кости сложил в мешок, который потом бросил в Волгу.

— Что еще вы можете сказать об этой Рите?

— У нее были черные густые волосы, и что я еще запомнил, темное родимое пятно на левой ягодице.

Он замолчал и посмотрел на меня. Все, что он рассказывал, я записывал в свой блокнот. Записав, я попросил его продолжить свой рассказ.

— После того, как я разделал ее тело, я сжег всю ее одежду вместе с документами, оставив себе лишь ее небольшие деньги.

— Скажите мне, Сергеев, — обратился я к нему. — Сколько вы вообще убили женщин. Судя по тому, что вы здесь мне рассказываете, Рита у вас была тридцать четвертой.

— Извините меня, начальник, но я не старался считать. Это для вас они были женщинами, а для меня были мясом. Сначала я их все же считал, а затем бросил. В какой-то момент я просто понял, что мне светит стенка, и количество убитых мной женщин перестало меня интересовать.

Я встал из-за стола и вышел из кабинета, оставив Валеева один на один с Сергеевым.

* * *

Прошло месяца два после задержания Сергеева. Сотни всевозможных запросов были направлены сотрудниками нашего отделения. Однако ни одного положительного ответа нами получено не было. Женщин с подобными приметами и именами в розыске не значилось. Однако это еще ни о чем не говорило. Я не исключал того, что у них не было родственников и близких друзей, которые могли бы обратиться с заявлением об их исчезновении в органы милиции.

Во время одного из допросов Сергеева я обратился к нему с предложением.

— Сергеев, вы бы могли указать конкретное место, в котором вы утопили останки трупа Риты?

— Если это так необходимо следствию, то я готов хоть сейчас поехать вместе с вами и указать это место.

— Я вас об этом спрашиваю потому, что мы не получили ни одного положительного результата о лицах, которых, с ваших слов, вы убили и употребили в пищу. Ты понимаешь это, Сергеев, или нет? Ни одна эта женщина в розыске никогда не значилась.

— Извините, Виктор Николаевич, но это ни о чем не говорит. Сами подумайте, зачем мне оговаривать себя. Мне сейчас все равно, сколько их — десять, двадцать, тридцать. Вы, наверное, уже поняли мой принцип отбора этих баб. Я не пытался затащить к себе положительных людей, имеющих семью или детей. Они бы никогда не решились поехать со мной в это Васильево. Я выбирал тех, кто никому не был нужен, кого никогда искать не будут. Это я потом расслабился и стал таскать к себе баб из Казани. Если бы я этого не сделал, то мог бы еще несколько лет питаться этими бабами.

Он сделал паузу и, попросив у меня сигарету, закурил. Нужно было отдать ему должное, он держался довольно прилично, не закатывал истерик и не бился головой об стены кабинета. Сказать, что он полностью смирился со своей участью, я тоже не мог, иначе бы он полностью замкнулся в себе и вытащить из него хоть одно слово было бы большой проблемой.

— Ну, что? Мы поедем на Волгу? Я готов вам показать это место.

— Сам я это решить не могу. Мне нужно решение моего руководства.

— Так переговорите с ним.

— Хорошо, я переговорю.

После допроса я направился к Костину. Коротко доложив ему о результатах проверки, я попросил у него разрешения на выезд с Сергеевым на берег Волги, для установления места возможного обнаружения останков.

Костин посмотрел на меня и, не говоря ни слова, поднял трубку и стал быстро набирать телефонный номер. По тому как он это делал, я сразу же догадался, что он набирает номер заместителя министра.

— Здравия желаю, Марсель Рашидович. Вы не могли бы принять меня с Абрамовым?

Он положил трубку и, поправив галстук, направился к двери. Вслед за ним поспешил и я. Нам пришлось ждать в приемной, когда нас примет заместитель министра. Буквально за минуту до нашего появления к нему прошли несколько сотрудников из МВД СССР, которые проводили проверку в нашем министерстве. Когда они вышли от него, в кабинет вошли мы с Костиным. Было достаточно одного лишь взгляда, чтобы понять, что тот находится не в настроении. То ли москвичи испортили ему настроение, то ли какие-то другие обстоятельства, но ожидать чего-то хорошего от него не приходилось.

Он взглянул на меня и криво улыбнулся.

— Ну, что доволен? — спросил он меня. — Накаркал?

Я посмотрел на Костина и, не зная почему, парировал этот наезд.

— Каркают лишь вороны, товарищ заместитель министра, а люди разговаривают.

— Ты это кого учишь? — спросил он меня с сильным татарским акцентом.

Он и так плохо говорил по-русски, а здесь то ли волнение, то ли раздражение, которое я вызвал у него своим появлением, сделали этот татарский акцент еще заметнее. Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

— Ты забыл, перед кем стоишь? Если забыл, то я тебе об этом напомню.

— Марсель Рашидович... — потался вклиниться в диалог Костин, но тот, повернувшись к нему, и не скрывая своего раздражения произнес:

— Чего смотрите? Работать надо было лучше, может, тогда бы нам не пришлось отчитываться перед москвичами. Не ужели ты сам не понимаешь, что если мы начнем проверять все, что говорит этот людоед, то мы затащим следствие до бесконечности. Сейчас важно как можно быстрее передать это уголовное дело в суд. Что, семь эпизодов вам не достаточно? Вам нужно еще больше? И так вся страна только и говорит об этом людоеде. Ему только дай возможность, и он накопает нам еще десятка два трупов. Ты знаешь, что тогда будет? Я не буду тебе разжевывать все это, нормальный человек и так все поймет.

Он перевел на меня свои наполненные гневом глаза, словно я и был Сергеевым, который убивал и ел этих несчастных женщин, и скорее прошипел, чем сказал:

— Нет и еще раз нет. Мы не будем расширять зону поисков. Нет заявлений, значит, нет и пропавших и соответственно убитых. Ты понял меня или нет? Если я узнаю, что ты ведешь эту работу самостоятельно, я просто выкину тебя с работы. Понял или нет?

Я стоял и молчал. Мне было до боли обидно не только за себя, но и за моего начальника Костина. Он явно не заслуживал того, чтобы его, как мальчишку, отчитывал этот человек в присутствии его подчиненного. Несмотря на свой небольшой жизненный опыт, я хорошо усвоил еще в Афганистане, что руководитель, отчитывающий начальника в присутствии его подчиненных, никогда не будет уважаем этими подчиненными. Однако, то ли он этого не знал, то ли просто хотел показать нам свою достаточно большую власть.

Заметив, что мы стоим молча и не пытаемся ему возражать, он вернулся к столу и сел в кресло.

— Все! Я вас больше не держу, вы свободны. Делайте соответствующие выводы.

Мы, как оплеванные, вышли из его кабинета и молча разошлись по своим рабочим местам.

Я сидел за столом, стараясь понять, что произошло полчаса назад в кабинете заместителя министра. Я многого не понимал, может быть, оттого, что был по молодости лет простым и неискушенным в политике человеком. Во времена Советского Союза каждое подобное происшествие было своеобразным ЧП, которое не вписывалось в общую идеологическую модель общества, и поэтому принимались исключительные меры, чтобы подробности этого происшествия не стали достоянием общественности. Однако это преступление не удалось укрыть от глаз общественности, и многие средства массовой информации опубликовали информацию о задержании Васильевского людоеда. Город на какой-то миг затаил дыхание от небывалого преступления, но вскоре забыл об этом.

Сейчас я не берусь судить, прав ли был заместитель министра, запретив нам расширять зону поиска пропавших. Наверное, не прав. Я сидел за столом, тупо глядя в потрескавшийся от времени потолок, и не мог понять, почему нам запретили установить истинную картину этого преступления.

Арестованный Сергеев, словно чувствуя все это, говорил и говорил об убитых им женщинах. Каждый раз он сообщал все новые и новые подробности каждого своего убийства, детально описывал приметы этих женщин. Я, как обычно, сидел за столом и тщательно все это записывал, так как еще рассчитывал, что все еще может измениться и мне позволят продолжить в работу по установлению личностей убитых им женщин. Он великолепно знал, что ему грозит, и поэтому был предельно искренен в своих показаниях.

Во время одного из допросов в кабинет Валева вошел следователь прокуратуры. Он молча присел на свободный стул и, послушав минут тридцать исповедь Сергеева, попросил конвой отвести его в камеру. Когда мы остались втроем, он сообщил нам, что прокуратура считает, что все следственные действия мы должны прекратить, так как наработанного нами материала вполне достаточно для суда.

— Все, ребята, прекращаем этот треп с Сергеевым. По мнению руководства прокуратуры, он сейчас начинает прогонять нам порожняки. Чем дольше мы занимаемся проверкой его показаний, тем дольше он живет. Я например, полностью согласен с мнением моего руководства, поэтому с этого дня я запрещаю вам какие-либо контакты с этим человеком.

— Но почему? Разве следствие что-то потеряет, если мы установим или выявим личности других его жертв?

— Следствию больше не нужны его жертвы. Их и так вполне достаточно, чтобы приговорить его к исключительной мере наказания.

— Тогда мне совсем не понятно, почему вы не разрешаете нам работать с ним дальше. То, на чем базируется ваше обвинительное заключение, уже доказано и подкреплено экспертными заключениями. Мы уже не сможем сломать то, что вами закреплено.

— Не будьте таким настырным и глупым. Представьте себе, что мы, помимо этих семи жертв, докажем Сергееву еще тридцать человек. Тогда встанет один простой вопрос, как это правоохранительные органы республики могли позволить этому Сергееву убить и съесть сорок человек, куда они смотрели? Неужели это так сложно понять? Мы и сейчас-то еще не знаем, как отреагирует Москва на семь убийств, кого покарает, а кого помилует. А здесь еще три десятка жертв!

— Скажите, Геннадий Владимирович, а вас не будет мучить совесть за принятое решение?

— Во-первых, принимал решение не я лично, а люди, имеющие полномочия для

принятия подобных решений. А во-вторых, Сергеев своеобразный волк в человеческом облики. Он, словно санитар леса, уничтожал никому не нужных людей, тунеядцев и бродяг, тех, кто никогда ничего не давал ни нам, ни нашей родине. Это балласт, от которого всегда старается избавиться общество.

— Погодите. Я это уже где-то слышал. Ваши мысли или мысли ваших руководителей чем-то схожи с идеологией фашизма. Там тоже есть люди, и есть стадо других, недостаточно чистых людей, убийство которых не возбраняется.

— Не нужно вешать подобные ярлыки. Вы ведь еще хотите работать в органах внутренних дел?

Я молча вышел из кабинета.

* * *

Время летело, день сменялся новым днем и вскоре все забыли о Васильевском людоеде. Союз переживал новых маньяков — Андрея Чикатило, Сергея Ткача и других, жертвами которых стали десятки ни в чем не повинных людей. Вскоре Алексея Сергеева осудили. Верховный суд республики Татарстан приговорил его к смертной казни по редчайшей на тот момент статье — «Каннибализм». Его друга и сожительницу суд почему-то пожалел. Их приговорили к пятнадцати годам лишения свободы, несмотря на то, что они не только помогали ему убивать женщин, но и разделявать их трупы, а их мясо употребляли в пищу. По всей вероятности, осудить их всех по статье «каннибализм» суд не решился, для него было достаточно и одного каннибала — Сергеева. Три каннибала — это был явный перебор.

Прошло около года после того, как я последний раз видел Сергеева. Однажды я, находясь в следственном изоляторе, услышал эту фамилию от одного из оперативников изолятора.

— Толик, а разве он еще сидит у вас? Я думал, что его давно этапировали в другой изолятор, где приводят приговор исполнение.

— Нет, Виктор Николаевич, он до сих пор содержится в нашем изоляторе. Хотите на него посмотреть?

— Хочу, — коротко ответил я ему. — Я его хорошо знаю и мне очень интересно посмотреть на него после вынесения ему смертного приговора. Скажи, а это возможно?

— Это раньше он числился сначала за прокуратурой, а затем за судом, и нам категорически запрещали общаться с ним. Сейчас, после суда, этот запрет снят. Так что, если хотите, я вас сейчас отведу к нему. Единственное условие — тридцать минут и не более. Мне неприятности не нужны.

Мы прошли в соседний корпус и оказались в длинном узком коридоре. Свернув налево, мы уперлись в металлическую дверь. Анатолий открыл дверь и я вошел в небольшую камеру, где размещались четыре койки. На одной из них сидел мужчина с небольшой бородкой на бледном лице. Заметив меня, он улыбнулся мне, как старому знакомому и встал с койки.

— Осужденный по статье 102 УК СССР Сергеев Алексей Васильевич...

Оперативник не дал ему закончить доклад, махнув рукой. Я присел за стол и посмотрел на стоявшего передо мной Сергеева.

— Присаживайся, Сергеев. Узнал, что ты еще здесь, и не мог не зайти, не поговорить с тобой о жизни.

Он ухмыльнулся и сел напротив меня. Я достал из кармана пиджака сигареты, спички и положил на стол.

— Можно сигарету? — попросил он.

— Бери, закуривай, — ответил я ему.

Стоявший в дверях оперативник вопросительно посмотрел на меня.

— Толя, оставь нас. Не бойся, здесь ничего не произойдет.

— Только тридцать минут и ни минутой больше, — он вышел из камеры.

Когда за ним захлопнулась дверь, я повернулся к Сергееву и задал ему первый вопрос:

— Скажи, Сергеев, почему ты решил сам себя уничтожить? Ведь если бы ты не рассказал об убийстве Лиды своему соседу, то об этом, наверное, никто и никогда не узнал бы.

Он снова усмехнулся и, погладив свою небольшую бороду взглянул, на меня.

— Виктор Николаевич, ты первый сотрудник милиции, который задал мне этот вопрос. Ты знаешь, меня всю жизнь унижали и оскорбляли. Я всегда был изгоем как на воле, так и на зоне. Мне всегда хотелось отомстить людям за это унижение, показать им, что я не только выше их, а скорей всего и Бог для многих из них.

Он затаился и, выпустив струю дыма в потолок, продолжил:

— Почему женщины, а не мужчины, спросите вы меня. Могу сказать только одно — я вообще ненавидел женщин. Почему, сам не знаю. А во-вторых, женщины намного слабей мужчин. Если мужчина в момент опасности может мобилизоваться и оказать отчаянное сопротивление, то женщина этого сделать не может. Она защищается в основном эмоционально, за счет слов и слез. Мне нравилось читать в их глазах обреченность. Они, словно коровы, молча шли под нож. Вы знаете, что коровы перед убоем всегда плачут? Женщины тоже.

Он докурил сигарету, и рука его вновь потянулась к пачке. Он достал сигарету своими темными скрюченными пальцами, размял и сунул себе в рот. Прикурив, он глубоко затаился и закрыл глаза. Так он просидел около минуты.

— Мне всегда хотелось прославиться. Я читал книги и завидовал Чапаеву, Буденному, Чкалову и другим героям. Я жалел, что родился в такое время, когда ничем не могу прославиться. Но вот однажды, находясь в следственном изоляторе, я прочитал детскую книгу о Робинзоне, которая перевернула все мое сознание. Вы помните тот момент, когда дикари готовили свой обед из пленных? Вот тогда у меня родилась мысль — есть людей. Я слышал, что многие в блокадном Ленинграде спаслись лишь потому, что ели людей.

Он снова сделал паузу и, выпустив дым, усмехнулся.

— Тяжело было убивать первую бабу. Я ее знал по воле. Она училась в параллельном со мной классе. Я знал, что у нее двое детей, но я смог себя пересилить. Скажи, что я прав, что герой должен быть выше среднего человека? Когда я попробовал человеческую печень, я понял, что человеческое мясо практически ничем не отличается от мяса животных. Особо мне нравились женские груди.

— Прекрати, Сергеев. Ты же знаешь, что все это мне неприятно.

— Тогда слушайте. Сначала все эти убийства были словно игра с вами, то есть с милицией. Мне нравилось чувствовать свою значимость, и главное, свою неуязвимость. Потом это чувство притупилось. Мне хотелось славы, но она ко мне почему-то не приходила. Раньше я в основном убивал приезжих женщин, а также бродяг, то есть тех, кого не станут искать. Потом я стал убивать женщин из Казани. Я все время ждал, когда за мной

придут, но вы не приходили.

Однажды ко мне на улице подошел наш участковый. Я на миг испугался, так как посчитал, что он вычислил меня. Но я тогда ошибся. Про меня по-прежнему никто не знал.

— Почему ты так думаешь, что о тебе никто не знал? Я знал. Я вычислил тебя, знал, что ты живешь в поселке Васильево. Предполагал, что где-то в садах.

— Тогда почему вы меня не остановили? Ведь вы могли это сделать, и тогда бы эти женщины остались живы.

— Все не так просто, Сергеев. У тебя была одна дорога, а у меня их были сотни. По которой ты шел, я не знал, и выбирать дороги мне, поверь, не давали.

— Виктор Николаевич! — услышал я у себя за спиной. — Время вышло. Нужно уходить. Я встал из-за стола и направился к двери.

— Может, оставите мне сигареты? — попросил меня Сергеев. Я достал из кармана сигареты, спички и бросил их на стол.

* * *

Шел март 1987 года. Я сидел в своем рабочем кабинете и нехотя листал розыскное дело. Дело мне было хорошо знакомо. Три месяца назад я уже изучал его. Оно было заведено по факту безвестного исчезновения молодой женщины. Я не исключал того, что женщина могла стать жертвой преступления. Накануне своего исчезновения она случайно встретила со своим бывшим мужем, с которым развелась более трех лет назад. Во время встречи между ними вспыхнул скандал. На прощание бывший муж пообещал, что она на всю жизнь запомнит эту встречу. После чего женщина не вернулась с работы домой. Я дал по этому делу конкретные указания, в том числе постараться через районную прокуратуру возбудить уголовное дело и отработать ее бывшего мужа на возможную причастность к ее исчезновению. Прошло три месяца, и ни один пункт моих указаний не был исполнен. Я невольно вспомнил серийного убийцу Сергеева, его исповедь передо мной. Как тогда он мне сказал:

— Я убивал их лишь только потому, что вы не могли меня вовремя остановить. Вот и сейчас, глядя на это розыскное дело, я снова подумал о судьбе этой пропавшей женщины.

«Наверное, придется самому заняться этим непростым делом», — подумал я. Сегодня я был ответственным дежурным по управлению уголовного розыска и поэтому звонок телефона, стоявшего у меня на столе, ни чуть не удивил меня.

— Привет, Виктор, — произнес дежурный по МВД. — Есть проблема.
— Давай докладывай, не тяни кота за хвост.
— Дело в том, что сейчас позвонил мужик. Говорит, что рыбачил на Волге и случайно наткнулся на три замерзших трупа. Два трупа мужчин и один труп женщины. У женщины задрана юбка.

— Понятно. А, где он их обнаружил?
— Говорит, в районе островов Маркиз. Это километров семь от берега.
— Ну и как до них добираться? Сейчас два часа дня, в начале шестого будет темно.
— Ну, я не знаю, — ответил дежурный. — У меня никаких подручных средств нет.
— Может, есть лыжи?

— Какие лыжи? У нас дежурная часть, а не лыжная база. Сейчас свяжусь с заместителем министра, что скажет он?

Он положил трубку. Я быстро убрал розыскное дело в сейф и стал одеваться. Через минуту я уже входил в дежурную часть МВД.

— Виктор! Приказ заместителя министра. Ты должен организовать розыск этих трупов.

— Вы что, больные вместе с ним? Разве я один могу что-то сделать? Собирай дежурных из подразделений.

Нас оказалось семь человек. Мы перекурили, быстро развернулись и направились по льду Волги в сторону поселка Нижний Услон. Кому приходилось ходить по зимней Волге, тот знает, что это такое. Вскоре идущие за мной сотрудники милиции стали потихоньку отставать. Путь оказался намного сложнее, чем мы все предполагали. В отдельных местах снега было по пояс, и нам приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы преодолеть эти снежные заносы.

Забрав у шедшего рядом со мной сотрудника оцинкованное корыто с привязанной к нему веревкой, я увеличил скорость движения, так как стало заметно темнеть.

Вот и острова, которые в народе почему-то называют Маркиз. Откуда взялось это название, я не знал. Присмотревшись повнимательней, я заметил торчавшую из снега зачоченевшую человеческую руку.

— Давай ко мне, — крикнул я сотрудникам.

Мы выкопали из снега труп мужчины. Судя по его одежде, это был рыбак. Рядом с трупом лежала две пустые водочные бутылки.

«Кто же на зимней рыбалке так напивается? — подумал я. — Пьяный, посреди Волги — это неминуемая смерть».

Мы погрузили замерзший труп в корыто и стали искать оставшиеся два трупа. Однако в темноте найти эти трупы было практически невозможно. Затратив на розыск около часа, мы повернули в сторону берега. Обратный путь в темноте оказался еще труднее. Вскоре сотрудники выбились из сил и нам пришлось сделать небольшой привал. Когда мы вышли на берег, то одного сотрудника недосчитались. Перекурив, я снова направился к тому месту, где мы делали привал.

Ему или мне, не знаю точно, здорово повезло. Я нашел его сравнительно быстро. Выбившись из сил, он сидел на льду и не мог идти дальше. Я взвалил его на плечо и медленно зашагал в сторону берега. Эти шестьсот метров показались мне бесконечными. Я нес его на себе, падал, вставал и снова нес. Наконец мы дошли до берега.

Погрузив труп в одну из машин, мы отправили его в морг, а сами стали разъезжаться по подразделениям. Еще в машине я почувствовал некоторое недомогание. У меня щемило сердце и периодически возникали боли где-то за грудиной. Все это я списывал на физическую усталость.

Приехав в министерство, я быстро поднялся к себе в кабинет и стал менять свою обувь, которая была окончательно испорчена, а вернее изрезана мелкими, острыми как стекло, льдинками.

На столе снова зазвонил телефон. Я снял трубку и услышал голос заместителя министра:

— Абрамов, почему не докладываешь о результатах поиска? Ты нашел трупы?

— О результатах я доложил дежурному по МВД. Мы нашли всего один труп, Марсель Рашидович.

— Почему один? Насколько я знаю, рыбак сообщил о трех трупах.

— Я не знаю, где он видел три трупа. Мы обнаружили всего один.

— Плохо, очень плохо, Абрамов. Я конечно представляю, что значит практическая работа. Она намного сложнее, чем придумывать в теплом кабинете версии о серийных убийцах.

— Извините, но я не понимаю вас, Марсель Рашидович. В чем вы меня обвиняете? Вы считаете, что я плохо искал эти трупы? Или в том, что я тогда практически вычислил серийного убийцу?

Он сделал паузу и, откашлявшись, продолжил.

— Мне вообще не нравятся выскочки, подобные тебе. Ты считаешь себя умнее других, а это нехорошо. Я последнее время часто думал о тебе и искал возможность щелкнуть тебя по носу. Вот я и дождался этого момента.

От этих слов мне стало не по себе.

«Что такого я мог сделать этому человеку, что вызвал у него такую негативную реакцию в отношении себя? Он заместитель министра, а я всего лишь старший оперуполномоченный управления уголовного розыска. Неужели его так задело то, что я смог вычислить Сергеева, а он нет? Ведь это глупо».

— Ты сейчас опять поедешь на Волгу и лично, один, будешь искать эти трупы. Найдешь, останешься в МВД, не найдешь, я тебя уволю. Ты понял?

— Трупы не живые люди, они бегать не умеют. Если вы считаете, что я плохо организовал их поиск, можете это дело поручить другим сотрудникам. Я не пойду, и не буду искать эти трупы. Можете делать со мной все, что хотите.

Я произнес все это на одном дыхании, так как вдруг почувствовал сильную боль за грудиной.

— Считай, что ты уже не работаешь в МВД, — произнес он и положил трубку.

Я встал из-за стола. Стены кабинета почему-то стали кривыми. Я уцепился за стол чтобы не упасть на этом кривом полу, однако это не остановило моего падения. Я потерял сознание и упал на пол.

* * *

Очнулся я уже в больнице. Надо мной наклонилось лицо в белой медицинской шапочке. Заметив, что я открыл глаза, доктор произнес:

— Вам здорово повезло, молодой человек. Если бы вас не обнаружил дежурный по МВД и своевременно не оказали медицинскую помощь, то все могло закончиться намного плачевней.

— Доктор, что со мной?

— У вас инфаркт миокарда.

— Вы шутите? Я же спортсмен. Я всю свою сознательную жизнь занимался спортом.

— Это ничего не меняет. Вы просто не были подготовлены к эмоциональному штурму.

— Что меня ожидает в будущем?

— Не знаю. Возможно инвалидность, а пока вам нужен покой.

Мне сделали укол, и я почувствовал, что начинаю проваливаться в бездонную яму. Мне снова снился сон про Афганистан, про последний патрон. Я снова лежал среди камней, не

веря в то, что остался в живых. Где-то в голове звучал голос матери, который растолковывал мне этот сон.

«Да, мама была права, — подумал я. — Вот я и один на один со своей болезнью и мой последний патрон у меня в руке».

* * *

Я не буду описывать то, что мне пришлось пережить в эти непростые для меня дни. Я жил одной лишь надеждой, что смогу снова вернуться на свою службу. Я пережил многие неприятные моменты, но все же вернулся.

Я тогда еще не знал, что заместитель министра подал в отставку и ушел из органов внутренних дел, что через три месяца после возвращения на работу меня назначат начальником отдела, в котором не окажется ни одного сотрудника. Все это еще впереди, а пока я шел на работу после полугодового отсутствия.

29 июля 1987 года Сергеев проснулся рано утром. Всю ночь он не спал, и лишь под утро дремота сморила его. Ему снились женщины, которые стояли к нему в очередь, и каждая из них держала что-то в руках. Что они держали, он так и не смог рассмотреть. Чей-то до боли знакомый голос еле слышно произнес за его спиной, чтобы он встал перед ними на колени и попросил прощения за принесенные им муки. Он попытался сопротивляться, но чьи-то сильные руки заставили его встать на колени перед женщинами. Он пытался заглянуть им в глаза, словно ища в них какую-то надежду на спасение, однако глазницы их были пусты.

Он вздрогнул от скрипа открываемой металлической двери и посмотрел на стоявшего в дверях контролера.

— Сергеев, на выход, — крикнул ему контролер.

Он молча встал с койки и медленно направился к двери. Остановившись у двери, он оглянулся и молча обвел свою камеру взглядом.

«Это конец, — подумал он. — Я сюда больше никогда не вернусь».

Сергеев украдкой вытер непрошенную слезу и неуверенно шагнул за порог камеры.

— Лицом к стене, — последовала команда.

Он выполнил ее привычно четко.

— Вперед, — скомандовал контролер и слегка толкнул его резиновой палкой в спину.

«Не хочу! Не пойду! — захотелось ему закричать во все горло. — Я жить хочу!»

Но он не закричал, отчетливо сознавая, что просто не может это сделать, так как страх намертво парализовал его голосовые связки. Он медленно двинулся по коридору, с трудом переставляя обмякшие ноги.

— Давай двигай быстрее, — контролер с силой толкнул его в спину.

— Куда мне спешить? Успею, — кое-как выдавил он из себя.

Они прошли длинный коридор, которому, как показалось ему, не было конца. Наконец они остановились около двери.

— Лицом к стене, — последовала команда.

Дверь противно лязгнула металлом. Давно не мазанные металлические петли противно заскрипели.

— Вперед, — последовала команда и дверь с лязгом закрылась за его спиной.

Он сделал несколько неуверенных шагов по этому длинному и мрачному коридору и остановился.

— Вперед, — снова произнес незнакомый ему голос.

Он сделал еще несколько шагов и услышал за спиной сухой шелчок взводимого курка. Раздался выстрел. Ноги Сергеева подкосились, и он грузно упал на бетонный пол.

* * *

В 2003 году при перекопке частного погребка была обнаружена «братская могила», в которой находилось три трупа неизвестных людей. Как они могли здесь оказаться, никто не знал. Прибывший из Казани следователь, который расследовал уголовное дело Сергеева, его почерка в сохранившихся «вещдоках» не усмотрел. Все те, кто когда-то занимались

расследованием этого дела, вдруг «неожиданно» для себя вспомнили, что, кроме семи вменяемых ему убийств, он пообещал рассказать еще о двух дюжинах подобных преступлений.

Слухи подогривало еще и то обстоятельство, что в поселке Васильево после пятнадцатилетнего заключения объявилась его бывшая подруга Мадина. Кроме как «людоедкой», ее никак не называли: никто не забыл, что именно она стряпала Сергееву блюда из человечины, ела их сама и потчевала ими гостей. Страшное тавро делало невыносимым и ее пребывание в зоне. Узнав о ее статье, к ней и относились соответственно, ее просто не считали за человека, издевались над ней, били и унижали, как могли. Чтобы каким-то образом сохранить ей жизнь, администрация вынуждена была постоянно переводить ее из колонии в колонию. Однако весть о ней доходила до колонии намного быстрее, чем она прибывала туда. Все снова повторялось, только в более изощренной форме. Ее и теперь, на воле, часто видели избитой, с запекшимися ссадинами на лице и теле. Хотя это могли быть и следы ее беспробудного пьянства.

Больше книг на сайте - Knigoed.net